

Гносеология

Часть III

Мышление действительно субъективно. Но делать отсюда вывод о том, что все содержание мышления принадлежит человеческому субъекту, — это значит: один из признаков понятия считать самим понятием. Частное путем произвольной подмены заменяется здесь общим. И это первая логическая ошибка.

(А.Ф. Лосев).

Гносеология в древнебашкордской философии

Охота как символ теории познания

Охота является наиболее древним видом трудовой деятельности людей в истории человечества, направленной на добывание средств к существованию. Наряду со скотоводством, земледелием и рыболовством — охота является не только видом трудовой деятельности человека, но и активной, и естественной формой жизни людей. В процессе любой работы человек не только приобретает или производит вещи, но одновременно постигает и познает окружающий его мир. Достаточно вспомнить земледельца Каина и скотовода Авеля из Библии, дабы понять, что не только мифология, но даже монотеистическая религия понимает различные виды трудовой деятельности человека как некое сакральное действие, благодаря которому можно приблизиться или отдалиться от Бога. В более древние времена, когда идеологией человека была не религия, а мифология, именно охота стала главным источником познания о мире для людей и единственным доступным философским методом постижения истины.

В башкордской мифологии и в эпосе “Урал-батыр” и в сказании “Акбузат” охота описывается не как физическая работа или трудовая повинность, а как гносеологический метод философской науки, благодаря которому человек способен преследовать, догнать и овладеть знаниями о различных формах нашего бытия. В эпоху, когда охота являлась формой жизни, философия отсутствовала как наука. Следовательно не было самой научной терминологии и абсолютно не представляется возможным искать в башкордском эпосе “Урал-батыр” текстов, в которых теория познания была бы изложена в известных философских терминах и отвлеченных абстрактных понятиях. Сама — Охота, изображаемая в башкордской мифологии — в художественных образах, является — Символом умственной деятельности человека и диалектическим методом гносеологии.

Современным ученым-исследователям, изучающим башкордскую мифологию надо помнить о том, что для того чтобы найти и проанализировать тот или иной философский текст в первую очередь необходимо понять сам метод изложения и ту охотничью терминологию и художественные символы, которые заменяют собой в эпосе “Урал-батыр” философские термины и понятия. Сам процесс охоты требует от человека предельного внимания и постоянного наблюдения за всем окружающим его миром, что в целом сродни концентрации и сосредоточении ума современного ученого при решении какой-нибудь научной теоремы или задачи.

Отсутствию философской терминологии и отождествлению научной деятельности с ремеслом заставляло древних мыслителей излагать свое видение законов природы — языком художественных образов. В эпоху фетишизма, когда человек поклоняется и обожествляет многие вещи и явления природы, любое описание окружающей действительности, имело вид художественного произведения. Но необходимо помнить, что для людей древности все эти художественные образы, которыми оперируют мифы различных народов, являлись не просто образами, а весьма почитаемыми и обожествляемыми фетишами. Поэтому образ охоты в башкордской мифологии есть фетишистское описание теории познания излагаемое в чувственно-зрительных образах. Символом знания и идеи в башкордской мифологии служит образ солнечного лебедя, образ Урала-охотника является символом материи, которая постоянно охотится за идеями.

Если Идеи, в облике Хомай изображаются в башкордской мифологии как абсолютно самодостаточный мир, царящий высоко в небесах над землей, то Материя в облике охотника Урала-батыра понимается как слепая неразумная

стихия, которая подвержена распадению на составляющие ее части и элементы. С целью, самосохранения материя нуждается в постоянном восполнении как костер в дровах, как деревья и трава в воде. С целью максимально конкретизировать и понятным языком изобразить постоянное стремление материи к своему восполнению в башкордской мифологии в ходе ее исторического развития сложился образ охотника преследующего свою жертву. Фетиши и мифологические символы играют в башкордской философии роль абстрактных понятий, поэтому идеи понимаются здесь как материя исключительно — соматически, телесно. Овладеть идеей, постичь истину для древних башкордских мыслителей было равносильно схватить добычу.

Охота сродни ремеслу и искусству, и поэтому, весьма не случайно, что в башкордском языке слова охота — **һунар** и ремесло — **һөпә** происходят из одного корня.

По представлению древних башкордских мыслителей именно человек, погруженный в охоту, способен постичь самые высокие сокровенные тайны бытия. Охота, как ремесло, требующее от человека постоянного внимания к природе, к окружающей обстановке, умения наблюдать не вмешиваясь в естественный ход вещей, созерцать от начала до конца действия своей жертвы, умение анализировать данные факты и затем делать правильные выводы — является поистине научным процессом, для участия в котором охотнику или ученому-следопыту было необходимо первоначально овладеть определенными знаниями и магическими приемами. Охота в древности почиталась людьми как сакральное действие, которую освящали жрецы и шаманы и, само отношение древних людей к охоте, весьма сильно отличалось от современного подхода. В настоящее время охота для людей является неким развлечением, где царит успех и удача. Но в древние времена в эпоху строго детерминированного фатализма охота для человека являлась тем мистическим периодом времени, в течение которого охотник покидал свою родовую общину и выходил на встречу с богами и демонами.

Для человека, эпохи фетишизма, каждое дикое животное представляло разумным как сам человек существом, что хорошо показано в мифологиях у различных народов. Считалось, что боги не только созерцают охоту людей на земле, но часто сами спускаются с небес и принимают активное участие, помогая человеку преследовать и настигать диких зверей. Именно боги почитались и почитаются людьми с древнейших времен источником всех знаний о Вселенной, и поэтому описание пленения дочери Солнца — Самрау богини — Хомай, в эпосе “Урал-батыр” необходимо трактовать как приобщение человека к божественному миру. Божество в сознании древнего человека было и являлось тем, что сейчас современные философы называют Идеями. Таким образом описание охоты в башкордской мифологии является на самом деле — Символикой, используя которую древние мыслители старались выразить свое понимание соотношения идеи и материи. Образы охотников Урал-батыра и Хаубена иллюстрируют стремление чувственно-материальной Природы в облике человека к насыщению (охоте) себя — Светом (идеями, знаниями). Описания идей как небесных, перелетных водоплавающих птиц-фетишей позволяло древним башкордам изобразить в мифологии как материя в образе человека следует за идеями (лучами Солнца), которые попав в руки охотника на земле, начинают стремительно развиваться. Символическим описанием долгих поисков человеком — знаний, как добычи, начинается изложение теории познания в древнебашкордской мифологии, где овладение знанием трактовалось как пленение Уралом лебедя Хомай.

470 .Как-то однажды все вчетвером
На охоту ушли, говорят,
Много дорог прошли, говорят,
С охоты вернулись, говорят.

Мифология, повествуя об охоте, по законам жанра не интересуется ее физическими результатами, поскольку не является статистическим документом и не ставит своей целью поведать сколько зверей добыл охотник. Точно так же и сказку про дровосека рассказывают совсем не для того, чтобы выяснить сколько кубометров дров нарубил человек в лесу. Не имея абстрактных понятий, древние мыслители использовали чувственно данные художественные образы, понятные людям той поры, для выражение частными средствами более общей идеи, которая в свою очередь не всегда являлась логическим следствием предыдущего действия. Действительно, много людей ходит на охоту, но не все люди приходят с охоты с добычей в руках, или допустим, как в мифе ни каждый дровосек встречается в лесу с дивом-людоедом или говорящей змеей. У древнего человека не знающего допустим, как современный ученый, столкновение каких причин вызывает строго определенное, последовательно развивающееся действие приводящее к ожидаемому результату, любое достижение на охоте, то есть, на своей постоянной работе, представало как мистическое действие, предопределенное божествами свыше. Путь к знанию был путем к божеству встретиться с которым мог не каждый человек, а только тот, кто соблюдает все предписания, запреты и табу своего рода и племени, например, Урал-батыр, который не стал пить кровь из ракушки как его брат Шульген. Но даже соблюдение всех запретов и законов родового общества не всегда приносило древним людям удачу на охоте, что было как раз не удивительным, привычным делом.

Мифология не есть описание производственного процесса и, следовательно, все тексты с описанием охоты как трудного и долгого поиска и преследования своей и “предопределенной свыше” жертвы, встречаемые в эпосе “Урал-батыр”, является попыткой, с помощью уже известных и привычных для древнего человека чувственно-зримых образов, таких: как отец и мать, охотник и зверь, изложить в наглядной художественной форме концепцию теории познания.

Среди птиц, на охоте пойманных,
Была одна лебедь белая.
Когда ноги опутали ей
И старик нож наточил,
Чтобы голову ей отсечь.

В эпоху фетишизма, человек не отделял идею от материи и все умопостигаемые понятия приобретали в сознании людей чувственно-наглядный, зримо-осязаемый материальный облик, чаще всего либо птиц, либо животных. Именно это и является идеологической основой фетишизма. Поэтому озарение ума человека какой-либо мыслью или идеей, древние башкорды представляли себе в зримых образах — как ловля охотником птиц.

В современных языках аналогией и реликтом подобно архаичного мышления является употребление охотничьей терминологии при описании того или иного вида творческого процесса, например, в русском и английском языках сохранились такие выражения как: “ухватить мысль на лету”, “завладеть умами людей”; “запутать своими доводами” и т.д., “to catch idea” “to got smbs point”, “to set a trap and l...”

Человек, думая, анализирует и расчленяет или разлагает на составные части свои мысли, что в целом отдаленно напоминает расчленение и разделку охотником или мясником тушу забитого животного. Процесс понимания отношений между обнимающими друг друга понятиями, то есть, понятиями, из которых одно входит в объем другого, сам напоминает охоту или замкнутый круг и, поэтому требует либо ограничения, либо обобщения понятий. Древний человек, который вообще все идеи представлял в облике материальных фетишей, полагал, что если нет вещи, то нет самой идеи этой вещи. В современной логике метод, по которому Понятия не сводимые к интуитивному знанию и не поддающиеся проверке на опыте удаляются из науки носит название — бритвы Оккама, по имени английского профессора Уильяма Оккама (1285 — 1349). Конечно ни один ученый, употребляя этот термин, не имеет ввиду бытовую бритву, которой можно побриться или распороть швы на пальто, и все понимают, что это метафора.

Точно также как термин “бритва Оккама” необходимо метафорически понимать и истолковывать слова: “Старик нож свой наточил” в эпосе “Урал-батыр”: Миф, как мы уже неоднократно упоминали, повествуя об охоте, являвшейся в эпоху палеолита и мезолита единственным видом науки и искусства художественными образами материальных предметов и явлений ставил своей целью наиболее понятными средствами Показать, а не Объяснить, сложные взаимоотношения существующие между небесным и земным мирами. И в настоящее время во многих религиях, в частности в исламе, жертвоприношение барана в праздник Курбан-байрам служит примером демонстрации верующим наглядными средствами наличия скрытых связей нашего мира с миром метафизическим.

Все мифологии мира имеют многочисленные примеры представлений древними людьми своих богов в образе животных или растительности. Лебедь, как перелетная птица, появляется на Урале весной, когда оживает вся природа, по этой причине почиталась у древних башкордов богиней растительности. Подобные представления имели широкое распространение у многих народов в древности и являются закономерной цепочкой в истории развития человеческого мышления от чувственно-наглядных образов к умопостижимым, идеальным понятиям. Для древних греков Дионис почитаемый богом растительности являлся им в мистериях в облике козла или быка. Миф как сценическое действие разыгрывался в древности при исполнении ритуала. Обычай умерщвлять бога в облике какого-либо животного возник на наиболее ранней стадии человеческой культуры. Раз в два года жители острова Крит устраивали мистерии, в которых разыгрывали смерть Диониса и все присутствовавшие и участвующие в этом ритуале набрасывались на живого быка, считавшегося самим Дионисом и своими собственными зубами и ногтями разрывали на части и убивали священное животное и охваченные религиозным безумием с дикими воплями и криками бродили по ночному лесу. Подражая мифу, по которому Диониса в облике быка титаны разорвали на части, жители Крита зубами разрывали на части живого быка, и этот кровавый ритуал был типичной чертой дионисийского культа. Считалось, что вместе с обликом быка Дионис способен принимать и облик козленка и во время его мистерий в греческом городе Гермигоне древние участники культа Диониса разрывали на куски живых козлов, которых поедали в сыром виде.

Если Дионис почитался богом растительности, то богиня Деметра в греческой мифологии являлась олицетворением — плодородия в природе. В языке кордов Месопотамии и Передней Азии, которые неоднократно сталкивались с греками с древнейших времен слово — дем, являющейся корнем в имени богини Деметры, означает “сырой, болотистый” (о местности), что полностью

соответствует семасиологическому значению слова — **ДЫМ** “влажный”, имеющемуся в башкордском языке.

Древние греки почитали свинью и лошадь живым воплощением богини Деметры. Образы Диониса и Деметры в греческой мифологии свидетельствуют о желании человеческого разума на определенном историческом этапе своего развития свести общие понятия: плодородие, растительность к двум конкретным — чувственно-наглядным образам. Таким образом, широко распространенное у многих народов представление, о духах как о конкретном животном является естественным следствием исторического процесса развития человеческого мышления.

По логике первобытного человека божества природы питались той растительностью, которую они олицетворяли. Как писал в прошлом веке английский этнограф Д. Фрезер: **“На бронзовый алтарь Зевса, хранители города, в Акрополе клали ячмень, перемешанный с пшеницей, (. . .). Вокруг этого алтаря прогоняли волов; в жертву приносился тот из них, который подходил к алтарю и съедал подношение. Топор и нож, которым закалывали животное, предварительно увлажняли водой, принесенной девушками-водоносами. Потом оружие затачивали и передавали палачам, один из которых валил вола ударом топора. Повалив быка, первый палач отбрасывал топор в сторону и убегал. Второй палач следовал его примеру. Тем временем вола успевали освежевать, и всем присутствующим давали отведать его мясо”.** (См. указ. автор. “Золотая ветвь”. М., 1980. Стр. 516 — 517).

Поедание быком зерна служило для жителей древней Аттики было главным доказательством в правильности выбора жертвы, и не требовало никаких объяснений, так как считалось, что божество поедает то, чем повелевает.

Млекопитающие животные, которых в древности приручил человек: овца, коза, корова и т.д. питаются травой, и поэтому вполне закономерно, что в мифологии разных народов — бык и корова стали почитаться — богами растительности. По этому же логическому принципу в башкордской мифологии лебедь — Хомай, птица всегда плавающая в воде, прилетающая по воздуху и не выходящая почти никогда на землю, стала для башкордов божеством вод, весеннего дождя и растительности. На Урале лебеди прилетают с наступлением тепла весной, когда реки освобождаются от сковывающих воды льда, так сильно затрудняющий людям доступ к питьевой воде в зимнюю пору.

Как в древней Греции, коза и бык стали животными образами таких богов растительности, как Дионис — Загрей и Деметра, в башкордской мифологии лебедь, как птица, чья жизнь тесно связана с водой, стала земным воплощением царицы вод — Хомай. Возможно, в богине Хомай воплотились обще арийские представления о живой влаге дающей бессмертие богам. Загробное блаженство у древних греков и скандинавов, ведических ариев и иранцев рисовалось в мифах этих народов как, состояние вечного опьянения. Достаточно здесь вспомнить ведийский опьяняющий напиток богов — Сому, авестийскую — Хаому, амброзию и нектар в греческой мифологии, хмельной мед в Вальхалле, в мифах скандинавов.

Этимология имени башкордской богини — Хомай: һыу “вода” (башк.); хыу “вода” (чеченск-ингушск.)хо; хо дан “потеть” (кордск.); cheo “изливать” (греч.), hydor “вода” (греч.) “кровь” (греч.), һаӀма “кровь” (греч.), һ□□□у “писать, мочиться” (башкорд.), humid “влажный” (англ.), хав “сырой” (кордск.), хьмам “туман” (кордск.), һэ□а□ “баня” в переносном значении “влажная духота” (кордск.); вторая часть имени — □э□ башкордском языке означает “алкогольный, хмельной напиток”, в иранском языке — мей “вино”, в кордском — мейа “закваска”, □э□□ “вино”, □□□э□э□□□ “бог дождя”.

Во многих индоевропейских языках слова — Хо, и Май поставленные вместе или по одному, несут в себе значение — жидкость, сырость, влага.

Все данные индоевропейской мифологии дополняют семасиологию слова и дают возможность говорить о праиндоевропейском происхождении имени и образа богини Вод — Хомай в башкордской мифологии. Синкретический образ лебедя-воды, заставляет предполагать, что древние люди считали ее птичье обличье не более чем частью изначальной природы — богини воды.

Описанный в башкордском мифе ритуал предполагаемого убийства лебедя пойманного весной на охоте с применением священного орудия — ножа отражает тот важный историко-географический факт, что образ богини — вод — Хомай в мифах иранских народов зародился на Севере, в северных широтах.

На севере, в зимнее время, вода покрывается толстым слоем льда, что чрезвычайно затрудняет свободный доступ людей к воде, без которой человек просто не сможет жить более 7 — 10 дней. И в настоящее время без железного лома или топора на Урале добыть воду из реки или колодца зимой невозможно. В эпоху фетишизма все орудия труда — копье, нож, палица — дубина обожествлялись первобытным человеком и часто, во время жертвоприношений, древние люди возлагали на них всю вину за убийство священного животного. Возможно в эпосе “Урал-батыр” эпизод, где описывается пленение лебедя и желание Янбирде-отца, отрезать голову перелетной птице, , является сохранившийся воспоминанием о практике древних башкордов приносить живых лебедей прилетевших весной на Урал в жертву своей богине вод — Хомай. Теплая кровь, принесенного в жертву лебедя, символизировала талые весенние воды. Зимний снег под неумолимым действием солнечных лучей начинает таять и поскольку Хомай почиталась дочерью Солнца древние башкорды считали приход весны действием божества. Золотистые лучи Солнца на талой воде весной могли приниматься в древности за слезы Хомая:

480. Кровавыми слезами заплакала, говорят,
Свое горе высказала, говорят.

Несомненно в эпоху, когда фетишизм, изначально миксантропизм, антропоморфизм, оборотничество и переселение душ являлись нормами мышления древних людей, несомненно, что свои личные душевные переживания первобытный человек приписывал вселившейся в него божественной силе. Дух, как и ветер, не сосредотачивается на одном предмете, а постоянно перемещаясь имеет способность проникать и проявлять себя в материальных объектах, каким и является тело человека. Например, человек может простыть, его может хватить солнечный удар и просто глупо не замечать в этом воздействие на физическое тело внешних стихий. Опьянение от вина, курения гашиша, или испития кукнара так же считалось древними людьми, как воздействие мистических сил на душу человека. Толкование своих мыслей как откровение божества свыше хорошо представлено в Библии, где описывается как Бог взывал к Моисею из купины неопалимой.

И в современной психиатрии встречаются душевнобольные люди, для которых свои мысли слышатся голосами мистических внешних сил. Учитывая все эти многочисленные факты о представлении древними людьми своих собственных мыслей, как откровение божества человеку, необходимо трактовать перевоплощение лебедя и речь Хомай к людям в эпосе “Урал-батыр”, как мифологическое описание древнебашкордского представления о ежегодном снисхождении весной небесного божества в земной мир.

480. “Полетела я мир повидать,
Не земная птица я,
У меня есть своя страна,
Я не безродная сирота.”

В эпоху каменного века, когда люди находились под властью природных стихий, коллективная жизнь в рамках родовой общины не позволяла человеку осознать себя в полной мере индивидуальной и неповторимой личностью, и поэтому сам процесс познания окружающей действительности представлялся не как самосознание, а как явление божественной силы извне, либо как говорящей птицы, либо в образе пророка. Все знания казались человеку живыми существами, добытые как дичь на охоте.

По этому поводу необходимо указать, что и в более поздние периоды человеческой истории, например, в античной Греции, когда отдельные философы и мыслители уже подступившие к пониманию абстрактности мышления, продолжали представлять процесс познания в виде охоты на птиц. Это вполне закономерно, поскольку образ абстрактного знания и умопостигаемых категорий в облике порхающей птицы, которую надо поймать как охотник, является — мифологическим Прасимволом, унаследованный сознанием людей с более древних времен. Иными словами фетишистский образ знаний в виде порхающей птицы является культурным наследием человека. Охота как символ научного поиска в теории познания встречается у Платона (427 — 327 до н.э.). В своем учении об идеях Платон неоднократно описывает знания парящими в небе подобно голубям.

Процесс приобретения знаний человеком изображается древнегреческим философом в его диалоге “Теэтет” как ловля диких голубей. Сократ, обсуждая с Теэтетом вопрос об “обладании” и “приобретении” знания говорит: “... **давай еще раз построим в каждой душе нечто вроде голубятни для всевозможных птиц, где они будут жить стаями отдельно от других, другие же либо небольшими гнездовьями, либо поодиночке, летая среди остальных, как придется.**

Теэтет: Считаю, что построили. И что же дальше?

Сократ: Следует сказать, что, пока мы дети, эта клетка бывает пустой,— ведь под птицами я разумею знания, тот же, кто приобрел знание, запирает его в эту ограду, и мы скажем, что он выучил или нашел предмет, к которому относилось это знание, и что в этом-то знание и состоит.

Теэтет: Пусть будет так.

Сократ: Впоследствии, когда вдумается, он опять ловит знание и поймавши, держит, а потом снова отпускает,— смотри, сам какими это назвать словами: теми же, что и раньше, когда он приобретал [знание], или другими. И вот откуда ты яснее постигнешь, что я имею в виду. Ведь арифметику ты относишь к искусствам?

Теэтет: Да.

Сократ: Предположи, что арифметика — это охота за всевозможными знаниями четного и нечетного.

Теэтет: Предположил.

Сократ: С помощью своего искусства тот, кто его передает, думаю я, и сам держит прирученными знания чисел и обучает им других. (197 d,e — 198 b) (. . .).

Сократ: (. . .) Дело в том, что можно и не иметь какого-то знания и, охотясь за порхающими вокруг знаниями, по ошибке принять одно за другое. Так, например, можно принять одиннадцать за двенадцать, поймав у

себя самого знание одиннадцати вместо двенадцати, как дикого голубя вместо ручного. (199, в)

(. . .)

Сократ: В нашем сравнении с приобретением и охотой за голубями мы говорили, что охота была двоякая: до приобретения с целью приобрести и после приобретения, чтобы взять в руки и поддержать то, что давно уже приобретено. (198, d)

(. . .)

Тезтет: Но может быть, нехорошо, Сократ, что только знания представляли мы себе в виде птиц,— нужно было и незнания пустить летать вместе с ними в душе, и тогда охотящийся схватывал бы то знание, то незнание одного и того же; ложное представлял бы себе с помощью незнания, а с помощью знания — истинное.

Сократ: Ну как не похвалить тебя, Тезтет.” (199. е.; 200. А.). (Перевод Т.В. Васильевой. Платон. Том II. М. 1970 г.).

При чтении этого текста, если не знать заранее, что его написал Платон, легко впасть в заблуждение и предположить, что автор этого диалога был прекрасно знаком и использовал как первоисточник башкордский эпос “Урал-батыр”.

Действительно, совпадение образа лебедя — Хомай являющейся в башкордском мифе символом знания, с образом голубей в диалоге Платона весьма впечатляет, и если вспомнить, что и в иранской мифологии священной птицей почиталась Хомай, то есть все основания утверждать, что образ птицы знания есть исторический прасимвол у индоевропейских народов.

В башкордской мифологии образ охоты используется и как изображение рода занятий и для изображения телесными пластическими формами внутренней жизни человека. Духовная жизнь человека показана в эпосе “Урал-батыр” и мифе о Хаубане, посредством охоты, как погоня охотника за умопостигаемыми понятиями, данными в телесной, материальной форме. Различие родовых понятий дано в эпосе “Урал-батыр” как различные породы зверей добываемых человеком на охоте:

Держали как равных при себе
Льва для езды верховой,
Щуку, чтобы рыбу ловить,
Сокола, чтобы на птиц выпускать,
40. Пиявку — кровь сосать.
То ли издавна было так,
То ли Янбирде повелось.
И с годами на той земле
В обычай вошло —
Если изловят дикого зверя
И зверь окажется самцом,
Муж и жена вдвоем
Голову съедают его,
И Шульгену с Уралом
50. Собаке со львом,
Соколу со щукой
Остальную часть отдают,
А если изловят дикого зверя,
И зверь самкой окажется

Муж и жена
Сердце себе берут;
Если травоядное животное изловят,
На него черную пиявку посадят,
Чтобы пиявка кровь сосала.
60. Из крови той питье готовят,
Пока не подросли их дети,
Пока на зверей не стали охотиться сами,
Сыновьям они запрещали
Есть голову и сердце зверя,
Пить его кровь, чтобы жажду утолить.

Этот текст из эпоса “Урал-батыр” хорошо показывает как в древности, в сознание и мышление людей охота служила символом многообразия человеческой жизни.

Разные виды человеческой деятельности изображены в башкордской мифологии как разные виды охоты, которая являлась основой всей общественно-экономической жизни родовой общины в древние времена. Образ охоты как символа общественной жизни настолько сильно витал в воображении древних людей, что даже в эпоху рабовладельческого государства Платон в своих “Законах” тщательно разрабатывает образ охоты и доводит его до уровня юридического принципа построения государства.

Платон в “Законах” устами афинянина проповедует о необходимости для законодателей при установлении законов об обучении и воспитании подрастающего поколения использовать образ охоты как традиционной архетип, вобравший в себя все виды общественных наук.

“Афинянин. И так, надо сказать, что мы покончили с законами по поводу преподавания наук. Об охоте и всех подобных вещах надо судить таким же образом. Обязанность законодателя может оказаться шире, и он не должен, дав законы, считать свою задачу выполненной. Кроме законов есть и нечто иное, (. . .). Это иное, (. . .), вопрос о воспитании детей”. (Законы. VII 822 d.).

В эпосе “Урал-батыр” достаточно ярко показано как охота трактовалась древними башкордами не только как вид трудовой деятельности, но и как действенный метод воспитания детей.

Впервые в башкордской мифологии о Законе, говорится применительно к детям, которым запрещалось участвовать в трапезе взрослых охотников. Дети признавались Законом родовой общины взрослыми тогда, когда начинали принимать участие на Охоте наравне со всеми членами племени. Охота являлась одновременно действенным методом обучения не только детей, но и взрослого поколения. Иначе и не могло быть, поскольку Охота являлась единственной доступной сознанию людей той эпохи “научной” моделью отношений человека и космоса, личности и общества представленного как живая Природа. Современный человек называет обществом сообщество себе подобных людей объединенных вместе по производственному, национальному, историческому или по какому-либо иному признаку, тогда как класс неодушевленных предметов для сознания и в понятиях современного человека сообществом или обществом не является.

В древности, в эпоху фетишизма и оборотничества, когда человеку казалось возможным превращение, например, девушки — в лебедя, мужчины — в змея, класс неодушевленных предметов так же являлся частью родовой общины, поскольку человек той эпохи, не отделял себя от Природы, и считал себя частью всего Космоса. Все космические явления — затмения Солнца и Луны, гром и

молния, сокращение и увеличение светового дня — древние башкорды представляли как охоту или войну добрых начал с силами зла. Такие древние образы Охоты как, преследование и достижение человеком своей цели — добычи в эпоху зарождения философии как самостоятельной научной дисциплины стали служить приемом описания гносеологического процесса. Так, Платон в “Законах” использует образы охоты при описании своих исследований в области воспитания подрастающего поколения. При этом необходимо помнить, что Охота в эпоху Платона, в период расцвета рабовладельческих городов-государств — не играла никакой существенной роли в экономической жизни древнегреческого полиса. Но в силу своей особой специфики — охота продолжала оставаться идеальным символом отношений человека с миром и в более поздние периоды человеческой истории.

У Платона в “Законах” Охота является одновременно и символом человеческой деятельности и прообразом мысленного процесса, в котором человеческий разум преследует идею как охотник свою дичь.

Разные виды охоты у Платона, как и в башкордской мифологии — являются символическим описанием различных видов умопостигаемых понятий. Для сравнения приведем некоторые тексты из “Законов” Платона, в которых охота одновременно трактуется как духовная жизнь, моральное поведение и научная деятельность человека. **“Охота — это нечто разнообразное, но в наше время все это охватывает одно название. Есть много видов охоты на водяных животных, много видов охоты на птиц, а также много видов охоты на сухопутных зверей. Впрочем, охота может быть не только на зверей, но и на людей как это бывает на войне. Ведь и это заслуживает, если вздуматься, названия охоты. Много есть видов охоты, вызванные любовью: одни из них правильны, другие нет”.** (“Законы”. 823 b,c.).

Как и в древнебашкордской мифологии философ Платон использует образ охоты для описания умственного, духовного поиска человека.

Если в начальных текстах эпоса “Урал-батыр” образ охоты служит для раскрытия сути Законов по которым жила и управлялась родовая община, то затем при описании ловли охотником Уралом лебедя Хомай, а также выжидание и преследование Хаубеном утки-девушки Наркас — охота понимается как иносказательное описание творческого процесса человека, как анализ умопостигаемых понятий, как погоня телесного чувственного мира за идеями, которые обладают способностью оформлять хаос Материи. Поскольку в башкордском мифе “Урал-батыр” повествуется о творении Космоса, то и Охота в мифе, является описанием самого пути и метода преследования чувственно-осознающей материи неких идеальных сущностей, как например — любовь, бессмертие и т.д.

Порядок в Космосе на небе и внутри родовой общины на земле, по мнению древних башкордов, как это зафиксировано в эпосе “Урал-батыр” наступает тогда, когда добыча, пойманная на охоте, распределена строго по законам родовой общины. Взрослые охотники получали лучшие части, а члены общины, находящиеся на попечении охотников — худшую часть. Взрослые охотники начинали трапезу, другие только присоединялись, а некоторые виды пищи были вообще запрещены для молодых членов родовой общины.

В башкордской мифологии главным является не род охоты, а род разрешенной и не разрешенной в употребление в еду пищи, что говорит о чрезвычайной древности эпоса “Урал-батыр”. Иную позицию занимает описание охоты в “Законах” у Платона, где главным становится моральный принцип:

“Заслуживает одобрения тот вид охоты, который совершенствует души юношей; порицания же заслуживает противоположный вид” (823, d.).

В башкордской мифологии охота на птиц в целом порицается, поскольку по языческим поверьям лебедь — Хомай почиталась супругой погибшего Урала, прилетающая на южный Урал каждый весной и приносящая с собой тепло Солнца. Утка — Наркас почиталась супругой мифического Тора — Хаубана, они вместе победили дева Кажкаху — Млечный Путь.

О запрете есть птиц в эпосе “Урал-батыр” говорится буквально следующее:

4320(2...) Могила Урала — высокая гора,
Могила Урала — славная гора —
Стала именоваться Урал-гора.
Спустя много лет,
Соскучившись по Уралу, Хомай
Вдоль по дороге его
Полетела, махая крыльями,
Опустилась на гору-скалу,
4330. Думая об Урале, изливая свою грусть
Лебедушкой обернулась, вывела птенцов —
Лебединое племя размножалась.
Узнали люди о том, говорят,
Считая птиц потомством Хомай,
Признали как сородичей своих
И решили между собой
Не охотиться на них,
Поймав лебедя, не есть.
Размножились лебеди, говорят,
4340. А мясо лебединое люди
Стали запретным считать, говорят.

Категорический запрет охотиться на птиц мы находим у Платона в его “Законах”, где автор устами афинянина говорит буквально следующее: **“Пусть никого из молодых людей не охватит исподтишка страсть к охоте на птиц, совсем не подходящая свободнорожденному человеку”**.

(Закон. 824, а).

Для древних греков лебедь являлся священной птицей бога солнечных лучей Аполлона, который больше всего на свете любит свой народ Гипербореев обитавший далеко на севере от Греции возле знаменитых Рифейских — Уральских гор.

По поводу пребывания Аполлона у Гипербореев интересное сообщение оставил Гимерий (OR, 10), который писал:

“Когда родился Аполлон, Зевс украсивши его золотой миртой и лирой, дал ему, кроме этого, возможность следовать на колеснице, которую влекли и лебеди и послал его в Дельфы к Кастальскому ключу, чтобы оттуда он прорицал правду и правосудие всем эллинам. Аполлон же, войдя на колесницу, пустил лебедей лететь к гиперборейцам. Но в Дельфах, когда узнали об этом, сочини пеан и песнь и, ставши вокруг треножника, закружились в хороводе и призывали бога прийти к ним от гиперборейцев. Однако он целый год там прорицал, а когда нашел это удобным, то решил, что пора зазвучать дельфийским треножникам. Тотчас приказал лебедям лететь из страны гиперборейцев. Было лето, даже самая середина лета, когда Алкей привел своего Аполлона из страны гиперборейцев; летняя жара пылала, и во время присутствия Аполлона среди этой жары лира нежно

воспевает этого бога”. (См. А.Ф. Лосев. “Античная мифология”. М. 1957 г. стр. 407 — 408).

По глубокому убеждению древних греков Аполлон был божеством гипербореев и, следовательно, наблюдая ежегодный перелет лебедей, они считали, что влекомый лебедями Аполлон улетает в свою страну, расположенную возле Уральских — Рифейских гор. Поверье древних греков о том, что теплолюбивые лебеди являются священными птицами бога Солнечного тепла, восходит к древней эпохе Праиндоевропейского единства. Так, и в древнеиндийской мифологии лебедь почитался священной птицей высшего божества, творца вселенной Брахмы.

Если теперь вспомним, что мифические предки древних греков данайцы и ахейцы пришли на территорию Балкан только около XII века до нашей эры, а также и тот исторический факт, что ведические арии пришли в северную Индию в XVIII веке до нашей эры с территории Средней Азии, Западной Сибири, Алтая, Южного Урала, где проживали ранее, то не вызывает никаких сомнений, что лебедь являлся Прасимволом человеческого познания у многих индоевропейских народов уже в доисторическое время, непосредственно предшествующее эпохе распада и разобщения индо-ирано-германских народов.

На севере, как впрочем, и на юге человеку на охоте, прежде всего, нужен свет. Зимой сокращение светового дня затрудняло охотнику преследовать зверя по следам. Увеличение светового дня на Урале весной совпадает с прилетом водоплавающих птиц — утки, лебедя, журавля, которые все без исключения являются в башкордской мифологии символами света. Северный Урал, где до своего переселения в Индию и Иран во II тыс. н. э. обитали ведические арии, — является регионом, над которым шесть месяцев царствует Полярная Ночь. Наступление Полярного Дня совпадает с прилетом полярных птиц — гуся, лебедя, крачки и т.д. В эпоху фетишизма и оборотничества, древним ведическим ариям казалось, что их боги — Хомай, Брахма, Наркас — Нараяна принимают облик птиц для того, чтобы перелететь из своей небесной солнечной обители на землю и освятить весь мир. Для древнего человека, как потом и в философии Платона, именно свет и являлся знанием.

Даже современный человек постигает мир благодаря свету.

Для всех индо-ирано-германских народов Солнечный свет и охота стали символами научного познания и художественными образами умственной деятельности человека.

В настоящее время многие люди наивно полагают, что все научные открытия совершены благодаря человеческому уму или разуму. При этом современные ученые наивно думают, что материя, которую ученые изучают не имеет никакого отношения к этим научным открытиям и достижениям. Иными словами, материя для современного ученого пассивный материал, а свой собственный разум ученый представляет как некий активный и независимый организм, который даже и кормить не надо.

Древний же человек рассуждал абсолютно иначе. В эпоху фетишизма и оборотничества, весь мир казался населенным различными духами, беспрестанно меняющими свой облик. Вследствие бессилия людей древности перед природной стихией, материя являлась не пассивным, а активным началом, которые в облике живого существа, допустим, как лебедь Хомай в башкордской мифологии сама являлась перед человеком и раскрывала перед ним тайны бытия. Не человек постигал мир, а Природа позволяла древнему человеку познать себя и подобные представления о процессе познания сохранялись у людей еще в эпоху античной философии. Например, вся объективно-идеалистическая философия Платона

построена не на абстрактных понятиях, которые были разработаны и переосмыслены уже в новое и новейшее время, а на — Охотничьей Символике.

Как и башкордская мифология философия Платона носит исключительно созерцательный характер, поскольку охота требует от человека развития именно созерцательных чувств души. Философия Платона поэтапно развивает мысль о погоне чувственной материи за “абстрактными” идеями, которые в свою очередь постоянно ускользают как живая дичь из рук человека-охотника.

Платон устами Федона говорит: “... **если наше доказательство скончается, и мы не сумеем его оживить. Будь я на твоём месте и ускользни доказательство у меня из рук, я бы дал клятву, по примеру аргосцев, не отращивать волосы до тех пор, пока не одержу победы в новом бою...**”. (Федон, 89, с.).

Охотничья терминология и фетишистско-материальные представления об умопостижимых, идеальных понятиях характерны для всей философии Платона. Во многих диалогах Платон постоянно проводит мысль о неустойчивом, текучем характере идеальных понятий, которые человек должен преследовать, разыскивать, ловить как охотник свою дичь. В своих “Законах” Платон устами Афинянина просто требует: **“И вот после этого нам, точно собакам-ищейкам, надо разыскивать, что прекрасно в телодвижениях, пляске, напеве и песне. Если же это от нас ускользает, все наше рассуждение о правильном воспитании, эллинском или варварском, будет впустую”**. (Законы, II, 654,е).

Античный грек не отличал искусство от ремесла и тем более философию от мифологии, и поэтому все высказывания Платона о прекрасном — эстетическом, которое являлось одновременно и божественным, необходимо понимать и как философские рассуждения и умозаключения древнегреческого мыслителя, известного миру прежде всего именно как философ.

В башкордской мифологии Урал и Хаубен предстают не как философы и мудрецы, а как охотники, преследующие материализовавшиеся идеи в облике лебедя и утки. Именно фетишизм и оборотничество, представленные достаточно наглядно в эпосе “Урал-батыр”, являются веским и основным свидетельством того факта, что хронологически, башкордская мифология намного древнее нежели древнегреческая философия.

Диэреза аллегорий, как основной гносеологический метод в башкордской мифологии

Как и любая философия башкордская мифология обладает своим собственным гносеологическим методом, позволяющий человеку установить связь между понятиями. В эпосе “Урал-батыр” изложен диалектический метод диэрезы аллегории и художественных образов идентичный гносеологическому методу диэрезы, умопостижимых понятий, ставший к настоящему моменту общепринятым научным методом во всех философских школах мира. Сам факт наличия в башкордской мифологии своего собственного метода познания в отличии от мифологии других народов, которые не имеют никаких методов познания, заставляет нас говорить об эпосе “Урал-батыр”, как о наиболее древнем философском произведении в истории развития человеческой мысли. Действительно, если мифология обладает своим собственным научным методом познания мира, позволяющий человеку пользоваться этим методом для установления связей и отношений между явлениями и вещами, то такое учение является не мифологией, а самой настоящей философией. В мифологии других народов, например, греков, индусов, иранцев и германцев ученые не найдут

текстов, в которых бы излагалось гносеологическое учение, где описывалась техника расчленения понятий и посредством этого умственно-мыслительного выявлялась и определялась качественно новая связь, например: между содержанием и объемом понятий, собственный и несобственный признак, родовой признак и видовое различие.

В отличие от мифологических систем мира в преданиях индо-ирано-германских народов, в башкордской мифологии, в эпосе “Урал-батыр” с первых страниц излагается именно философско-гносеологическое учение о познании мира явлений путем применения метода Диарезы художественных образов и аллегорий.

В эпоху медно-каменного века, когда идеологией людей являлась мифология, идеи и понятия не имели для сознания древнего человека, — самостоятельного бытия, отдельного от существования чувственно материальных явлений и вещей. Следовательно, древний человек думал и полагал, что познание вещей и является единственным источником получения подлинных знаний о бытии. Отношения между логическими понятиями понимались древними творцами башкордской философии как отношения между чувственными вещами. Как известно, логическими отношениями между понятиями в философии называют отношения общих понятий к понятиям частным, при этом здравый человек понимает, что общие понятия являются идеальной субстанциональной сущностью для частных понятий.

В эпоху фетишизма и оборотничества, когда для человеческого сознания неодушевленные предметы становились одушевленными, а неразумные животные разговаривали человеческим языком, любая субстанция могла воплотиться и принять любую воображимую чувственно-осязаемую форму. Для древнего человека самым идеальным из всего мира идеальных форм являлся световой облик материального предмета, и вследствие этого любая идея предмета являлась и самим предметом. Идеи в эпоху фетишизма по представлению людей обладали световыми телами такими же материальными как и все вещи и явления в природе.

Свет, который распространяется повсюду и отражается в глазах всех людей, являлся по мнению творцов башкордской мифологии Общей идеей, которая становится сущностью Частных вещей. С точки зрения фетишизма и оборотничества одна и также идея может одновременно быть и субстанцией, иными словами общее может стать частным, оставаясь при этом общим (понятием). Например, Хомай является дочерью Солнца, принимает облик птицы-лебедя, но попав в руки Урал-батыра, начинает говорить человеческим языком. Все эти разные облики, принимаемые дочерью Солнца — Хомай являются хорошей и наглядной демонстрацией мышления творцов древней башкордской мифологии, для которых Солнце было чувственно-осязаемым Прасимволом Общего Понятия, постоянно нисходящее своим светом и теплом в мир и на каждой ступени перевоплощений, приобретающее различные формы Частных идей данных как материальные художественные образы. Любое воплощение или перевоплощение уже представляет из себя материализацию центральной идеи. Для нашей земли Солнце является источником жизни; не будет солнечного света и тепла, не будет нормальной температуры, атмосферы, дождей, прекратится рост зелени и трав, необходимый млекопитающим животным, мясо, которых было основной пищей для предков башкордского народа. Во всем мире существует связь с солнечным светом и теплом. Все это наблюдали в своей жизни и прекрасно понимали творцы эпоса “Урал-батыр”, для которых логическими отношениями между идеальными понятиями являлись реально существующие отношения между вещами. В эпоху, когда охота на диких зверей, погоня,

преследование и убийство человеком пойманной добычи являлось основой всей производственной жизни родовой общины всех древне-башкордских племен, единственно доступными, видимыми и самое главное понятным для человека отношением между понятиями — вещами, являлось — Подчинение понятий. Любая добыча пригодная для употребления в пищу человеком логически воспроизводит отношение понятия к своему роду, когда одно понятие входит в объем другого понятия, как часть его объема. Изложению учения о подчинения частного общему, до полного растворения единичного понятия в объеме общего понятия дается в монологе-обращении Урал-батыра к людям и животным с призывом покончить со смертью представляемой человеком в эпоху фетишизма и оборотничества живым Существом питающимся представителями животного мира.

Урал

Урал, обращаясь к собравшимся птицам и зверям, говорят, так сказал:

“Обличья злодейки по имени Смерть
Попробуем все перебрать,
Чтобы сильный слабого пожирал —
Отвергнем обычай такой
360. Вот хотя бы нас всех перебрать,
На каждый род посмотреть.
Все вы знаете тех,
Что крови не пьют, мясо не едят,
Никого не заставляют слезы лить, —
Одни из них корни едят,
Другие травы едят —
Так вот они живут,
Хищникам в добычу
Детенышей своих растят,
370. Со смертью знакомы они
Ни один из тех, кто кровь сосет, мясо ест,
Другом не станет им.
Покончим со злодейством,
Смерть что останется одна,
Отыщем все вместе и убьем”.

Но хищники (хищные классы животных), выслушав Урала, не соглашались с ним. В последующей дискуссии Шульген — брат Урала, поддержал кровожадных животных, представителем которых выступает Ворон, для которых отказаться от убийства других животных было равносильно отказаться от своей пищи и подвергнуть самих себя голодной смерти. По признаку добывания пищи не только животной, но растительной, человек тем самым отличался, как думали древние создатели эпоса “Урал-батыр” от класса хищных млекопитающих животных, а, следовательно, понятие класс людей по своему объему намного шире класса хищников, которые по отношению к понятию человек, находятся в подчиненном отношении.

Вместе с этим, как думали древние башкорды человек питается и растительной пищей: ягодами, зерном, орехами, зеленью и поэтому близок к классу травоядных животных и птиц. Именно поэтому, вполне естественно и закономерно, наличие в эпосе “Урал-батыр” текста с изложением монолога

травоядных животных и птиц о своем видении той проблемы, столь взволновавшей Урала.

Класс травоядных животных

Травоядные животные,
Журавли, утки, дикие гуси,
440. Тетерева, куропатки и перепелки
Задумали все вместе
Птенцов выводить
И, пока птенцы птицами не станут
И сами летать не смогут,
Чащи лесные искать [решили],
Пока не пройдет лето,
Накапливать жир на просторе [решили]
Дикие козы, олени
И бурощекие зайцы,
450. Гордясь своими ногами,
Ни слова не сказали.
Жаворонки, скворцы и сойки,
Галки, воробьи, вороны,
Поскольку питались чем попало,
Молвить слова постеснялись.
“Гнезда у меня нет,— сказала тогда кукушка,
Заботы о детях не знаю.
Для кого дети печень,
Кто за детей душою болеет
460. С их пожеланием я согласна”,—
Так кукушка сказала.
Все по разному говорили,
Каждый по своему думал,
Единства не добились,
Никто не сказал решительного слова,
Ни с чем разошлись, говорят.

Поиск лика Смерти Урал-батыром есть попытка древних мыслителей — основателей башкордской мифологии найти в постоянно изменяющемся мире материальных вещей и явлений субстанцию, не подверженную внешним изменениям. Солнце, возвышаясь над миром, является абсолютно самостоятельным бытием и общим идеальным понятием, пребывающее неизменным для вещей и явлений нашего чувственного мира, который в свою очередь в виде частных понятий полностью поглощается общим понятием. Вещи чувственного мира причастны идеям — лучам Солнца и существуют благодаря подражанию небесному миру световых сущностей. Много столетий спустя древнегреческий философ Платон повторит в основных чертах учение, изложенное в башкордском эпосе “Урал-батыр”, о наличие мира идей и мира чувственных явлений. Аристотель (384 — 322 г.г. до н.э.) первоначально слушатель Платона, а затем его противник, последовательно критикуя платоновское учение о трансцендентных идеях, разработал основной метод дедукции— силлогистику, и, благодаря этому, стал творцом логики, как самостоятельной науки.

Логика Аристотеля имела господствующее значение не только в древности, но также и в средние века, в эпоху схоластической науки, а — силлогизм вплоть до XVII века считался наиболее совершенной формой умозаключения.

Силлогизм представляет собой умозаключение, получаемое суждением от общего. Для человека общим является Космос, и в башкордском эпосе в диалоге Урал-батыра с плотоядными и травоядными животными и птицами показаны примеры силлогистических суждений.

Само описание разделения всех животных на различные классы по способу добывания ими себе пищи говорит о наличии у древних творцов башкордской мифологии ранних форм абстрактного мышления, стремящегося выйти за идеологические рамки фетишизма.

Это возможно понять при сопоставлении с платоновским делением живых существ данный древнегреческим философом в своем трактате “Тимей”: **“Сколько и каких [основных] видов усматривает ум в живом существе, столько же и таких же он счел нужным осуществить в космосе. Всего же их четыре: из них первый — небесный род богов, второй — пернатый, плывущий по воздуху род, третий — водный, четвертый — пеший и сухопутный род”**. (См. Тимей, 39, е.).

Как и у Платона в башкордском эпосе “Урал-батыр” все виды животных существ разделены на четыре рода: первый род — боги вселенной, второй род, — птицы, парящие в небе, третий род — птицы плывущие по воде, четвертый род — сухопутные и пешие.

Род человека таким образом входит в объем понятия — сухопутные и пешие. Для древних башкордов деление живых существ на четыре рода было естественным, поскольку четко соответствовал их уровню знаний о царящих в мире вне личностных отношений.

Деление на четыре рода соответствует мышлению эпохи общинно родовой формации, возникшей на почве родственных отношений, которые лежат в основе производства и распределения продуктов труда между членами общины. И когда возникал вопрос о природе и космосе в целом, то и в этой области древние люди все видели и представляли через призму родственных отношений. Решительно все на свете: Солнце и Луна, Земля и Небо — все вплоть до неорганической и органической, одушевленной и неодушевленной природы понималась как родовая община, которая могла время от времени собираться на совет старейшин, как это хорошо показано в башкордской мифологии.

В эпосе “Урал-батыр” хищные животные поедают травоядных, те поедают зелень, зелень питается светом, который исходит от Хомай дочери Солнца. Эти чувственно-наглядные теоретические знания вполне удовлетворяли практическую жажду познания древних людей, и человек не стремился выйти за пределы границ познанного мира, поскольку не ведал о существовании иных, абстрактных, гипотетических форм знаний.

Следы подобного коллективно-родового мышления, добровольного самоограничения познания природы вещей и явлений продолжают сохраняться, еще очень долгое и продолжительное время после крушения общинно родовой формации, вплоть до эпохи зарождения ранних рабовладельческих городов — государств на территории древней Греции. Реликтом подобного общинно родового мышления является отказ Платона, после описания божественного рода исследовать природу существ оставшихся трех родов. Платон, устами Тимея говорит: **“Идею божественного рода бог в большей части образовал из огня, дабы она являла взору высшую блистательность и красоту, (...). — Повествовать о прочих божествах и выяснять их рождение — дело для нас непосильное. Здесь остается довериться тем, кто говорил об этом прежде**

нас; раз говорившие сами были, по их словам, потомками богов, они должны были отлично знать своих прародителей”. (Тимей, 40, a-d).

Для башкордов Хомай являлась дочерью бога Солнца и как писал далее Платон: “Детям богов отказать в доверии никак нельзя, даже если говорят они без правдоподобных и убедительных доказательств, ибо, если они выдают свой рассказ за семейное предание, приходится им верить, чтобы не ослушаться Закона”. (Тимей, 40, e).

Для земного человека медно-каменной формации законы родовой общины были превыше всего. Для нас представляется просто необходимым, для демонстрации уровня развития абстрактного мышления древних башкордов привести схему отношений между обнимающими друг друга понятиями, изложенную в эпосе “Урал-батыр” в сопоставлении со знаменитым — Древом Порфирия (232 — 305 гг.) и четырьмя родами данными Платоном в “Тимее”.

Эпос “Урал-батыр”	Платон	Порфирий
1 род - богов	род - Богов	Бытие
2 род - птиц		
3 род -плотоядных хищников	род -птиц род- водных	Телесное Бестелесное
4 род -травоядных животных	род - пеших и сухопутных	Тело
5 род - человек		Одушевленное Неодушевленное
6 род - теплая кровь		
7 род - холодная смерть		Организм
8 род - живая вода.		
	Чувствующий	Не чувствующий
	Животное	
	Разумное	Не разумное
	Человек	
	Салават Сократ Платон Аристотель	

Все основные признаки — содержания и объема понятий, основанные на принципе отношения родового понятия к своему виду или видовому различию, на котором было построено — Древо Порфирия, уже задолго до Порфирия было хорошо известно и творцам башкордской мифологии и достаточно схематически ясно изложено в эпосе “Урал-батыр”. Порфирий в своем философско-теоретическом трактате “Введение в Категории Аристотеля” изложил основные признаки понятий: 1) род, 2) вид, 3) видовое различие 4) собственный и 5) несобственный (случайный) признаки, очистив логику от аллегорий и художественных (личностных) образов. В таком виде его учение о признаках понятия просуществовало полторы тысячи лет, и еще в настоящее время, полностью и целиком входит в учебники логики.

В башкордской философии, равно как и в философии Платона аллегория и диалектика художественных образов имеют огромное значение, так как, в традиционном понимании для сознания древних башкордов, идеи нисходят с небес и принимают чувственно-осязаемый материально-вещественный облик, например, как дочь Солнца Хомай, ставшая на земле птицей-лебедем, которую человек может поймать, ощупать, съесть или отпустить на волю.

В башкордской мифологии животные и птицы являются художественной аллегорией тех абстрактных идей, которые например в устах зверей приобретают — логический смысл через человеческий голос. Одним словом, в эпоху

политеизма, все знания о мире для сознания древнего человека предстают в телесном, пластическом образе и поэтому Аллегория, за которой стоит реальная объективная действительность, является подлинно научным методом и одной из форм абстрагирования. С точки зрения фетишистско-политеистического сознания древнего человека любая математическая формула есть аллегорический Символ физического мира, поскольку умопостигаемый космос имел материальный облик, а идеи отождествлялись с лучами света. Техника аллегорических интерпретаций древнебашкордскими мыслителями абстрактных понятий, сохранившаяся до наших дней, благодаря эпосу “Урал-батыр”, требует своего научного изучения и классификации именно как самостоятельного философского метода некогда широко распространенного и применяемого в своих трудах древнегреческими философами во все периоды существования античной философии. При этом особо надо отметить на использование техники аллегорических интерпретаций, как особого исторического этапа в развитии человеческого мышления, не только в античной философии, но и в трудах древнеиндийских и древнекитайских мыслителей.

Изучение техники аллегорических интерпретаций в эпосах “Урал-батыр” и “Акбузат” является одной из наиболее сложных и значительных проблем башкордской философии. Эта научная тема имеет универсальный характер, поскольку, как писал известный русский философ А.Ф. Лосев: **“... проблема античной аллегии запущена в науке до такой степени, что в настоящее время даже не существует какой-нибудь хотя бы элементарной сводки материалов по всей античной литературы. И тому исследователю, который захотел бы отдать себе в этом ясный отчет, приходится в отношении каждого античного автора создавать свою теорию аллегии с самого начала.”** (См. А.Ф. Лосев “История античной эстетики”. М., 1980 г. стр. 106).

Следует сказать, что слова русского философа относятся к античной литературе, которую активно изучали во все времена европейской истории культуры, тогда как — философской интерпретацией аллегоризма башкордской мифологии, кроме автора этих строк, до настоящего времени, не занимался ни один ученый в мире.

Вместе с этим, необходимо отметить, что ученые, говоря о сложности изучения проблемы аллегоризма, тем не менее успели выработать определенные методы и подходы к их философскому толкованию и интерпретированию. Так, аллегии образуются в связи со многими признаками, например, либо родовым, либо несобственным, Так, черный цвет ворона— есть — accidents, но клюв этой птицы уже —proprium. Вместе с этим методом аллегии образуются по качественному признаку, что дает возможность показать внутренний мир и моральный облик героев мифа. Все живые существа обладают своими, только им присущими личными качествами души и тела. Все живые существа подвержены смерти, а их тела разлагаясь становятся пищей для других живых существ. В этом смысле аллегоризм башкордской мифологии строится на терминах охоты. Суть охоты заключается в добыче пропитания, тогда как целью философии является приобретение знаний. Методы охоты и науки совпадают, и в случае с охотой — мы насыщаем плоть, а с помощью философии утоляем жажду знаний. В эпоху медно-каменного века, именно аллегорическое толкование охоты и представлялось для творцов башкордской мифологии самым высшим уровнем абстрагирования и обобщения своего жизненного опыта и практических знаний.

В эпосе “Урал-батыр” показано, как трава становится пищей парнокопытных, те в свою очередь служат пищей хищникам, которых побеждает человек, но все они лишь телесные образы высшей истины, доступные только для просветленного разума. Не случайно поэтому, что первым о причинах Смерти

начинает говорить именно Урал-батыр, вступивший позднее в священный брак с дочерью Солнца. Философские идеи о причинах вечной борьбы жизни со смертью даны в башкордской мифологии как одушевленные личности каждая из которых наделена конкретным характером и обладает своей собственной индивидуальной судьбой. Именно аллегория дает неоценимые возможности для описания внутренней духовной жизни человека. Благодаря аллегории идеи человека приобретают телесно-материальный облик.

Отсутствие философии и логики, как самостоятельных наук совсем не означало, что древний человек не умел размышлять и строить верные умозаключения, просто в то время, любые обобщения приобретали форму мифа. В эпосе “Акбузат”, который является идейным продолжением мифа об Урал-батыре приводится пример подобного дедуктивного умозаключения. Утка-Наркас говорит Хаубену:

64. (...) Рассек своим мечом,
Как лапшу, озеро мое,
Островками его разделив,
Преградил дорогу мне. (...)
Озеро обмелеет, разделенное сушей,
Что я буду делать тогда?
Песком засыплет дно,
Илом затянется оно,
Разведется много моллюсков;
Решив: “Мы тоже, как лягушки, будем”,
Ракушки раздолье найдут.

Если исходить из основного постулата логики, что умозаключение есть вывод суждения из других суждений (посылок и предпосылок), то метод рассуждения утки-Наркас следует непременно назвать именно умозаключением.

Монолог Наркас демонстрирует метод древних башкордских мыслителей созерцать идеи в виде некоторого замкнутого круга понятий. Построение пирамиды понятий возможно, как это понимали творцы башкордской мифологии путем диэрезы аллегорий, ставшая позднее широко известным приемом в античной философии. Созерцая идеи необходимо отделять их от других идей методом диэрезы аллегорий, целью которой является — дефиниция. Путем дефиниции человеческий разум поэтапно восходит от грубых физических форм восприятия — фетишей, к духовному созерцанию световых эйдосов. Один единый эйдос часто лежит в основе понятий разного рода, и методом диэрезы мы можем выявить какие понятия сливаются в едином эйдосе. До настоящего времени среди ученых-философов бытует абсолютно ложное мнение о том, что впервые метод диэрезы возник в трудах Платона, и например, Ирмгард Крастиансен считает диэрезы логическим инструментом платонизма. (См. А.Ф. Лосев. “История античной эстетики”, т. VI. М., 1980 г., стр. 144). При этом все ученые-исследователи свой вывод основывают на известном дихотомическом методе Платона изложенный древнегреческим философом в двух своих диалогах “Софист”, “Политик”. Так, в диалоге “Софист” Платон методом диэрезы понятий — Рыболов и — Софист восходит к созерцанию эйдоса охоты, лежащего в основе двух разнородных на первый взгляд понятий и логическим путем обосновывает и доказывает их единый источник возникновения.

(Примеры. Схемы)

Диэреза художественных образов и метод аллегорической интерпретации был широко известен и древнеиндийским философам и религиозным мыслителям задолго до Платона.

Ошибочно считать, вместе со многими европейскими учеными древнегреческого мыслителя Платона, неким родоначальником метода диэрезы в истории индоевропейской философии примеров использования после установленных методов диэрезы и аллегорических интерпретаций в мифах “Урал-батыр” и “Акбузат”, являвшихся идеологией и основой политической, языческой веры древних башкордов в тот отдаленный исторический период времени, когда на земле не существовала не только древнегреческая философия, но даже и древнегреческая мифология — абсолютно неверно и логически не представляется возможным считать Платона и Аристотеля зачинателями этого метода.

Исходя из этого приходится признать диэрезу и метод аллегорической интерпретации мифа общим духовно-историческим культурным наследием всех индогерманских народов.

По этой новой классификации древнегреческий философ Платон является первым мыслителем в истории индоевропейской философии, который развил вслед за Сократом метод диэрезы до уровня научной дисциплины, а его слушатель, а затем и его последовательный критик Аристотель, очистил диэрезу от художественно-фетишистских образов и тем самым стал создателем такой науки как логика.

Древнебашкордская астрономия

Абстрактные науки в эпоху фетишизма и оборотничества, в тот далекий исторический период, когда сознание и разум человека не отделяют понятие о предмете от самого предмета существовать просто не могли и по этой причине полностью отсутствовали. Но определенные теоретические знания и простейшие навыки дедуктивного и индуктивного методов познания мира у древних башкордов были, что достаточно хорошо видно из того, что они уже во втором тысячелетии до нашей эры умели добывать на Урале руду и выплавлять из нее медь. В целом нужно сразу заметить, что в те времена знания не подразделялись на теоретические и практические, а были как бы слиты воедино.

Как показывает мифология, древние башкорды почитали живыми божествами Солнце, Луну, звезды и все небесные светила и атмосферные явления от которых зависит их жизнь. Поэтому в древности постоянные наблюдения за звездами и небесными светилами стали для башкордов жизненной потребностью и одновременно являлись религиозным культом и формой научного познания.

Ученые признают наиболее древней наукой астрономию, сменившая со временем предшествующую ей астрологию — учение о способах предсказания земных событий, характера и судьбы отдельных людей, основанных на изучении расположения небесных тел относительно земли и относительно друг друга. За этим древним учением скрывается на самом деле, весьма для науки важные и довольно сложные наблюдения и размышления древнего человека о том, и над тем, что в различные моменты времени развиваются и совершаются различные события, которые отличаются между собой по качеству. Поскольку ход и течение времени зависит от положения Солнца, Луны, звезд на небе, то и человеку необходимо знать какое время наиболее благоприятно и сопутствует для совершения определенных действий, а какое неблагоприятно. Качественные

отличия отрезков времени напрямую обусловлены влиянием небесных светил, и эта идея явилась предпосылкой к созданию науки о календаре — хронологии, которая генетически родственна всем формам и видам современных наук.

В древние времена самым первым техническим орудием и инструментом, помогающим человеку наблюдать за положениями и движениями небесных тел по дневному и ночному небу, являлся поднос или чаша с водой. Так, халдейские и греческие астрономы, чтобы наблюдать за движением Солнца, не ослепляя глаза его блеском, использовали таз с водой. Об этом писал Диоген Лаэртский в седьмой книге своего сочинения посвященного философии Зенона: “Затмение Солнца происходит, когда Луна заслоняет его с нашей стороны (так рисует Зенон в книге “О целокупном”). В самом деле, Луна в точках схождения, видимо, сближается с ним, закрывает его и отдаляется опять; **это легче всего понять с помощью таза, наполненного водой**”. (См. Диоген Лаэртский.) Для нас важно указать на другое, что все крупные астрономы, вплоть до эпохи крушения феодализма одновременно являлись и крупными астрологами. Достаточно упомянуть датского астронома Тихо Браге (1546 — 1601) и его знаменитого немецкого ученика Иоганна Кеплера (1571 — 1630), открывшего законы планетарных движений. Они всю свою жизнь занимались предсказаниями судеб людей и исторических событий, составляли гороскопы, поскольку глубоко верили, что все планеты, а также их аспекты имеют большое влияние на земные дела человека, по типу того, как Луна оказывает влияние на женский организм. Отчасти, возможно, поэтому у многих народов ворожеями и колдуньями выступают именно женщины.

В башкордской мифологии в сказании “Кузый-Курпес и Маянхылыу” подробно описывается астрономические — астрологические наблюдения древних башкордов. Этим научным занятием, по всей видимости, занимались исключительно женщины.

В предании говорится: “**Мяскай привела джигита к медной двери пещеры, которая была заперта тремя стальными замками. Когда она тихо прошептала три волшебных слова, стальные замки открылись и упали на землю, двери со страшным скрипом широко раскрылись. Мяскай джигита оставила в передней пещере, а сама открыла другую дверь и зашла вглубь пещеры, дверь за ней закрылась. Немного погодя она, переодевшись, вышла. Белое платье сменила на длинное черное платье, укрылась накидкой, в одной руке держит четки, в другой руке сосуд с благовониями, откуда исходит приятный дымок. У дверей Кузый-Курпеса 5 раз обкурила этим дымком и завязала глаза. Потом взяла за руку и повела в пещеру. Там заставила джигита сказать непонятные несколько слов и развязала глаза. Тут Кузый-Курпес увидев чудесное зрелище, изумился. В пещеру солнечные лучи не попадают. На куполообразный потолок в два ряда по восемь штук подвешены канделябры и от них свет освещает пещеру. На противоположной стене стоит четырехугольная доска. Каждая сторона этой доски больше трех шагов. Каждая сторона той доски инкрустирована драгоценными камнями и сама доска очень гладкая, полированная и на этой поверхности отражается свет. Джигита удивило то, что канделябры и все что имеется в пещере отражается в этой доске. Он видит себя и Мяскай в этой доске. Если он стоит, то и отражение стоит, нагнется и отражение нагибается, повернется — отражение, тоже повторяет. Как будто его в доске кто-то дразнит. Джигит в таком недоумении очень долго стоял. Мяскай с улыбкой поставила Кузый-Курпес лицом к доске и перед ним ставит медную чашу, в нее наливает чистую воду. Потом сама три раза обошла кругом эту чашу и, подняв руки кверху, сказала какие то непонятные слова. В это**

время загремел гром, гора и пещера вздрагивает, таинственная вода в чаше начинает плескаться, джигит не может стоять и упал на колени. Немного погодя все успокоилось. Мяскай подошла к Кузый-Курпесу и сказала: “— Сынок! Успокойся и пристально смотри на эту доску. Что ты там увидишь, я тебе объясню, но только ты не поворачивайся и назад не смотри. Если повернешься и посмотришь назад то, под ногами земля разверзнется, и ты упадешь, погибнешь навеки”. (На этой доске он увидел будущее своего рода...) Кузый-Курпес на доске видел свой род, продолжение своего рода, грядущие дни своего рода, эпизоды из жизни будущего рода. Мяскай объясняла ему непонятные места. Неожиданно загремел гром, гора и пещера вздрагивают, таинственная чаша с водой опрокидывается, таинственная доска падает и разбивается вдребезги. Мяскай падает на землю без чувств, и джигит не может стоять на ногах. Через некоторое время все успокоилось. Мяскай пришла в себя. Они вышли из пещеры. Она говорит джигиту: “— Сынок, все исполнилось. Я рада, что показала тебе будущее твоего рода”. (Перевод С.Ш. Мустафиной.)

Описанная в башкордском предании медная доска, на самом деле соответствует медным зеркалам, которые использовали в своих астрологических — магических обрядах жрицы и жрецы, часто выступавшие и как военные вожди (царица — Томирис) у далеких предков башкордского народа ирано-язычных Дахо Массагетов и Савроматов с Сарматами. Археологи при проводимых ими раскопках могил знатных Сарматских жриц обязательно находят и большие медные зеркала являвшиеся непременным атрибутом их религиозного — магического, астрологического культа.

Этот же обычай древних сарматских и дахо - массагетских жриц наблюдать движения небесных тел в тазе с водой и предсказывать по звездам судьбу человека описанный во фрагменте взятого нами из башкордского предания встречается и у курдов Месопотамии. Так, Мелла Махмуд Баязиди в своей книге “Нравы и обычаи курдов” писал: “И есть среди курдов женщины, которые умеют гадать. Они наливают воду в чашку, ставят ее перед собой, смотрят на эту воду и предсказывают присутствующим, сбудутся ли их желания. И курды очень верят им; и ни когда не ослушиваются советов пилдаров и гадалок. Считают, что эти предсказания всегда верны. И есть среди них (курдов) колдуньи — это обычно старухи. Когда кто-нибудь заболевает, приводят колдунью. Она берет кусок лепешки и заворачивает в нее соль, затем обходит несколько раз вокруг больного и что-то читает, потом хлеб дают съесть собаке. Считается, что больной должен выздороветь”.

(См. Мела Махмуд Баязиди. Нравы и обычаи курдов. М., 1963, стр. 63—64)

Описание курдской колдуньи-гадательницы вместе с прислуживающей ей собакой, которой дают хлеб по существу точь в точь повторяет и соответствует башкордскому преданию о жрице — Мяскай, которой постоянно прислуживает огромный белый пес Салтук и чудесным образом приносит ей хлеб в виде зерен пшеницы.

В башкордском мифе об этом говорится так: “Джигит повел коня за собой к видневшейся вдали хижине. Навстречу ему бежит белая собака с глазами налитыми кровью, страшно оскалив зубы. Кузый-Курпес выхватил из ножен саблю и решил зарубить собаку. Но собака не дойдя, пяти шагов остановилась и как будто узнала его как своего хозяина, ласково уставилась в глаза и завильяла хвостом. Затем, повернулась и побежала обратно к юрте. Джигит догадался, что Мяскай живет здесь. У дверей юрты он увидел собаку, она стала ластиться к нему. Он принял это за хороший признак, и смело сказал: “Можно!” и вошел в юрту. Там внутри Кузый-Курпес увидел,

на раскинутом, на полу бухарском ковре постелена сафьяновая перина, на которой сидит Мяскяй. Лицо у нее не злое. Пожилая, но не старая. В знак своей девственности волосы Мяскяй были заплетены во множество мелких узких косичек. Она была одета в белое-пребелое платье, а на руке свисали четки, по которым она беспрестанно читала молитвы. Мяскяй поприветствовала вошедшего Кузый-Курпеса, и расспросив обо всем сказала: — Большое спасибо нашему пророку за то, что он послал сына Карабая в мое спокойное жилище. Садись, сынок, будь спокоен, — сказала. Потом она позвала свою собаку Салтуккуш и три раза повторила волшебное слово: “Отряхнись собачка моя, отряхнись!” Собака вышла на середину, встала на ковер, оцетинила шерсть и начала отряхиваться. Тут с собаки начала сыпаться белая-белая пшеница. Мяскяй встала и начала собирать пшеницу. Положила пшеницу в котел, добавила масло, крут. Сготовила еду. Перед гостем поставила сметану из сырого и кипяченого молока. Принесла кислого молока, сделала айран. Потом этот айран и кумыс налила в большие чаши и пригласила гостя отведать еду. Извинилась, что не может угостить чем-то другим. Сама она не питается мясом, ей нельзя. И начала расспрашивать у Кузый-Курпеса про покойного отца”. (Перевод с башкордского С.Ш. Мустафиной.)

Методы наблюдения за небесными светилами описанные в башкордском мифе “Кузый-Курпес и Маянхылыу” и, у курдского летописца Мела Махмуда Баязиди очень и очень совпадают между собой и, следовательно, восходят к эпохе башкордско — иранского единства или, к эпохе обитания на Южном Урале ирано-язычных Дахо-Массагетов “Великих Саков”. У Дахо Массагетов культ крылатой собаки — Сенмурва от авестийского — Саэномервгхо “птица — орел” имел чрезвычайно широкое распространение и по всей видимости играл ключевую роль в их религиозных верованиях. Этноним — Сак этимологически восходит к иранскому слову — Саг, у башкордов — Сэук “собака”.

В одно время Симург — Сенмурв в арабскую эпоху стал официальной эмблемой Ирана наряду с государственным гербом.

Саэно мервгхо отождествлялся с птицей Чамраош почитаемой — Рату всех птиц, и соответствующей — Самрау в мифологии башкордов Урала являющихся прямыми потомками ирано-язычных Сако Массагетов.

У башкордов и кордов Месопотамии в ритуале вместе с собакой присутствует и такой главный продукт сельского хозяйства как — хлеб и зерна пшеницы. Это совпадает и с древним ритуалом башкордов вызывать дождь, ударяя по каменному истукану собаки плетью. Безусловно, все эти обряды вызывания дождя относятся к календарно-земледельческому циклу, следуя которому жили древние предки башкордов ирано-язычные Сако Массагеты.

Древние кордские звездочеты известны в мире под своим, в общем-то, кордским именем Калду — Халдеи. Во всяком случае этноним Калду появился в Курдистане только после того как там уже стали известны корды, страну которых еще древние Касситы (16 век до н.э.) называли Кардуниаш. Халдейские звездочеты были известны в древнем мире как искуснейшие оракулы. Многие древнегреческие философы учились у них. Мы приведем один пример взятый нами из сочинения неоплатоника Марина (440—495 гг.) о жизни великого древнегреческого философа Прокла (418—485 гг.). Марий в своем трактате “Прокл, или. О счастье” писал: “Он [Прокл] стал бывать в халдейских собраниях и беседах, участвовал в их безгласных хороводах и усвоил все эти обычаи, а смысл и назначение их ему открыла Асклепигения, дочь Плутарха: она одна переняла от отца и сохранила заветы оргий и всей боготворческой науки, идущей от великого Нестория. Философ наш еще

ранее, очистившись по халдейскому обряду, видел воочию светоносные призраки Гекаты [Луны] и общался с ними, как сам о том упоминает в одном сочинении. Мало того, вращая вертишейку (Колесо с распятой на ней птицей. Магический прием), он навел на Аттику дожди и отвратил от нее роковую засуху; талисманами он усмирал землетрясения; и пытая вещью силу треножника, произносил стихи о своей собственной судьбе (..). А на сорок втором году ему приснилось, что он восклицает так:

**Се, не моя ли душа, исходящая огненной силой,
Распространяясь умом, воспаряет в эфирные светы
И расточает, бессмертная, громы в кругах звездоносных?"**

(Перевод М.Л.Гаспарова. Диоген Лаэртский. М., 1986, стр. 451)

Прокл детально изучивший и переработавший труды Платона и Аристотеля создал философское учение, изложенное им в своем трактате “Первоосновы теологии” (русский перевод выполнен А.Ф.Лосевым), впоследствии оказавшее громадное влияние на всю средневековую европейскую и арабо-персидскую философию. По вышеизложенному сообщению его ученика Марина, мы видим, что Прокл не отделял мифологию и магические обряды, не только от философии, но и от науки.

Парадокс состоит в том, что современные ученые-философы, признавая магию Прокла философией — древнебашкордскую, Дахо Массagetскую астрономию относят просто к астрологии и тем самым лишая последнюю ее научного значения. Здесь необходимо внести одно весьма важное историческое пояснение. Так, известный род башкордов Урала — Борзян, известный также в составе кордов Месопотамии род Барзан, судя по “Авесте” (Бундахишн, 17) являются основателями древнего иранского города — государства Хорезм, откуда и был перенесен с Урала (гора Хара Березаити) священный огонь Атур Борзен Михрбан.

О том, как сильно и профессионально в Хорезме изучали математику ученые могут судить по тому что в средние века Хорезм прославился такими учеными-математиками и астрономами как Аль-Хорезми (787 —850 гг.), Аль-Фараби (870 — 950 гг.) и Бируни (973 —1050 гг.). Не трудно догадаться, что в пустыне математиками не рождаются и сама преемственность у этих ученых друг другу свидетельствует о факте существования в Хорезме сильной математической школы астрономических наблюдений и затем и их астрологических предсказаний, как это изображено в башкордском — дахо-массagetском предании о предсказателе судеб — астрологе Мяскай в мифе “Кузый-Курпес”. Понять ученым насколько сильна была эта башкордско- дахо-массagetская Хорезмская школа математики поможет тот исторический факт, что книга Аль-Хорезми “Китаб аль джебр валь -Мухабала” стала началом развития алгебры как науки.

Гносеология как онтологическое учение о просветлении человека-материи эманацией Божественного света

Древние башкорды понимали гносеологию как акт художественного творчества Божественного света, аллегорически по аналогии с активностью Солнечных лучей весной и летом, и пассивностью осенью и весной. Солнце считалось изначально активной субстанцией, и процесс познания заключался в просветлении лучами Солнца разума человека. Хомай в эпосе “Урал-батыр”, рассказывая о своем отце Сам-Рау, становится просветительницей людей, и, вместе с этим, являясь дочерью Солнца активно и энергично руководит всем

процессом познания. Первоначально Хомай излагает онтологические основы гносеологии для чего, в своем повествовании Хомай выходит далеко за рамки — настоящего, текущего времени и видимого пространства, рассказывает о тех реалиях в мире, которые древний человек не мог в те времена узнать путем анализа весьма ограниченных сведений и навыков раздобытых на охоте. Уровень теоретических знаний человека зависит от количества его практического опыта чего которых в эпоху медно-каменного века для людей было явно недостаточно, для построения научной гипотезы об основах мышления и условиях познания Природы человеком. Вследствие этих и многих других объективно-исторических причин, в башкордской мифологии, в эпосе “Урал-батыр” описание познания начинается с эпического отступления, где под видом рассказа о браке Солнца и Луны, Хомай, языком художественных образов раскрывает людям такие сложные философские вопросы, как метафизические принципы Бытия, условия и формы человеческого познания. В эпосе “Урал-батыр” впервые в истории философии в монологе Хомай, задолго до Платона скрытой природой знания признается и постулируется — Свет божественного солнца, которое являлось главным объектом поклонения и религиозной веры у всех древних иранцев-огнепоклонников и зороастрийцев.

Почитаемая священной птицей не только в башкордской, но и в древнеиранской мифологии — Хомай в эпосе “Урал-батыр” рассказывает людям о зарождении жизни во Вселенной:

“Когда на земле не было никого,
Никто по ней еще не ступал,
Мой отец пару себе искал,
Но на земле никого не нашел,
490. Выбрать же из другого рода
Равную себе не смог,
Полетел в небо любимую искать,
Загляделся на Солнцу и Луну,
Любимую себе выбирал,
Солнце и Луну приворожил,
Всем птицам он был главой
Отец мой, по имени Сам-Рау.

Этот текст наглядно демонстрирует, что башкордская мифология своими корнями уходит и насыщается идеологией не общественной, а родоплеменной формации, которая переносила на мир и всю природу близкие и, самое главное, понятные и единственно известные в те далекие времена кровнородственные отношения. Вследствие этого, вся Природа, весь Космос предстал в мифологии — как большая кровнородственная семья. Условиями научного мышления человека является умение абстрагироваться, то есть, отвлекаться от действительности, что становится возможным на таком историческом этапе развития сознания людей, когда человеческий разум познал и усвоил основные принципы нахождения причины и следствия, различия и сходства вещей и установления принципа их единства или множества. Первоначально, абстрактно-идеальные структуры мыслятся древним человеком как материальные категории, что и является сущностью фетишизма. Тожество идеальной и материальной структуры выражено в башкордском мифе “Урал-батыр” как способность лебедя — Хомай говорить человеческим голосом, тогда как полет Сам-Рау в поисках невесты из другого рода в космос, свидетельствует о возникновении эпоса “Урал-батыр” в эпоху общинно-родовой формации. Идеальность, понималась как свет

сияющего Солнца. Пронизанный светом Космос являлся для древних башкордов максимально идеальным проявлением божественного мира. Как и люди на земле, в космосе Солнце и Луна, Сам-Рау и Хомай, звезды и Айхылыу все объекты родственны друг другу и тесно связаны между собой кровными узами.

Космос в башкордской мифологии изображается как продолжение земной общинно-родовой формации на небе и вследствие этого божественное всегда имеет телесно-социальный облик. Интуитивное понимание нетленности умопостижимых понятий, при полном разрушении и аннигиляции материальных вещей, лежит в основе превращения человека в птицу, что по представлениям древних башкордов давало возможность отделиться идеи от материи и перенестись в Космос, понимаемый ими как мир нетленных и неподвижных, а, следовательно, идеальных (абстрактных) сущностей звезд и небесных светил. Солнце — неизменно изливающее свои лучи на постоянно меняющуюся землю стало в башкордской мифологии пониматься как наиболее максимальная — идеальная сущность. Как телесно-личностный абсолют Солнце свободное от материального мира, направляет своими лучами движение всего Космоса, и вносит тем самым порядок и гармонию в мир. Если сознание людей озарено светом Солнца, то, как считали древние башкорды движения людей, их желания правильны и прямы, а если человек отпадает от Божественного света Сам-Рау, то все их движения, поступки делаются беспорядочными, хаотическими, кривыми, на подобии того, как, если бы человек стал ночью искать прямой путь домой в густом лесу. Солнце играло главную роль в жизни людей, когда охота являлась главной формой производственной деятельности человека в эпоху медно-каменного века, и поэтому в башкордской чувственно-соматической гносеологии самое серьезное внимание и самое важное значение уделено внутренней способности человека как субъекта познания, видеть и созерцать Солнце. Способность человека видеть, есть по мысли древних башкордов продолжение человека в космосе и далее полагание себя в вечности. Вечность, понимаемая как порядок в Космосе держится на притяжении объектов друг к другу, понимаемое как любовь в башкордской мифологии, уже задолго до Платона.

Вся башкордская гносеология пронизана идеей любви, которая является скрытой внутренней причиной влекущей человека к познанию себе подобных сущностей. Сам-Рау в поисках любви, понимаемой сугубо телесно, возносится на небо, являющего субстанцией “другого рода” чем земля. Любовь в башкордской мифологии не отделена от света и не имеет своей ипостаси. Такое вещественно-предметное понимание, в целом, бестелесной субстанции — свидетельствует о необычайно архаичном характере идейно-смысловых корней башкордской гносеологии.

Любовь проявляет себя в людях не как коллективное, а как сугубо личностное, субъективное начало, и всегда становилось полем битвы между общинно-родовым и индивидуальными типами мышления. Смертность человека побеждается его потомством, в жилах которых изначально течет кровь прародителя — Первопредка. Кровнородственная семья являлась генетической основой общинно-родовой формации. Кровная месть была юридической нормой поведения и священной обязанностью, моральным долгом для каждого члена родовой общины. Кровно-родственными отношениями древние башкорды объясняли, как это хорошо показано в эпосе “Урал-батыр” и законы физического мира и социальные, родственные отношения между людьми. Например, Хомай — Свет Солнца и Айхылыу — Свет Луны мыслились и почитались как дочери Сам-Рау и К... .. „

Двое детей у него родилось,
И дети и он сам
500. Не знали болезней никаких,
Никто из них не умирал.
И поныне мой отец — падишах,
Вы отпустите меня —
В родную страну я вернусь.

Способность лучей света отражаться от воды и вообще от всех блестящих предметов древние башкорды в эпоху фетишизма понимали как возвращение солнечного божества в свое царство золотистого цвета. Исходя из этого приходится признать, что в башкордской мифологии задолго до Платона уже была высказана мысль о наличии в Космосе двух миров. Мир светящегося Космоса, который населяют боги, в башкордской мифологии равен платоновскому миру идей, а материя, периодически освещаемая лучами Солнца, понимается как земное пространство населенное людьми. Из монолога Хомай становится ясным, что в башкордской философии признавалась первичность идеи и вторичность материи, поскольку, условием существования материи является свет.

Таким образом, в башкордской мифологии последовательно проводится и утверждается философская по существу мысль о том, что Материя (земной мир), есть всего-навсего — Отражение идеи, понимаемая как — Солнечный Свет Божества.

Учение о переселении душ и их вечном возвращении к своему первоисточнику ставшее известным в античной философии после Платона (см. Тимей, 41-42) высказано достаточно ясно Хомай словами: “Отпустите меня — в родную страну я вернусь”. Задолго до Платона, в башкордской философии изложено учение о нетленном характере божественных идей, которые представляют из себя идеальные тела, вечно блистающие на подобии звезд и небесных светил.

В эпосе “Урал-батыр” уже заложена мысль о необходимости различать идеальное понятие о вещи от самой физически-материальной вещи. Понятие или Идея о вещи не погибает и не исчезает при уничтожении материального предмета, и башкордская мифология, будучи философской наукой о целостности мира, трактует это открытие об основном различии материи от идеи в форме учения о Бессмертии Света. Хомай в своем обращении к людям говорит:

“Если съедите меня, на части разорвав,
Сжуете и проглотите меня,
Все равно пищей не стану вам.
Как еда не переварюсь:
Взяв воды из Живого Родника,
510. Моя мать тело омыла мне,
Та, что купается в лучах,
Всем вам известна она,
Моя мать, по имени Кояш.

Кояш или Кояшты, вообще не тюрко-монгольское имя, как ошибочно полагают некоторые ученые-тюркологи.

Имя мифической матери Хомай в башкордской мифологии исторически связано с именем богини Кояшты в абхазо-адыгейской мифологии. Как установили лингвисты языки кавказских народов абхазо-адыгейской группы (абхазы, абазины, адыги-черкесы, убыхи, шапсуги) генетически связаны с языком

древних обитателей Передней Азии — хаттов, тогда как языки народов, принадлежащих к нахско-дагестанской группе (чечены, ингуши, кистинцы), имеют генетические параллели с языком древних хурритов.

В мифологии древних хаттов богиня луны носила имя — Кашку (Kasku), корень которого до настоящего времени продолжает сохраняться в имени абхазо-адыгейской богини — Кояшты. В мифологии древних хурритов богиня Кашку носила имя Кужуг и также являлась богиней Луны. В известном хатто-хурритском мифе о падении Луны на землю повествуется о том, как богиня Кашку, (абхазская Кояшты) снизошла с небес на рыночную площадь. В башкордском эпосе “Урал-батыр” использован тот же сюжет о снисхождении богини с небес на землю, но не самой богини Луны Кашку — Кояшты, а ее мифической дочери Хомай.

Хаттская и хетто-хурритская мифологии развивались не изолированно от других культур народов Передней Азии, а в “тесной” связи мифологией таких крупнейших рабовладельческих государств в III — II тыс. до нашей эры как Шумер и Аккад. В шумеро-аккадской мифологии невеста бога Луны — Нанны носила имя Айя “невеста” (аккад.) и “семя — вода — родитель — наследник” в шумерском языке (этимология И.М. Дьяконова).

Имя богини Луны в башкордской мифологии Айхылу носит черты шумерского происхождения, поскольку и вторая часть слова — “хылу”, в шумерском языке означает: hi — li “женские прелести” (этимология И.М. Дьяконова).

Территория древнего государства Шумер в настоящее время известна как Курдистан или страна курдов.

В башкордской мифологии в эпосе “Урал-батыр” дословно сохранились три истории из шумерского сказания о Гильгамеше, причем в башкордском предании точно описан ритуал священного брака ежегодно справляемый древними шумерами как религиозно-магический обряд.

Сохранившийся до наших дней в башкордском мифе имена реального шумерского царя Шульги из III династии Ура, правивший Шумером с 2093 по 2046 г.г. до н.э., и одного из сатрапов Зарикума, служившего в то же время наместником городка, на месте которого позднее возникла всемирно известная столица Ассирийской державы город Ашшур, полностью исключает случайные совпадения имен персонажей и действующих лиц, наблюдаемые между башкордской и шумерской мифологиями, а, наоборот, является историческим свидетельством древности происхождения башкордской национальной культуры.

О контактах и культурно-исторических связях башкордов Урала с народами Передней Азии, Средней Азии и Северного Кавказа свидетельствует и археология, поскольку во все эти регионы с Южного Урала, читай Башкордистана, начиная со II тысячелетия до нашей эры, экспортировался и переправлялся такой драгоценный металл как — медь, именем которого назван целый исторический период.

О своем генетическом родстве с древне иранской культурой свидетельствует и монолог Хомай, которая говорит:

Отпустите меня —
Отец меня все равно найдет,
Придет и выручит из беды,
Я падишаха Сам-Рау
Дочь, имя мое Хомай.

Имя Сам-Рау в форме — Samraj “самодержец” восходит к ведийско-арийскому языку. Так, в “Риг Веде” в Мандале III, гимн-56 (5,в) — “самодержец”, передается словом — Samraj. Территорию Башкордостана во II тысячелетии до

нашей эры, в так называемую — эпоху Аркаима и Синташты, населяли ведические арии — творцы гимнов “Риг Веды”.

Именно с Южного Урала во II тысячелетии до н.э. орды воинственных ведических ариев, пересекая Среднюю Азию, вторглись на территорию Северной Индии и Передней Азии, где основали свои первые государственные объединения. В Передней Азии первым государством индоариев стало Митанни, просуществовавшее с XVIII века до нашей эры вплоть до своего падения в XIII веке до н.э. под ударами ассирийской империи во главе с такими талантливыми царями-полководцами как Ашшурбаллит I, Арикденили I, Ададнерари I и Салманасар I, царствовавшим около 1274 — 1245 гг. до новой эры. Язык ариев государства Митанни принадлежал, как установили лингвисты-ведологи к древнеиндийской, а не к древнеиранской группе.

Исторически сложилось так, что центром Курдистана является территория в Передней Азии, на которой в древние времена располагалось индо-язычное государство Митанни. В настоящее время, в составе кордского народа сохранился род Занге, говоривший в прошлом на одном из древнеиндийских языков, что является ярким свидетельством раннего переселения кордов на территорию Передней Азии.

Мы рассмотрели имя Сам-Рау — верховного владыки пантеона богов в башкордской мифологии с точки зрения индогерманских языков, тогда как в семитских языках слово — *samau* означает “небо”, а с суффиксом абстрактного имени — *ut* — аккад. — *samutu* значит “тучи” и “ливень” (этимология И.М. Дьяконова). С исторической точки зрения нет никаких сомнений в наличии древних контактов между индогерманскими и семитскими языками между собой, так, например, суффикс абстрактного имени — *ut*, имеется в таких индоевропейских языках как — курдский — *sar* — *sarruti* “царь — царственный”, и английский *infidel* — *infidelity* — “неверный — неверие”.

В империи Ахеменидов-иранцев языком межнационального общения стал арамейский язык. Влияние арамейского алфавита испытали многие восточные системы письма — персидское, санскрит, согдийское.

Возвращаясь к этимологии имени — Сам-Рау, повелителя Солнца в башкордской мифологии, мы находим, что второй корень — Рау соответствует в современном кордском языке существительному — Ра, означающее — Солнце. По многочисленным данным можно констатировать индоевропейское происхождение слова — Ра, которое несет почти единое семантическое значение несмотря на свое сильное территориальное разобщение, например: *rouge* “красный” (франц.) — “рыжий” (русс.), *red* “красный” (англ.). В латино-французском языке понятие — царь — *rex* — *roi*, передается практически тем же словом — Сам-Рау, которым в башкордской мифологии называется Царь Вселенной.

Имя богини — Хомай, является исконно индоевропейским словом, которое в иранской мифологии означает священную птицу.

Священный напиток богов — является, другим доказательством сакрального значения имени Хомай в древней ведийско-арийской мифологии.

В башкордской мифологии эти два значения тесно переплетены между собой, так как древние башкорды верили, что только священная птица Хомай знает путь к священному источнику бессмертия.

В башкордской мифологии, в монологе Хомай, задолго до Упанишад в индийской философии и Фалеса в древнегреческой, изложена концепция о воде, как о первостихии Вселенной.

Имя мое Хомай,

Если золотые волосы распушу,

520. Лучами страну залью,
Днем на землю лучи лью,
Ночью посылаю лучи Луны.
Отпустите вы меня,
Я вернусь в свою страну,
Путь к Живому Роднику
Я вам укажу.

В более точном, дословном переводе с башкордского языка на русский, последние слова Хомай звучат так: “Родника водный путь вам сказав я уйду”.

Первоначально Хомай повествует людям о своей огненно-световой природе, которая скрывается пока под обликом пернатой птицы. Лебедь, является водоплавающей птицей и таким образом становится понятным, что, языком фетишистских символов в башкордском эпосе “Урал-батыр” задолго до древнеиндийской философии и до Гераклита в истории античной мысли, уже было достаточно четко изложено философское учение о диалектике двух стихий: Огня и Воды. Ученым, изучающим башкордскую философию, необходимо обладать умением отделять гносеологическое учение от фетишистской символики и терминологии, при помощи которых это учение было изложено в эпосе “Урал-батыр” в частности в монологе Хомай. В Эпоху, когда не существовало научной терминологии по причинам отсутствия самой науки, все свои теории и гипотезы о мире древний человек излагал в форме мифа, иными словами облакал в художественную форму.

Всевозможные фетишистско-анимистические символы становятся при подобном изложении теоретического материала своеобразными научными терминами этого мифологически-философского языка. Лебедь Хомай в башкордском эпосе “Урал-батыр” и есть именно такая идея Всеобщей Абстрактности, взятая в своей фетишистско-анимистической форме.

С одной стороны лебедь Хомай, будучи дочерью Солнца, несет в себе идею происхождения всех существ этого мира, от Солнца. Богиня Хомай своим нисхождением в земной, материальный мир претерпела ряд физических изменений. Так, будучи первоначально — лучом солнечного света, дочь Сам-Рау затем обернулась лебедем, способным не изменяя своей природе, переносится по воздуху достигнув земли или сферы людей, лебедь превратилась затем в девушку, и стала человеком. Все эти превращения луча света в живое существо символически выражают основную мысль древнебашкордской философии о том, что Солнце является родоначальником всего сущего.

Лебедь — Хомай своими превращениями как бы связывает три космические сферы: солнечную, воздушную и водную, поскольку, вся жизнь этой водоплавающей птицы связана с вышеназванными сферами. Появление лебедей на Урале связано с весной, когда активность Солнца, и превращает снег в водную стихию, которая есть условие и жизненно необходимая среда для всех водоплавающих птиц.

Таким образом, становится понятным, что по представлениям древних башкордов, все живые существа на земле есть ничто иное как, — проекция лучей света или форма существования, особым образом сконцентрированного до уровня материи Солнечного луча. Здесь мы сталкиваемся с первой философской попыткой творцов древнебашкордской мифологии объяснить происхождение всего многообразия природных явлений энергетической трансформацией единой субстанции.

Этот своеобразный метод мышления, основанный в древности на чувственном созерцании в современной науке носит имя — индукция. На примере

богини — Хомай в эпосе “Урал-батыр”, мы наблюдаем как древние башкорды путем признания ряда частных суждений переходили к признанию общего суждения, что в целом и составляет суть индуктивного умозаключения. Башкордская философия, вступая в область природных вещей и явлений, создавая теорию познания, не отрывает идею вещи от самой вещи, и в результате подобного метода, каждая отдельная, дискретная идея понимается как частное проявление в настоящий момент — Общей идеи, данная как многочисленные художественные образы. В башкордской гносеологии Общая идея является законом для всех, попадающих под его действие частных, на подобие того, как Отец является Общим понятием для всех своих родных детей.

Самое важное, что эта Общая идея, понимается как — Световидная, материальная Субстанция. Идея, которая озаряет человеческий разум, предстает в башкордском мифе не как абстрактное понятие, а как материальная субстанция, наделенная живым телесным образом. Человек, в такой фетишистско-анимистической гносеологии, может только тогда овладеть смыслом вещи, когда схватит идею, как охотник свою дичь на охоте.

Башкордская гносеология — это учение о Сущем, как Солнечном Свете и, производя всевозможные диалектические деления и дробления всей суммы природных вещей и явлений, эта наука стремится, пока еще только на уровне чистого созерцания выявить и установить единый принцип функционирования мировой действительности.

В древнеиндийской философии образцом индуктивного типа мышления, идентичный древнебашкордскому может служить известный ведийский гимн богу Агни, который вследствие зарождения у древних ариев начала абстрактного мышления стал пониматься как проявление во всем огненной энергии.

Мандала II (1) “К Агни”

1. Ты, о Агни, (рождаешься) вместе с днями,
Ты радостно пылающий (нам) навстречу,
Ты — из вод, ты — из камня,
Ты — из деревьев, ты — из растений,
Ты, повелитель людей, рождаешься чистым.

Здесь, в этом четверостишье перечислены различные субстанции, в которых по ведийским представлениям заключается огонь. Древние ведийские риши — мудрецы, созерцая многочисленные проявления живого бога Агни в различных друг к другу природных субстанциях, индуктивно выводили умозаключение об изначальной природе Огненной стихии в Космосе, которая является имманентным принципом и условием существования вещей и явлений в природе. Так, созерцая физическим зрением молнию во время дождя говорилось: “Агни, ты — из воды”, видя искры, сыплющиеся от удара камнем по камню: говорилось: “Агни, ты — из камня”, а стих: “из деревьев” возник из бесчисленных наблюдений процесса рождения огня, добываемого трением двух орудий, изготовленных из дерева. Огню для горения необходимы дрова, для дров — деревья, а для дерева требуется вода, изливающаяся с неба в виде дождя, летом, во время грозы, когда небеса озаряют молнии Огня. Но несмотря на эти видимые изменения и превращения единых субстанций в другие древние ведийские риши стали осознавать, что в основе основ всех вещей и явлений лежит Единая субстанция, проявляющее себя как Огонь. Безусловно, умение отличать причину от следствия отделить первичные причины от вторичных, а затем вывести заключение

характеризует в большей степени рационалистический тип мышления. В этих рассуждениях древних ведийских риши бог начинает пониматься не как субстанция, а как энергия, которая светозарна по своей природе. Из этого следует, что в древнеиндийской философии, как и в более древней башкордской мифологии, гносеология зависит от света, и в целом, теория познания еще не стала самостоятельной наукой, а по-прежнему отождествлялась с практической деятельностью человека. Для охотника свет необходим, чтобы увидеть, то есть познать и постичь свою цель — жертву. Исходя из этих простых наблюдений ведийские риши понимали Свет — источником познания и поэтому для них обладание зрением было равносильно обладанию знанием. Ведические арии до своего прихода во II тысячелетии до н. э. на территорию Северной Индии обитали на Южном Урале и Средней Азии, поэтому является глубоко закономерным искать и видеть в башкордской мифологии корни индо-иранской философии. Хомай в башкордской мифологии является божеством гносеологии, которое освещает и озаряет весь путь познания человека. В башкордской мифологии охотники и Хомай являются основными действующими лицами процесса познания. И если в современной науке изложение какого-либо материала, новой теории или гипотезы ведется от имени некоего безликого, неодушевленного, безжизненного, абстрактного процесса (по типу: “в математике до этого было так”, или “физика считала ранее, что” и т.д., и т.п.), то в эпосе “Урал-батыр” именно Хомай раскрывает, то есть освещает людям своим светом путь к познанию. С точки зрения современной науки башкордская богиня Хомай является энергетическим условием опыта, так к примеру, если не будет электричества, не будет работать компьютер, и ученые не смогут сделать свои вычисления, не будет света — все погрузится во мрак, зимой замерзнет вода в кранах и батареях, и постепенно все научные поиски ученых и физиков, и химиков, и всех остальных людей сведутся лишь к одной цели: найти свет! Для древних башкордов, все это делала богиня света Хомай, которая прилетая на Южный Урал по весне насыщала и питала весь мир всеми видами своей энергии.

В античной философии концепцию истечения Мирового Огня на определенной стадии в циклическом развитии Вселенной, изложил Гераклит Эфесский, а позднее эту концепцию активно разрабатывали и пропагандировали философы-стоики. В древнеиндийской эстахологии считалось, что в конце Кали юги Мировой Огонь в облике “Пасти кобылиц” вырвется со дна океана и уничтожит всю вселенную, которая затем возродится вновь.

В скандинавской мифологии конец мира описывается как Мировой пожар, после которого, как и в древнеиндийской философии обновленный мир возродится вновь.

В иранской мифологии Огонь почитался воплощением Ахура-Мазды, верховного божества в зороастрийской религии.

Культ священного огня занимал важное место и играл огромную роль в религии древних греков и римлян. Греки называли богиню домашнего очага — Гестией, а римляне — Вестой. Как описал известный французский исследователь религии Ньюма Фюстель де Куланж о культе огня у древних греков и римлян: “Важным доказательством древности этих верований и этой практики является тот факт, что они существовали у разных народов: и тех, что проживали на берегах Средиземного моря, и тех, что обитали на полуострове Индостан. Конечно, греки не перенимали эту религию у индусов, как и индусы — у греков. Но греки, итальянцы, индусы принадлежали к одной расе; их предки в очень отдаленную эпоху жили вместе в Средней Азии. Именно здесь у них впервые зародились эти верования и установились эти обряды. Следовательно, религия священного огня относится к эпохе очень отдаленной, покрытой тьмой веков,

когда еще не существовало ни греков, ни итальянцев, ни индусов, но были только арии”. (См. Классики мирового религиоведения. М., 1996 г., стр. 343 — 342).

Имя — “Арии” вышло из башкордского языка, где означает: “хороший”, “добрый”, “благородный”. Башкорды являются прямыми потомками древних ведийских ариев, которые действительно проживали на Южном Урале, как это показали археологические раскопки городов Аркаима. Вместе с этим из всех народов, населяющих Уральский регион и районы Западной Сибири, где в древности обитали индо-ирано-язычные андроновские племена, только башкорды Южного Урала имеют родственные связи с Иранским миром. Свои древние идеологические и духовные корни с иранской культурой сохранила башкордская мифология, которая, как любая другая мифология, является наиболее консервативным элементом культуры и продолжает всегда сохранять свои наиболее архаичные черты, несмотря на смену исторических эпох и неумолимый технический прогресс. Касаясь иранской мифологии необходимо отметить, что судя по последним открытиям ученых-исследователей “Авесты”, пророк Заратустра жил в глубокой древности на территории к востоку от реки Волги, то есть на Южном Урале, поскольку на всем протяжении от Урала до Ирана нигде нет высоких гор, о которых говорится в гатах “Авесты”. В зороастрийской религии основную роль играет культ священного огня, один из которых — Борзен Михрбан, носит имя башкордского и кордского рода Борзян. Само имя Борзян на среднеперсидском — Бурзан, в “Авесте” — Берези, означает — огонь Солнца — Хварр. По поверьям зороастрийцев священный огонь Ахура — Мазды существует в пяти ипостасях, так: огонь Вохуфрйана, находится в телах людей и животных и проявляет себя как блеск глаз; второй огонь — Урвазишта, пребывает в растениях и согревает ростки и семена в земле; третий огонь — Вазишта, есть молния; четвертый огонь — Спешита, есть пламя костров, почитался как земное воплощение бога Атара; и последний, пятый, самый священный огонь — Борзен Михрбан, по представлениям древних иранцев был огненным пламенем Солнца, которое полыхает в небе перед лицом самого Ахура — Мазды. (См. подробнее И.В. Рак. “Зороастрийская мифология”. С.-Петербург., 1998г.). Вся эта картина диалектического членения огненной стихии на пять родов-ипостасей в зороастризме соответствует ведийско-арийскому принципу мышления — видеть в различных формах огня проявление единой сущности бога — Агни. Вся эта световая индоиранская религиозная система своими корнями восходит к мифологии башкордов Урала, в составе которого один из родов носит древнее ведийско-иранское имя — Борзан. В принципе, исходя только из этого единичного факта необходимо признать всю башкордскую мифологию древним, языческим учением о диалектике света в космосе, ставшее позднее тем идеологическим базисом, на основе которого, в более поздние времена, сложились и получили свое дальнейшее самостоятельное развитие различные философско-спекулятивные системы в древней Индии и античной Греции, поставившие Солнце на первое место при изложении своих различных самобытных космологических теорий.

Необходимо также признать и гораздо большую древность, чем это было принято ранее, именно башкордской созерцательно-мифологической философии и по причине только того, что: в древнеиндийской религии — Агни, в древнегреческой мифологии — Гелиос, в скандинавской мифологии — Один, в зороастризме — Ахура Мазда — все являются богами огня, воплощающие мужское начало, тогда как у башкордов божество света и воды Хомай, является воплощением Женского начала. Исторически матриархат предшествует патриархату, поскольку во главе первобытной общины стояла женщина — жрец, как ближайший принцип родственных отношений, тогда как патриархат наступил в

тот исторический период, когда произошло отделение чисто организационных, экономических, военных функций от чисто родственных отношений. И если в башкордской философской мифологии прямым воспоминанием об этой эпохе матриархата является божество Хомай, то в индоиранской религии и мифологии, все женские божества подчиняются божествам мужского рода и практически не играют никакой самостоятельной роли. Хомай в башкордской мифологии наоборот является поистине самостоятельным божеством, поскольку обладает творческой потенцией, а роль мужских небесных божеств сведена к минимуму. Так, в эпосе “Урал-батыр” активным творческим началом выступает женское божество Хомай, а ее отец Сам-Рау описан как пассивное мужское божество. Подобную картину мы наблюдаем и в эпосе “Акбузат”, где Сура, отец Хаубена, описывается как умерший, погибший батыр, что, в свою очередь свидетельствует о малоантропоморфности и полной пассивности его образа по сравнению с остальными действующими живыми персонажами. В древнеиндийской мифологии божество Сурья идентичное богу Суре в башкордской мифологии, также показан как малоантропоморфное божество, что доказывает и подтверждает наличие института матриархата у индоиранских племен в эпоху непосредственно предшествующую созданию гимнов “Риг Вед”. Наличие матриархата в глубокой древности у греков и римлян полностью подтверждается тем важным фактом, что женские божества Гестия и Веста были покровительницами вечного и неугасимого огня.

В древнем Риме именно девушки, а не мужчины были жрицами-весталками, следившими и ухаживающими за постоянно горящим огнем в храме богини Весты, который почитался как символ мощи и несокрушимости римского государства. Иными словами, древние римляне, как и башкорды, считали огонь духовной энергией, объединяющий социальные структуры общества. Важно указать, что впоследствии у римского поэта Овидия (43 г. до н.э. — 18 г. н.э.), сосланного по указу императора Августа в VIII веке нашей эры на границу с Сарматией в город Тома к югу от устья Дуная в современной Румынии, в его месяцеслове известном как “Фасты” богиня Веста изображается неподвижно парящим в небе земным шаром, заключающим в себе космический огонь (Fast. VI. 218). Влияние башкордской сармато-аланской мифологии на римскую, на примере описания богини Весты у Овидия, заметны наиболее отчетливо. Именно у башкордов Урала, прямых потомков ираноязычных сармато-аланов, богиня Хомай почитается Огненной девой, парящей в небесах и источающей лучи света на все бескрайние просторы Вселенной. В башкордской мифологии Хомай является божественной энергией, пронизывающей весь космос и удерживающей его от разрушения. Эта энергия имеет светозарный облик и увидеть ее (то есть Хомай) может не любой человек, а только охотник, обладающий прекрасным зрением. Знание о мире и сам процесс познания в башкордской мифологии ставится в зависимость от зрения. Исходя из этого, следует назвать и определить древнебашкордскую гносеологию философским учением о световом восхождении человека к божеству, которое позднее, в древнеиндийской философии, в частности в йоге, трансформировалось и превратилось в религиозно-интеллектуальное учение о созерцании умом божественного света, как основном методе духовного просветления и слияния человеческой души с Богом.

В античной философии родоначальником учения о восхождении и слиянии человеческих душ с божеством является конечно Платон. Впоследствии, идеи Платона получили дальнейшее развитие в трудах античных философов и были детально разработаны и систематизированы в Неоплатонизме, как философское учение о диалектике Света и перевоплощении душ, совершающих круговорот рождений согласно общеантичной теории круговорота вещества в природе.

Платоновскую метафизику Света и разрабатывала вся позднейшая античная философия: как стоики — Клеанф, Панеций, Посидоний, так и неоплатоники: Плотин, Порфирий Прокл.

В известном смысле Византийское православное богословие представляет из себя совокупность Платоновского учения о бытии как Свете с христианским учением отцов церкви о световой природе ума и концепции светового восхождения души человека в состояние духовного единения с Божеством.

В башкордской философской мифологии посредником между миром земным и небесным царством света становится дочь Солнца — Хомай.

Эпоха фетишизма обожествила лебедя и превратила эту перелетную птицу в дочь Солнца, тогда как в религиозных системах зародившихся в истории уже в более поздние времена посредниками между человеком и божеством стали бестелесные ангелы. Для древних людей эпохи анимизма и фетишизма, которые не отделяли идею вещи от самой вещи такое “современное” богословское понятие как бестелесные ангелы, было просто неприемлемым, поскольку они (люди первобытно общинной формации) были самыми чистыми, что ни на есть — наивными “материалистами” и всякую душу считали не абстрактом, а наоборот, живым фетишем. Например, древние башкорды, мыслили душу как материально данную бабочку или кровь, которую можно потрогать или увидеть. Обожествление древними индо-германцами Солнца и вера в Огонь на земле, как воплощение небесного божества, породили впоследствии в индоевропейской философии, стремление мыслить идеальные категории в облике огненных лучезарных субстанций.

Чистая гносеология

Вместе с вопросом Урала: “Что является причиной смерти?” в башкордской мифологии начинается изложение чистой гносеологии. То, что свет есть субстанция необходимая не только для освещения земли, но также и для просветления ума и уяснения “темных” мыслей, наводняющих бурным потоком сознание человека, задолго до древнеиндийских философов йоги и последователей Платона в древней Греции, было впервые высказано и изложено в башкордской мифологии. Вопрос Урала есть по существу отказ человеческого разума от предыдущих, традиционных, архаичных форм пассивного созерцания действительности и переход к рациональному типу мышления, когда индивидуум начинает осознавать себя личностью. Если весь сюжет башкордского мифа построен на описании бесчисленных поисков героем ответа на вопрос о причинах смерти, то необходимо считать и рассматривать в дальнейшем эпос “Урал-батыр” произведением научного характера, обращенного к разуму человека, а не к его чувствам. Иными словами, эпос “Урал-батыр” требует от слушателя не чувственно-эмоционального сопереживания, а, наоборот, предполагает наличие у исследователя рационального типа мышления. Познание в башкордской мифологии понимается как восхождение Урал-батыра из мира темноты и мрака в область света, при этом каждая новая ступень восхождения к свету понимается как более совершенный уровень сознания и дальнейшее самопознание и саморазвитие человека, если в начале мифа Урал предстает как охотник, то в конце — перед нами философ, защищающий нравственные законы, что подтверждает факт зарождения у древних башкордов чувства исторического времени.

Космос представлял для башкордов божественную субстанцию и, следовательно, Солнце, источающее свет, почиталось живым антропоморфным существом, обладающее душой. Чтобы показать причастность света к Солнцу в

башкордской мифологии, использована схема родства, так хорошо знакомая в эпоху родоплеменной общины.

Самрау — Солнце является отцом своих золотистых лучей — Хомай и Айхылыу. Самрау — Солнце по представлению древних башкордов обладал способностью своими лучами — дочерьми возрождать мертвую природу-материю к жизни. Это весьма архаичное представление в башкордской мифологии связано с наблюдаемым ежегодно весенним оживлением природы под воздействием золотистых лучей Солнца. В философском учении, где онтология признает основой бытия Солнце и, исходящий от него во все концы космоса Свет, гносеология всегда будет представлять форму зрительной, созерцательной теории.

Необходимая терминология

В башкордском языке исторически сложилось и лексически закрепилось так, что понятие — глаз “□Yз” происходит от одного этимологического корня со словом — “к□з” — “огонек”, “уголек”. Именно под этим именем — Ишкуза впервые в VII в. до н.э. на клинописных ассирийских документах упоминается предки башкордов — Скифы, которые под предводительством военного вождя Ишпакая в качестве союзников Мидии и страны Манна выступают против Ассирии. Ирано-язычные скифы, савроматы, сарматы были огнепоклонниками и как писал Геродот о массагетах: “богом они почитают одно только Солнце” (IX, VIII, 6). Предки современных кордов — Мидийцы, также были огнепоклонниками, и пришли на территорию Передней Азии в XVIII веке до н.э. с Южного Урала и территории Средней Азии, как арии, основавшие затем иноязычное государство Митанни. Для историков философии эти сведения означают факт существования в мифологии у древних башкордов религиозно-гносеологической теории света, в течении длительного времени и задолго до прихода с севера в Грецию в XII веке до нашей эры — предков современных греков — ахейцев, которые и являются основателями древнегреческой Микенской Цивилизации.

И только по происшествии многих веков, вместе с Фалесом (525 — 547 гг. до н.э.), начинается сложение наиболее ранних форм греческой философии, которая по праву считается логическим началом европейской философии и науки.

Мы специально уделили особое внимание выяснению приблизительной исторической даты возникновения древнегреческой философии, поскольку у Платона и особенно у Плотина философско-эстетическая концепция божественного света стала основой их общего учения об основах и принципах нашего бытия.

Для нашего исследования важно установить, что в древнегреческой культуре послужило основой для построения Платоном своего учения о световой структуре Космоса. Иными словами, если для башкордов в древности признание первичности света являлась чертой национального самосознания, то теперь необходимо выяснить какой интуицией света обладает к примеру древнегреческая мифология.

У Гомера в “Илиаде” и “Одиссее” древнегреческая мифология представлена достаточно наглядно и в полном виде и, читая эти литературные произведения, мы узнаем, что зрением обладает: **“Самое Солнце, коего острое око все пронизает и видит”** (II, XIV, 344.), что Гелиос **“Видящий все и слышащий все в поднебесной.”** (II. III, 277.) — подобно Самрау в башкордской мифологии созерцает своими глазами, как человек — весь мир. Вообще, вопрос о зрительной интуиции света, лежащих в основе древнегреческой мифологии, достаточно хорошо изучен в философской науке, и на этом основании весьма авторитетным и

заслуживающим всестороннего внимания является мнение известного русского филолога и философа-платоника Алексея Федоровича Лосева, который, касаясь этого вопроса, писал следующее: **“Оказывается, если взять не только теоретиков, но и вообще всю греческую литературу, то придется считать в буквальном смысле слова народным воззрением, то обстоятельство, что греки понимали зрительный процесс как своего рода циркуляцию огненного элемента между воспринимающими глазами и воспринимаемым предметом”**. (А.Ф. Лосев. “История античной эстетики”, т. II, стр.418). Так, все у того же Гомера в “Илиаде” читаем, что когда Ахилл устремляется в битву, то он: **“взором сверкает”** (XX, 172.), а перед битвой у Ахилла, когда: **“Пелид ополчился великий. Зубы его скрежетали о гнева; быстрые очи, Страшно как пламя, светились”** (Песнь XIX, 365). Из этих фрагментов из Гомера видно, что древние греки, как и древние башкорды, сам процесс человеческого зрения понимали как особым образом излучения огня глазами. Башкордское слово — кәз “уголек” с тем же значением имеется в наличии и в индоевропейском языке кордского народа — современные потомки древних Мидийцев, к которым в их борьбе с Ассирией в VII веке до нашей эры пришли на помощь предки башкордов — скифы Ишкуза.

Зороастризме блеск глаз почитался священным огнем Вохуфрйана; если огонь Вохуфрйана покидает телесную оболочку, то глаза тускнеют, а тело становится холодным. Таким образом, становится понятным, что казавшимся на первый взгляд **кәз “огонек” и — күз “глаза”**, на самом деле является весьма архаичным представлением предков индоевропейских народов о природе зрения. Так, и Гелиос у Гомера и Самрау в башкордском эпосе обладают огненным зрением **“коего острое око все видит”**; и у башкордов Урала и у древних греков глаза могут как **“пламя светиться”**. Башкорды, как и древние иранцы почитали блеск глаз истечением внутреннего огня Вохуфрйана и это, в целом мифологическо-фетишистское представление об огне как о причине видения лежит в основе Платоновской теории зрения. Так в “Тимее” читаем: **“Из орудий они [Боги] прежде всего устроили те, что несут с собой свет, то есть глаза, и сопрягли их [с лицом] вот по какой причине: они замыслили, чтобы явилось тело, которое несло бы огонь, не имеющий свойства жечь, но изливающий мягкое свечение, и искусно сделали его подобным обычному дневному свету, Дело в том, что внутри нас обитает особенно чистый огонь, родственный свету дня: его-то они заставили гладкими и плотными частицами изливаться через глаза; при этом они уплотнили как следует глазную ткань, но особенно в середине, чтобы она не пропускала ничего более грубого, а только этот чистый огонь. Вот и когда полуденный свет обволакивает это зрительное истечение и подобное устремляется к подобному, они сливаются, образуя единое и однородное тело в прямом направлении от глаз, и притом в месте, где огонь, устремляющийся изнутри, сталкивается с внешним потоком света. А поскольку это тело благодаря своей однородности претерпевает все, что с ним не случится, однородно, то стоит ему коснуться чего-либо или, наоборот, испытать какое-либо прикосновение, и движения эти передаются уже всему телу, доходя до души: отсюда возникает тот вид ощущения, который мы именуем зрением. Когда же ночь скроет родственный ему огонь дня, внутренний огонь как бы отсекается: наталкиваясь на то, что ему не подобно, он терпит изменения и гаснет, ибо не может слиться с близлежащим воздухом, не имеющим в себе огня. Зрение бездействует и тем самым наводит сон”**. (Тимей, 45, b — d.).

“наблюдать” происходит от имен существительных: ҫүз “слова” ҫ , kәз “огонек”, “блеск”, одновременно. Глагол ҫүрә “видеть” происходит из единого корня с глаголом — kәтә “палить”, “калить” (о Солнце) и “жарить”, “иссушать”. Два этих башкордских глагола с тем же значением имеются и в современном кордском индоевропейском языке, что указывает на их весьма древнее происхождение. Так, в кордском языке слово — ҫүрә, означает — “костер”, а слово kәтә “огонь”, “жар”. В латинском — URO “жечь, палить”.

Башкордское слово — ҫүрә “видеть” совпадает в греческом языке kәrә “зрачок” и глаголом — hоrо “смотреть” — “видеть”. Важно указать, что глагол — hоrо является составной частью терминов — “теория” и “теорема”. Необходимо теперь выяснить, что именно означали эти научные термины в древнегреческом языке.

Как писал А.Н. Лосев: “...термин *theoria* (...) почти не имеет ничего общего с **новоевропейским пониманием этого слова...**”

Прежде всего разберемся в этимологии этого слова. Она указывает на — *thea*, что значит “зрелище”, и на глагол — hоrо, что значит “смотрю” или “вижу” с оттенком констатации самого факта видимости. Следовательно,— *theoria* означает такое зрение или зрелище, в котором зрячий фактически разбирается. Зрелище — это есть, то что отличается достаточно сложным и интересным составом достаточно интересной формой и содержанием. Если в этом интересном зрелище мы производим анализ и синтез, то есть сознательно и расчлененно относимся к разным его моментам, то это значит, что у нас есть теория этой видимости. (...) Термин же “теория” уже сам по себе, прежде всего чисто этимологически, указывает именно на **соединение мыслительных и чувственно воспринимающих актов**. (См. А.Ф. Лосев. “История античной эстетики”, т. II, стр. 458 — 459).

Теория — есть созерцание зрелища, которое всегда необходимо освещать поскольку любое зрелище станет не видимым и потонет во мраке, если не будет — Света. Этим лучезарным светом для древних башкордов был внутренний огонь Вохуфрйана, истекающий из глаз. Именно, освещая все вокруг этим внутренним огнем, сверкающим в глазах — человека, как считали башкорды в старину, способен видеть по ночам. Это весьма архаичное верование трудно поддающееся логическому осмыслению и пониманию, как мы уже показали на примере греческой мифологии, было широко распространенным представлением о процессе зрения у предков современных индоевропейских народов. Идея понималась древними башкордами как луч света, отраженный обликами вещей и предметов.

Луч света, исходящий из глаз человека отражаясь от предмета как луч солнца от зеркальной поверхности воды, фотографирует облик предмета и стремительно возвращается обратно к глазам, которые у многих древних народов почитались “вратами души”. Эти лучезарные облики предметов и являлись для древних башкордов — Идеями, которые как лучи Солнца сами источают свет и освещают ум человека. Человек созерцает идеи, которые в эпоху фетишизма и оборотничества по представлениям древних людей, обладали физическими телами и поэтому их можно не только видеть, но и разговаривать с ними, как например, Урал-батыр с лучом Солнца — Хомай и блеском Луны — Айхылыу.

Этнографам достаточно хорошо известен обычай, распространенный среди многих примитивных племен, обманывать вслух. В связи с этим необходимо вспомнить шумерского бога Энки, который по преданию шепотом открывает тайну стене тростниковой хижины по другую сторону, которой он поставил Зиусудру.

Таким образом получилось, что праведный Зиусудра подслушал якобы чужой разговор:

“Зиусудра, за ней стояв слышал...
Он стоял слева, с самого края...
— Уголок стены, да скажу тебе слово,
Мои слова прими со вниманьем!
На то, что скажу я, обрати вниманье!
Потом пронесется надо всем миром,
Семя человек дабы уничтожить,
Таково окончательное решенье совета...
Слова, реченные Аном, Энлилем...

(См. С.Н. Крамер. “История начинается в Шумере”. 1991, стр.157).

Известна и другая индийская легенда о том, как слуга Мидаса узнал, что у царя ослиные уши, и выболтал эту тайну ямке, и засыпал землей, на которой позднее вырос тростник, и шелест его листьев, волнуемых ветром, разнес по всему известие об уродстве царя. Причины подобного мышления кроются, как писал известный английский этнолог Джордж Фрезер в том, что: **“Первобытный человек, не будучи в состоянии проводить четкое различие между словами и вещами, как правило воображает, что связь между именем и лицом или вещью которое оно обозначает, является не произвольной и идеальной ассоциацией, а реальными, материально ощущаемыми узлами, соединяющими их столь тесно, что через имя магическое воздействие на человека оказать столь же легко, как через волосы или другую, ногти или другую часть тела. Первобытный человек считает свое имя существенной частью самого себя и проявляет о нем надлежащую заботу”**. (См. Дж. Фрезер. “Золотая ветвь”. М., 1980г., стр.277). Если человек в древности представлял невидимый исчезающий со временем звук продолжением предмета, то лучи света почитались как части тела самого божества. Например, в башкордском мифе “Акбузат” Хаубен, увидев отражение Луны — Айхылыу наматывает ее лучи — волосы на своей руке и просит ее: “Красавица, назови имя свое—“.

23. На это девушка отвечала ему:
— Егет, не шуми,
Не требуй, чтобы я назвала имя свое,
Даже о том, что видел меня,
Не говори, вернувшись домой!
Егет, парой не стану тебе —
Не думай жениться на мне:
Вся я создана из лучей.
Не заставляй меня страдать на земле.
Не будет равной сыну земли
Девушка, сотворенная из лучей;
(...)

Услышав эти слова, Хаубен сказал:

— Долго разыскивал я тебя,
Каждого полнолуния ждал,
Теперь, красавица, тебя не отпущу.

Звездочет и предсказатель судеб по звездам в башкордском языке носит имя — □γ□эзэ, □□ □□□□ □□□□□□ □□ □□□□□ “□γ□”, имеющего как мы указали выше два значения — “видеть” и — “опалить”, “жарить”. Излучение и мерцание звезд, сияние Луны и Солнца называется в башкордском языке — “□□□k□□”, которое происходит от одного корня со словом — знать: “□□□□γ”. □□□□□□□□□□ □□□□□□ „ □□□□γ — “знать” присутствует в современном кордском — иранском языке в форме — □э□э□ “сведущий”, “знающий”; “тот, кто хорошо знает местность”, — “проводник”.

В кордском языке корнем слова — □э□э□ “знающий” служит имя — □э□□, белу: 1) видный, известный; 2) явный, ясный, очевидный. Сам корень — □э□, □э□□□□ — означает “выпуклый — выпуклость”. Таким образом, этимологический разбор показывает, что истоком знания является материально данный, чувственно ощущаемый облик предмета. Корень — “бел” является исконно индоевропейским и поэтому слова с этим корнем и с одинаковым значением встречаются, допустим, и в русском и английском языках. Например, в русском языке слово — блик, содержащий корень — бл, совпадает с английским словом — blaze “сиять”, “сверкать”, “гореть ярким пламенем”; bleach — “отбеливание”, “белить” и — blink “мерцание”, “отблеск”.

Вместе с этим курдское слово □э□□□□ “выпуклость” соответствует английскому слову — bulge “выпуклость”, а кордское слово — бол “обильный, обилие” соответствует английскому слову — bulk “объем”, “большое количество”. Все эти слова в ряде индоевропейских языков, в русском: 1) обилие, 2) облик, 3) блеск, 4) блик; в английском: 1) bulk, 2) bulky, 3) bleach, 4) blaze; в кордском: 1) бол — “обилие”, 2) □э□ “выпуклый” — происходят из одного этимона: “бл”, который несет в себе двузначный смысл; первый: “обилие, выпуклость чего-либо” и второй: “рассыпаться, сверкать, видеть”. В кордском языке, равно как и в башкордском, от этого корня “бл” происходит слово — “знание, знающий” и “□□□□γ — беледи”. Вышеприведенный этимологический анализ показывает, что слово “знание” — “□□□□γ” в башкордском языке происходит от слова — балкыу “сверкать, блестеть, искриться, сиять”. Установление этого филологического факта позволяет нам понять мышление древних башкордов, которые полагали, что идеи и мысли человека имеют светоносную, лучезарную природу и только видящий человек и был сведущим.

Идеи имели огненный облик предметов в противовес темным теням человека и представляли для древних башкордов как лучезарные очертания вещей. Просвещение понималось у башкордов как — Просветление ума, а тьма — как неведение.

Знание — “белем” по мысли древних башкордов, представляет из себя отблеск Солнца, который оставляет свой знак, метку — “□□□□э” (башк.) в душе человека. Эти следы — “□з” (башк.) Солнца в сознании человека становятся его памятью — “□с” (башк.), переходят во владение — “□□□эγ” (башк.) и только затем становятся — “белем” (башк.) — знанием.

Древний человек хорошо понимал, что видит все вокруг благодаря свету — Солнца, Луны, затем огня, а, следовательно, для него было вполне естественным представлять себе образ знания в виде лучезарного света. Этимологический разбор кордско-башкордского, а в целом индоевропейского слова — белеу “знание” показывает и подтверждает факт отождествления древними башкордами знания со светом или лучами света. Вместе с лучами солнечного света знания как бы рассеивались, распространялись — □э□□ (курдск.) по всему свету.

Кордское слово — “□э□□” этом в отношении и этимологически и семантически идентично древнегреческому глаголу — bollo “бросаю”, тогда как

словом — болид (bolidos) называют метеор с длинным светящимся хвостом, полет которого часто сопровождается звуковыми явлениями.

Вряд ли кто из филологов будет впустую спорить, что башкордское — $\text{b} \text{a} \text{f}$ и древнегреческое — bolidos происходят якобы не из единого для них корня — bl. Точно так и ранее указанные слова: $\text{b} \text{a} \text{f}$ (башк.) “видеть” и $\text{k} \text{a} \text{r} \text{a} \text{f}$ (др. греч.) “зрачок” этимологически соответствуют друг другу. Слова — $\text{b} \text{a} \text{f}$ (башк.) и bolidos (др. греч.) имеют единый индоевропейский источник своего происхождения.

Само понятие — знание в башкордском языке, как и в индоевропейском кордском языке, передается и обозначает словом — $\text{b} \text{a} \text{f}$. В древнегреческом языке слово — $\text{p} \text{h} \text{a} \text{n} \text{o} \text{s}$ означает “светлый”; — $\text{p} \text{h} \text{a} \text{i} \text{n} \text{o}$ “освещаю — являю”, а $\text{p} \text{h} \text{a} \text{i} \text{n} \text{o} \text{s}$ “сияющий”. Термин — $\text{p} \text{h} \text{a} \text{n} \text{o} \text{s}$ “светлый, просветленный” употреблялся философом Платоном, как писал А.Ф. Лосев: “... почти исключительно только в характеристике истинно сущего как его наиболее ясная и видимая сторона”. (См. “История эстетики”, т. II, стр. 425).

Таким образом башкордское — иранское слово знание — “ $\text{b} \text{a} \text{f}$ ”, в греческом языке означает — “сияние”, и по этому поводу необходимо указать и на другую, весьма важную этимологическую параллель. Башкордское слово — саф “чистый”, “непорочный”, “прозрачный” и кордское слово — сафи с тем же значением в греческом языке выступают корнем таких слов как — $\text{s} \text{o} \text{p} \text{h} \text{i} \text{a}$ “мудрость”; $\text{s} \text{o} \text{p} \text{h} \text{o} \text{s}$ “мудрый”. Историк философии придется считаться с этим фактом совпадения древнегреческих терминов $\text{s} \text{o} \text{p} \text{h} \text{i} \text{a}$, $\text{p} \text{h} \text{a} \text{n} \text{o} \text{s}$ с кордско-башкордскими словами саф и $\text{b} \text{a} \text{f}$, тем, более что — иранские и греческий языки — восходят в своем происхождении к единому праиндоевропейскому языку — основе.

Анализ всех терминов, выражающих такие философские понятия, как — знание, видение, познание, зафиксированных в башкордском языке показывает, что в древние времена, башкорды Урала, как, например, античные греки понимали знание о предмете как видение предмета. Как и все люди древности башкорды эпохи создания эпоса “Урал-батыр” не отделяли идею вещи от самой вещи, что и составляет суть — анимизма. Башкорды Урала в то время не знали ни о каком — примате духа над материей, что составляет смысл так называемого “основного вопроса философии”.

Для башкордов, как это хорошо показано в мифе “Урал-батыр” все материальные субстанции перетекали из одной одушевленной формы в другую. Поэтому для древних башкордов облик вещи, входящий в сознание человека как луч или блик вещи казался самой Сутью вещи. В связи с вышесказанным необходимо вспомнить, что А.Ф. Лосев говорил по этому поводу: “Под влиянием **новоевропейской абстрактной метафизики давно уже забыто, что самое слово “идея” имеет свои корнем “вид”. Идея — то, что видно в вещи. В греческом языке это слово очень часто служит для обозначения внешнего вида вещи, наружности человека и прочее. С таким значением оно попадает даже у Платона. Но если всмотреться в сущность вещи, в ее существо, в ее смысл, то он тоже будет “виден” и глазу и главным образом уму. Вот эта видимая умом (или, как говорят греки, “умная”) сущность вещи, ее внутренне внешний лик, и есть идея вещи. Но мало этого. Идея вещи есть не только видимая умом пассивная фигурность вещи. Она есть в то же время и самая субстанция вещи, ее внутренне определяющая сила. Она не теоретична только. Она в себе осуществлена и воплощена в своем собственном — тоже идеальном — теле. Без этого она не была бы бытием, не была бы реальностью, не была бы “полезной”, не была бы античной. Кроме того, она ведь есть только момент в целом бытии, она не оторвана от цельного бытия, она несет на себе его смысловую энергию, его цель. Это**

есть специфически осуществленная целесообразность и самое тело целесообразности. Если она есть такое “особенное”, которое несет на себе все “целое” и “общее” (хотя и специфическим образом), и если она есть субстанциальная мощь всей данной области бытия, имеющая свой собственный, видимый умом лик, то, очевидно, каждая такая идея есть не что иное, как тот или иной бог.” (См. А.Ф. Лосев. “История античной эстетики”, т. II, М., 1969, стр. 150).

Богиня Хомай в эпосе “Урал-батыр” и есть — Идея, понимаемая башкордами в эпоху фетишизма как солнечное божество. В древнебашкордской философии мир богов и есть мир идей и умопостигаемых понятий современной философии.

В башкордской философии идеи обладают субстанциональной энергией и никогда не являлись голыми абстракциями. Идеи в древнебашкордской мифологии есть — родовые понятия, которые мыслились людьми как одушевленные и наделенные разумом божество. Следовательно, искание истины древними башкордами понимались как приближение к тому или иному божеству. Полет Урала в царство Света царя Солнца Самрау на посохе, подаренном ему Хомай дает нам полную картину того, что древние башкорды под гносеологией понимали слияние человека с космосом. В башкордской мифологии мир богов — солнечных идей противостоит миру темной и слепой материи и, как считали башкорды, человек может физически вознестись в царство Самрау, оседлав посох — молнию Хомай. При сопоставлении мифического полета Урала на волшебном посохе Хомай в царство солнечного света царя Самрау с многочисленными научными исследованиями различных языческих верований и магических обрядов у многих народов, обитающих в разных удаленных друг от друга частях света, становится ясным и понятным, что под видом вознесения Урала на небеса в эпосе описан бытовавший в древности у башкордов культово-магический обряд восхождения вождя-жреца или мага-шамана по лучам Солнца на небо.

Многие современные философы напрочь забыли, что помимо научного метода существует и художественный вид познания мира явлений. Литературные произведения таких писателей и драматургов как Шекспир, Достоевский, Данте, мягко говоря, вообще имеют мало отношения к литературе, но, наоборот, больше напоминают философские произведения. Хорошо известно какую нелестную оценку стилю работ А.Ф. Достоевского дал известный преподаватель русской словесности В. Набоков. Разве художественные образы не обладают реальностью умопостигаемых понятий философии? — Обладают. Но, главное отличие героев литературных произведений от понятий философии состоит в следующем: субъект художественного произведения обладает своим собственным живым ликом, причем здесь не важно идет ли речь о человеке или квашеной капусте, тогда как научные термины такими личностными качествами субъекта не обладают. Все вышесказанное легко понять на следующем примере, так: самостоятельное число 2 состоит из чисел 1, взятых дважды, которые при сложении потеряли свой лик и превратились в безкачественную субстанцию, из чего в свою очередь состоит цифра — 2.

Теперь возьмем для сравнения художественные образы двух всемирно известных литературных персонажей, таких как, например: Буратино и Онегин. Каждый из этих двух литературных героев несет в себе и выражает в произведении только свою, лично ему присущую идею и сколько бы мы ни пытались соединить, или каким-то способом синтезировать между собой и слить воедино художественные образы Буратино и Онегина, то все равно никакого одного Евгения Буратино у нас не получится и не выйдет. Цифры и теоремы, которые слабоумные ученые тщетно пытаются представить нам как некие

идеальные построения и модели бытия, вступая в контакт между собой рассыпаются в пух и прах, теряют свой собственный лик и исчезают раз и навсегда, тогда как материальные на первый взгляд художественные образы тех или иных героев продолжают жить и увлекают нас в тот идеальный мир, который неподвластен ходу времени. В эпоху фетишизма древний человек наделял душой материальные объекты и явления и по этой причине луч Солнца превратился в башкордской мифологии в богиню света Хомай, к которой в небесное царство вознесся на шаманском посохе Урал-батыр.

В древности, идеальный мир бессмертных существ понимался башкордами как некая телесно видимая область, возвышающая непосредственно над землей в небе. И достичь это царство вечного света человек может как Урал-батыр, оседлав волшебный посох. Первоначально башкордская гносеология имела грубый фетишистский облик и была тесно связана и переплетена с культово-магическими обрядами. По этой причине ученые-философы практически всегда в своих многочисленных исследованиях избегали рассматривать такой сложный вопрос как — гносеологические аспекты мифологии. Воистину, это очень тяжелая, кропотливая, а подчас и непосильная работа для многих не только молодых, но даже и для крупных ученых-исследователей мифологии, что и является в конечном итоге основной причиной того печального факта, что до настоящего времени башкордская мифология не стала предметом пристального изучения со стороны философии. Именно изучению и вычленению из философских фрагментов, представленных в эпосе “Урал-батыр”, собственно самостоятельного гносеологического учения и посвящена впервые в истории философии следующая глава.

Практическая Гносеология

Значительно более трудным представляется нам изучение не сходств, всегда более менее поверхностных и общих, а конкретных различий между мифами разных народов.

И.М. Дьяконов.

Историческое введение

Индоиранцы как и многие народы имели в древности своих магов и жрецов в обязанности которых входило предсказывать будущее, истолковывать волю богов, проводить богослужения, справлять обряды и ритуалы.

У древних башкордов как это следует из эпоса “Урал-батыр” символом абсолютного знания почиталась богиня Хомай в образе птицы-лебедя. Башкорды полагали, что все знания о бытие получили в древности от птицы Хомай при посредничестве их Первопредка Урал-батыра. Наличие в мифе медиатора между миром богов и миром людей предполагает наличие в культе и обрядах — мага, шамана или священника, который в сакральных мистериях изображал гносеологический путь Урал-батыра от неведения к источнику всех знаний птице — Хомай. Сохранившийся до наших дней запрет на употребление в пищу мясо лебедей и журавля говорит о наличии у башкордов в древности такого религиозно-магического культа как — ауспиции. В древнем Риме жрецом был Авгур, который по полету и крику птиц, по падению молний — толковал гражданам волю всевышних богов.

В башкордской мифологии молния почитался мечом Урал-батыра, подаренный герою птицей Хомай. Насколько сильно птицы почитались у

башкордов в древности символом знания, мы можем узнать на примере мифа, где богиня Хомай сама являясь птицей, требует от Урала найти и привезти ей другую птицу, соединившую в себе красоту на свете птиц.

Хомай говорит Уралу:

“Если хочешь цели своей достичь
2240. Условие мое таково:
Сам выбирай себе путь,
Сам подумай, посмотри
Муж прошедший змея страну,
Муж узнавший, где лево
Сам сумеет дорогу отыскать,
Если ты птицу найдешь,
Которой нет в моей стране,
Которую никто не видал и не слышал
Ту, что красоту всех на свете птиц
2250. Соединила в одной себе,
Если найдешь, ее сюда привезешь,
Помощь получишь от меня
Из Живого Родника воду возьмешь,
Желания достигнешь своего”.

Но не только Хомай и Айхылыу (лебедь и утка) символизируют в башкордской мифологии, другой птицей является Ворон, а у курдов-езидов птица павлин почитается божеством и носит имя: “Малек Тауис”. И если перелетные птицы являются символами светлых знаний, обладание которыми делает человека по башкордской мифологии —бессмертными, то черный ворон, не покидающий жителей Урала ни зимой, ни летом, почитался древними башкордами как хранитель Мирового Закона, известного позднее под именем Рита — карма, в индийской философии.

Таким образом, в башкордской мифологической гносеологии светлые знания противопоставляются темным знаниям, что в свою очередь является фетишистским прообразом деления в логике Аристотеля понятий на противные (contrariae) и противоречащие (contradictoriae) классы. Именно и только, по мере разработки общих понятий по принципу их контрастности друг к другу стало исторически возможным формулировать обобщения, которые впоследствии стали называться научными терминами или просто — терминами в науке. С помощью терминов и обобщенных понятий у человека появилась возможность научной проверки противоречивости или истинности первоначальных утверждений, а затем, по мере развития абстрактного мышления и умозаключений.

Шаманская гносеология, то есть — ауспиции или гадание на птицах было широко распространенным обычаем у викингов еще в средние века. Византийский император Константин VII Багрянородный (908 — 959) в своем трактате “Об управлении империей” писал об этом магическо-культовом обряде викингов-росов, не забывая упомянуть и о средневековых башкордах-пачинаках (баджиняк). Вот что писал император: **“Эта переправа имеет ширину ипподрома, а длину, снизу до того [места], где высовываются подводные скалы — насколько пролетит стрела, путившего ее отсюда дотуда. Ввиду чего к этому месту спускаются пачинакиты и воют против росов. После того, как пройдено это место, они достигают острова, называемого Св. Григорий. На этом острове они совершают жертвоприношения, так как там стоит громадный дуб: приносят в жертву живых петухов, укрепляют они и**

стрелы вокруг [дуба], а другие кусочки хлеба, мясо и что имеет каждый, как велит их обычай. Бросают они жребий о петухах: или зарезать их, или съесть, или отпустить живыми. От этого острова росы [норвежцы] не боятся пачинакита, пока не окажутся в реке Селина". (См. Эллиника (Хрестоматия древнегреческих. текстов). Составитель Л.В. Павленко. М., 1995 г., стр. 235).

Языческий обычай викингов-росов бросать жребий о судьбе жертвенных птиц, точно соответствует подобному культовому обряду у древних башкордов подробно описанного в эпосе "Урал-батыр":

470. Как-то однажды все вчетвером
На охоту ушли, говорят, [как викинги],
С охоты вернулись, говорят, [как викинги],
Среди птиц, на охоте пойманных,
Была одна — лебедь белая,
Когда ноги опутали ей,
И старик нож наточил,
Чтобы голову ей отсечь,
480. Кровавыми слезами заплакала, говорят,
Свое горе высказала, говорят (...)

Хомай раскрывает людям тайну, о том, что она является дочерью Солнца и обещает, если ее отпустят на свободу:

Я вернусь в свою страну,
Путь к Живому Роднику
Я вам укажу".

Услышав эти слова, старик Янбирде со старухой Янбике обратились за советом к сыновьям. Шульген был за то, чтобы птицу съесть, Урал — чтобы отпустить, и между ними вышел спор. Урал птицу Шульгену не отдал, вырвал у него из рук, отнес ее в сторону. **"Не горюй! Вот сейчас поем немного и отнесу тебя к родителям",— утешал он ее. Как только люди сели за трапезу, птица махнула здоровым крылом — выпали из него три пера, она обмазала их кровью, сочившейся из сломанного крыла — явились три лебедя и унесли девушку [лебедь]. Старик Янбирде и его сыновья пожалели, что не успели спросить дороги к Живому Роднику**". (См. "Эпос "Урал-батыр").

Таким образом, вышеприведенный фрагмент башкордского мифа наглядно демонстрирует некогда имевший широкое применение среди башкордов Урала — культ гадания о будущем по полету птиц, поскольку не только путь к роднику, но и сам Родник Живой воды в эпосе "Урал-батыр" является аллегорическим символом Вечного Знания, овладев которым можно, достигнуть Бессмертия; (иными словами механическим путем).

К настоящему времени культ гадания о будущем по полету птиц, который в свою очередь являлся всего лишь одной из многих магических техник, у башкордов и скандинавских народов (шведы, норвежцы, исландцы) исчез, но этот культ, как и весь древний индогерманский шаманский ритуал можно реконструировать путем сопоставления с шаманскими ритуалами тех народов, у которых этот культ сохранился и практикуется по настоящее время. В истории часто бывает так, что какое-либо определенное явление в области культуры, религии, философии зарождается первоначально в недрах духовной жизни одного народа, а затем воспринимается другим инородным этносом, переходит в другую культуру, где получает свое дальнейшее самостоятельное развитие.

Так произошло с буддизмом, который зародился у индо-ариев в Сев. Индии в V—VI веках до нашей эры, и стал в III веке до нашей эры государственной религией, а затем к XII веку почти исчез на территории Индии. Одновременно, начиная с периода своего расцвета в Индии, буддизм распространился как идеология и религиозный культ на огромной территории Центральной и Юго-Восточной Азии, а также, в Средней Азии и Сибири. В настоящее время все ученые, стремящиеся реконструировать облик духовной жизни и культовой практики древних буддийских общин ныне исчезнувших с территории Индии и Средней Азии, вынуждены, дабы избежать ошибок, обращаться к средневековым китайским источникам. Так, известный китайский путешественник и буддийский монах Сюань-Цзан (ок. 600—664 г.) совершил путешествие по Центральной и Средней Азии, Индии, которое длилось с 629 по 645 год. Все свои наблюдения о жизни буддийских общин Сюань-Цзан собрал в своих “Записках”, которые сейчас являются одним из главных письменных источников о культурной жизни предков современных народов, обитающих на обширной территории Средней Азии, а также Центральной и Юго-Восточной Азии. При этом никто из современных ученых не подвергает сомнению истинность и достоверность тех исторических сведений Сюань-Цзана, несмотря на то, что как китаец он не имел никакого этнического родства с индоевропейцами: индусами-буддистами Сев. Индии и иранцами-буддистами Средней Азии, которые в свою очередь имеют прямое генетическое родство с башкордами Урала. Так, далекие предки башкордов Урала индо-ираноязычные Сако-Массагеты постоянно упоминаются под именем — Шаки (Shaki) в древних индийских источниках, например, в “Махабхарате”. В этом отношении необходимо указать на тот важный исторический факт, что сам основатель буддизма царевич Гаутама (567 — 487 г. до н.э.) происходил из рода Шаков — Саков (Массагетов), за что его и прозвали — Шакьямуни “мудрец из рода Шаков — Саков”. Царство Шаков — Саков со своей столицей городом Капилавасту находилось на севере Индии. Известный ученый-тибетолог Б.И. Кузнецов (1931 — 1985), в своей книге “Древний Иран и Тибет” приводит древнюю тибетскую карту мира, где отмечено царство Саков (Shag-yul), которое для региона Тибета располагалось на северо-западе. На основании авторских переводов тибетских текстов, восходящих к началу нашей эры Б.И. Кузнецов пришел к выводу о том, что древнеиранская религия — маздаизм явилась источником происхождения до буддийской шамано-языческой религии Тибета — Бон. Первоначально, древняя религия Бон была анимистической, что собственно говоря свойственно всем религиям первобытных народов, и имела много общего с урало-алтайским шаманизмом. Из истории мы знаем, что индоарийские буддийские элементы начинают проникать в древнетибетскую религию — Бон с VII века. Буддизм был официально объявлен государственной религией Тибета в VIII веке во время правления царя — Ценпо Трисонг Децэна (755 — 797), который по совету индийского (индоарийского) монаха Шантиракшиты пригласил из страны Уддаяна (сев. Кашмир и Афганистан) великого буддийского мага-тантриста Падмасамбхаву. Царство Уддаяна являлось индо-ирано-язычным государством, где господствующей религией был буддизм, возникший первоначально в среде индоиранских племен Сакьев — Саков — Шаков. Востоковед Б.И. Кузнецов, основываясь на книге тибетского историка Тарнатхи (род. 1575) “История буддизма”, пожалуй первым из ученых-востоковедов догадался и пришел к научно-обоснованному выводу, что быстрому распространению среди неграмотного населения Индии такой сложной, абстрактной, религиозно-философской системы как буддизм, послужил эдикт Хшаяршаха (Ксеркса) — персидского царя из династии Ахеменидов, повелевавший убить и уничтожить всех, кто в его империи поклонялся древним индоиранским богам — дэвам.

Действительно, в “Антидэвовской надписи”, датируемой 486 — 480 гг. до н. эры, царь Ксеркс (486 — 465 гг. до н.э.) перечислил Индию в составе стран, над которыми он царствовал: **“по воле Ахурамазды, вот те страны над, которыми я царствовал, помимо Персии, я ими управлял, они мне приносили дань; то, что я им повелевал, они исполняли; закона моего они держались: Мидия, Элам, Харахвати, Армения, Зранка, Парфия, Харайва, Бактрия, Согдиана, Хорезм, Вавилон, Ассирия, Сатагу, Спарда, Египет, ионийцы, обитающие на море, и обитающие за морем [греки], Мачия, Аравия, Гандара, Хинду, Каппадокия, дахи, саки Хаумаварга, саки с островерхими шапками, Скудра, жители Акауфака [кауфа гора], Путия, Карка, Кушия”**. Самым важным в “Антидэвовской надписи” царя Ксеркса для нашего исследования является то, что в состав империи Ахеменидов входила территория северной Индии и земли, предков башкордгов — Дахо-Массагетов. — А затем Ксеркс описывает как он стал преследовать поклонников богов — дэвов:

“Говорит Ксеркс-царь: когда я царем стал, была среди этих, которые выше написаны [такая], где было волнение. Потом мне Ахурамазда помощь подал. По воле Ахурамазды эту страну я сокрушил и на ее место поставил. И среди этих стран была [такая], где прежде дэвы почитались. Потом по воле Ахурамазды я этот притон дэвов разгромил и провозгласил: “Дэвов не почитай”. Там, где прежде дэвы почитались, там совершил поклонение Ахурамазде и Арте небесной”. (См. И.В. Рак. Зороастрийская мифология”. С-П. 1998 г., стр. 428). Все иранские жрецы, традиционно чтившие своих старых богов — дэвов были вынуждены под страхом смерти бежать из империи Ахеменидов и нашли себе прибежище в Тибете, где под их непосредственным индоарийским влиянием древний шаманизм тибетцев переродился в религию Бон.

Таким образом мы выяснили, что не только индоарийский буддизм оказал огромное духовное влияние на народы (буряты, тувинцы, монголы) некогда исповадавшие и практиковавшие шаманизм, но также и более древняя индоиранская ведийско-арийская религия поклонения дэвам — богам, известная у иранцев как — Маздаизм, в еще более ранний исторический период повлияла непосредственно уже на структуру построения и формирование самого шаманизма, не только у тибетцев, но и многих других этнически разных народов, таких как — буряты, тувинцы, монголы, тюрки.

Как известно, буддизм, зародившийся как религиозно-философская система у индоиранцев в роде Саков — Шаков — Шакьев к настоящему времени стал “государственной” религией Тибета, Китая, Вьетнама, Японии, при этом практически полностью исчез в Индии, Средней Азии и Хорезме.

Некоторые ученые-этнографы (Ю. Немет, Б. Лауфер, Л. Потапов) высказались против ставшего к настоящему времени общепринятым мнения о том, что татаро-тунгусское слово — Шаман исторически произошло от слова — Zhamana в санскрите.

Так, Л. П. Потапов в своем труде “Алтайский шаманизм” писал, касаясь этого вопроса следующее: **“... Слово “шаманизм” независимо от того, что в научной литературе оно признано универсальным религиозным термином, привлекло внимание исследователей и в качестве объекта лингвистического изучения, поскольку у тунгусов это слово совпадает со значением именно шамана как такового и является для их лексики самобытным. Целью лингвистического изучения было происхождение термина: его первоначальной языковой принадлежности и этимологии, что нашло отражение в ряде специальных работ. Прототип сибиро-тунгусского слова “шаман” видели в форме згамана и находили его в Древней Индии (в санскрите и языке пали), полагая, что оттуда оно попало в Сибирь через**

Тибет, Китай и Монголию. Исследователей не смущало то обстоятельство, что термин “шаман” означал у тунгусов служителя религии, одной из главных культовых функций, которого было жертвоприношение животных, что в древне буддийской религии индусов, напротив, запрещалось. Древний санскритский *ṣamaṇa* у буддистов не мог стать прототипом позднего *samaṇa* тунгусских шаманистов, ибо невозможно даже представить мотивы данного заимствования, да еще в такой внутренней, можно сказать интимной сфере народного быта, как религия, к тому же только у отдельных групп тунгусов, в то время как у других их групп, а равно и у соседних с ним племен и народов этого слова нет и не было, и они называли своих шаманов по-своему, причем терминами, не имеющими никакого отношения к *samaṇa*. (...)

Вместе с этим нельзя не отметить и некоторые лингвистические работы, ценные для историко-этнографического изучения данного сюжета. Такова, например, статья Ю. Немета, в которой доказывается, что слово “шаман” является древней собственностью тюркско-монгольского языка, а маньчжуро-тунгусское слово “сам” (“шам”) представляет фонетический эквивалент тюркского “кам”. (См. S. Nemeth. *Über der Ursprung des Wortes Saman*. S. 245 — 246.)

Теорию Немета поддержал, подтвердив ее новой аргументацией, **Б. Лауфер**”. (Л.П. Потапов. “Алтайский шаманизм”. Л., 1991 г., стр. 118).

Самым удивительным и непонятым в вышеизложенном возражении Л.П. Потапова против общепринятого в ученом мире мнения о происхождении татаро-тунгусского слова — “шаман” из санскритского — *ṣamaṇa*; уже в палийском — *samaṇa*, и в китайском: *sd* — *men* от чего и тунгусско-татарское “шаман”, является то, что Л. Потапов, и по всей видимости и рецензенты его книги Е.И. Кычанов и А.С. Мыльников начинают рассматривать историю заимствования слова — Шаман с эпохи буддизма и, что самое непонятное — с современной Индии, тогда как прекрасно известно, что ведические арии пришли на территорию северной Индии с севера, с территории Южного Урала, Западной Сибири и Средней Азии (Андроновские племена). Поэтому нельзя все индийско-арийские слова встречаемые в татаро-монгольских языках обязательно увязывать с буддизмом, который в истории самих индоариев возник значительно позднее.

Предки башкордов дахо-массагеты являются этническими потомками андроновских племен Южного Урала и Западной Сибири. Первым ученым этнографом археологом, признавшим современных башкордов Урала потомками индо-ираноязычных савроматов и тиссагетов был С.И. Руденко, который в своем монументальном труде “Башкиры” писал, касаясь этого вопроса следующее: “Гипотеза об угорском (финском) происхождении башкир, как мне кажется, неприемлема ни с антропологической, ни с лингвистической точки зрения. Можно говорить только о примеси угорских элементов среди части северных башкирских родов. Этнически я считаю допустимым связывать древних башкир с тиссагетами Геродота для северо-западной территории Башкирии и с савроматами и иирками для южной и восточной территории. Однако только с первых веков I тысячелетия н.э. можно рассматривать башкир как единую группу племен с бытом, обусловленным в какой-то мере кочевническим скотоводством в сочетании с охотой в степной полосе, в горной же и в лесной полосе с преобладанием занятий охотой, пчеловодством, в известной мере земледелием в сочетании с оседлым скотоводством”. (См. указ. соч. стр. 351).

Ирано-язычные Савроматы и их исторические приемники Сарматы представляли из себя объединение скотоводческо-земледельческих племен

(аланы, роксоланы, савроматы, языги и др.), которые в VI — IV вв. жили на территории, раскинувшейся от реки Тобол в Западной Сибири, до реки Ра (Волги) и в III в. до н. эры постепенно вытеснили из Северного Причерноморья скифов. Сарматы вели войны с Римской империей. В IV веке уже нашей эры Аланы, одно возвысившееся над всеми сарматами племя, были разгромлены вторгнувшимися гуннами и частично были тюркизированы, как, например — башкорды Урала, другие переместились в Западную Европу, где полностью ассимилировались в составе романо-германских народов и мадьяр, тогда как основная масса Сармато-аланского населения пересекла Кавказ с севера на юг в Иран и вошла в состав курдского народа, сохранив при этом имя родоплеменного объединения — Алан.

Гунны, исповедовавшие и практиковавшие шаманизм, происходят от Хунну кочевого мадьярского народа, сложившегося и обитавшего в Центральной Азии.

Гунны-Мадьяры

Ни один из татарских, монголо-тунгусских и палеоазиатских народов такого известного в истории этнонима как Гунны (Хунну) - не знает.

Тогда как мадьяры (финно-угры) - считают гуннов своими предками и называют свою страну - Хунгария. Это означает, что татары не имеют никакого отношения как к Гуннам, так и к Хунну. Ученым-филологам и историкам хорошо известно, что все финно-угорские языки, в ходе своего исторического развития, испытали длительное влияние и воздействие со стороны иранских языков.

Более того, часть венгров — хунгаров считают себя потомками башкордов - сарматов, что в целом можно восстановить по имеющимся средневековым источникам где неоднократно говорится (указывается), что Башкирия — это Magna Hungaria. Слово "хунн" — означает "кровь" в курдском языке.

Исходя из этих исторических фактов следует, что под собирательным этнонимом — Гунны и Хунну упоминаются не только предки венгров — хунгары, но и ирано-язычные предки современных башкордов (башкир) Урала, например племя катайцев, названных в китайский летописях — киданями.

И гунны и их предки Хунны исповедовали шаманизм, который как и религия Бон в Тибете испытал огромное влияние и идеологическое воздействие со стороны древней ведийской религии, особенно древнеиранского маздаизма с его верой во всевозможных дэвов, ахуров и язатов.

Археологические раскопки Пазырыкских захоронений на Алтае, произведенные экспедициями профессора С.И. Руденко, (который, как мы уже говорили, считал башкордов Урала потомками ирано-язычных Савроматов и Тиссагетов), подтвердили исторические факты ранее известные только по китайским письменным источникам, о том, что на Алтае в период с V по III века до нашей эры обитали иранцы — согдийцы, имя которых в китайской транскрипции становится юе-чжи, от древнеперсидского — Suguda, авестийское — Sugda и затем в китайском языке: Sugda > юе-чжи, где начальное — S выпадает, а конечное — da превратилось в —чжи. (См. Б.И. Кузнецов. Указ. соч., стр. 271).

Раскопки и изучение человеческих захоронений в районе Пазырык, выполненные С.И. Руденко, наглядно подтвердили, что большинство похороненных юе-чжи были европеоидами Среднеазиатского типа практиковавшие обычаи и обряды, существовавшие в то время у других иранских племен. (См. С.И. Руденко. "Культура населения горного Алтая в скифское время. М-Л., 1953 г., стр. 56, 96, 256).

В результате многочисленных раскопок было установлено, что археологических памятников принадлежащих древним иранцам — Sugda > юе-чжи на Алтае в районе Пазырыка позднее III века до н. эры не выявлено. (См. С.И. Руденко. “Культура и населения Алтая в скифское время”. М-Л. 1960 г. стр. 341).

Во II веке до нашей эры восточные иранцы согдийцы — Sugda, кит. Юэ-Чжи были вытеснены с Алтая на запад тюрко-монголоязычным народом Хунну, кит. Сюнну. Двигаясь с севера на запад юе-чжи (юеджи), захватывают сначала Фергану, кит. Давань (Дувань), а затем, позднее, на юге Средней Азии заложили основы будущей империи Кушан. (“Археология СССР”. Наука. 1985 г., стр. 304). Продвижение индо-ираноязычных юе-чжи с Алтая на юго-запад исторически совпадает с захватом сако-массагетами (водными, речными саками) Средней Азии — территории Бактрии. Позднее: **“На территории Бактрии и прилегавших землях постепенно создались пять самостоятельных владений юеджей (юе-чжи), что, по видимому, сопровождалось элиминированием старых греческих династий. По всей видимости, В I в. н.э. происходит процесс консолидации этих владений в единую Кушанскую державу. (...) Кушанское царство стало одной из “мировых держав” древности (наряду с Римской империей, Парфией и ханьским Китаем). Именно на эпоху существования Кушанского царства приходится время наивысшего расцвета древней Средней Азии, ее экономики, культуры, искусства. (См. “Археология СССР”. “Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии”. М. 1985 г., стр. 206). Язык, на котором говорили юеджи, был восточно-иранским, что установлено учеными по китайским источникам: “От Давани (Ферганы) на запад до Аньси (Парфии), хотя есть большая разность в наречиях, но язык весьма сходен, и в разговорах понимают друг друга”.** (См. Бичурин Н.Я. “Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена”. М-Л., 1950 г., т. II, стр. 188).

Необходимо особо отметить и указать, что и на Южном Урале, в Башкортостане, имеется историческая область называемая — Дуван, а также топоним Кана и этноним родоплеменного объединения Канглы. Эти имена районов современного Башкортостана весьма уместно сопоставить с упоминаемым топонимом — Давань в древних китайских хрониках и названием государства Кангюй, располагавшемся в среднем течении Сырдарьи просуществовавшем вплоть до V века нашей эры и не входившим в состав Кушанской империи.

Иранское происхождение юе-джи, обитавших до II века до нашей эры на Алтае и, создавшие со временем такую мировую державу как империя Кушан, никто из ученых не оспаривает. Государственной религией в империи Кушан был — буддизм и слово — Saman в согдийском-иранском, то есть по китайски — юеджийском языке означало — буддийский монах. В другом восточно-иранском языке — Тохарском, от которого остались письменные источники, написанные древнеиндийским слоговым письмом — Брахми, слово — Samana, также означало — Буддийский монах. Это слово вошло в тунгусо-манчжурские языки со значением не буддийский монах, а **шаман**, которым разные группы называли своих служителей культа, занимавшихся знахарством, ворожбой, камланием. Именно против этого мнения ученых выступил Л.П. Потапов, который писал так: **“Среди различных сибирских народов термин “шаман” в значение служителя культа, за исключением нескольких групп тунгусов, не употреблялся, и шаманы у них назывались по разному; у тюрко-язычных алтае-саянских народов, например, “кам” (“хам”). Даже у сибирских татар (тобольских, тарских, заболотных и т.д.) слово “кам” (“хам”) в значении “шаман” сохранилось, несмотря на то, что они в течении ряда веков**

исповедовали мусульманство”. (См. Л.П. Потапов. Указ. соч., стр. 117). В свою очередь, возражения Л.П. Потапова не выдерживают никакой критики. Остается непонятным, каким образом индо-иранцы — юежди — Кушаны смогли оказать культурное влияние особенно в области религии на древних тибетцев, которые к тому времени имели свою государственность в форме удельных княжеств, и эти же индо-иранцы не оказали, по мнению Л. Потапова, никакого влияния на кочевых тюрко-монголо-татар. Следует добавить, что тибетцы к тому времени, принявшие буддизм и ставшие тем самым “индо-иранизированным” народом в области религии, посредством именно этой индоиранской религии оказали огромное культурно-историческое влияние на монголов, калмыков, бурятов, тувинцев, уйгуров.

Непосредственно сами тюрки — уйгуры приняли именно древнеиранскую религию — Манихейство от иранцев, ставшую с VIII века н.э. государственной религией в Уйгурском царстве. Как это уже установлено в науке, независимо от возникшего исторически позже буддизма: **“Ирано-тюркские связи в мифологии — явление древнее. Так, в мифе, записанном В. В. Радловым на Алтае, творец называется Курбустаном (иначе Юч Кубустан, Хан Кубустан), что является переоформлением имени иранского верховного божества Хурмузды (Ахурамазды), [у монголов более близкое к иранскому произношение Хурмусда, Хан Тюрмас, у бурятов — Хурмус, Хан Тюрмас Тенгри; у тувинцев — Курбустан; “Хормусда” встречается в легендах уйгуров]**.

Тюрко-язычные племена Сибири и Центральной Азии еще до проникновения манихеизма к ним имели тесный контакт с ирано-язычными народами Средней Азии. В частности, согдакские купцы (так называли тюрки согдийцев Средней Азии, предков таджиков и частично узбеков) по всем землям, населенным тюрко-язычными племенами, имели фактории и вели с ними оживленную торговлю. Значительное число ремесленников на территории также были из иранцев Средней Азии. И именно это обстоятельство облегчало проникновение иранских культовых элементов в быт и нравы, культовые представления восточных тюркских племен”. (См. Х. Короглы, статья в книге: “Фольклор, проблемы историзма. М., 1988 г., стр. 105).

Теперь нам необходимо пусть кратко, но ясно и четко изложить именно эти древнеиранские термины и понятия из маздаистской религии и культа, заимствованные позднее тюрко-алтайскими народами. Возьмем самый главный термин — “кам”, который употреблялся в значении — служитель культа, у тюрко-язычных алтае-саянских народов. Ключом к расшифровке этого древнегерманского слова, ставшего термином — кам послужит якутское слово — ойун, которое является семантическим эквивалентом слова — кам (шаман).

Как пишет Л. Потапов: **“... у якутов данное слово [кам] звучало как ойун. Однако оно совпадает с аналогичным названием, которое обозначает шаманское камлание у тюрко-язычных уйгуров Восточного Туркестана, а также узбеков Хорезма и киргизов. Наличие его у узбеков и киргизов объясняется, видимо тем, что в их этническом составе имеется значительная группа уйгуров. Что касается якутов, то к ним это название могло попасть то же от уйгуров, поскольку уйгурский этнический элемент участвовал в этнической истории якутов”**. (Л. Потапов. Указ. соч., стр. 117).

Интересно отметить, что ученые, когда это им надо, с легкостью объясняют наличие иностранных слов в языке изучаемого народа этнической историей данного народа. При этом историки как тюркологи, так и иранологи при изучении истории, культуры и языка Башкордов Урала, то есть народа само имя, которого указывает на родство с кордами Месопотамии, не учитывают иранских этнических

Алтайских народов, но также и на тунгусо-манчжурские племена, с которыми по всей видимости имели постоянные, а не спорадические контакты. Возвращаясь к башкордско-ведийскому слову $\square\text{э}\square\square\text{Ү}\text{э}\square$ — “силач, владыка”, нужно отметить, что первоначально именно понятие “силач” и означало “владыку”.

Любая тренировка борцов перед схваткой у башкордсов называется “уйын”, иными словами семантические значения слова — “уйын” в башкордском языке намного шире просто понятия — игра. Например, слово того же корня — уйнаш, означает — “прелюбодеяние”. И в кордском слово — ойн “игра, шутка, партия в шахматы, шашки и т.д.” — ойнбаз “шутник, затейник”. По всей видимости, и слово — “ойн” в смысле нечто осудительное, греховное” было известно и применялось в этом значении в кордском языке, поскольку совпадает с башкордским значением другое слово — тол. Так, в башкордском языке слово “тол” означает: 1) “вдова”, вдовствующий”, 2) “ $\square\square\square k\square$ ” — “удовлетворение”, 3) толкат — “ребенок в утробе”, тогда как в кордском-иранском языке то же слово — тол, означает: “блудник”, прелюбодей”. 2) толайи “прелюбодеяние”.

Итак, мы выяснили, что башкордское слово — “ $\square\square f\square\square\square\square$ ” производное от индоарийского — Бхага “щедрый владыка” у ряда тюрко-алтайских народов означает — шаман, и заменяет более употребительное слово — кам, с тем же значением — шаман. Это феномен можно объяснить огромным духовным влиянием башкордсов на культуру казахов, киргизов, узбеков Хорезма.

Из истории (кон. XIX — нач. XX в.в.) мы знаем, что такие башкорды как: поэт-философ Акмулла (1831 — 1895), поэт Шаехзада Бабич (1895 — 1919), (и более ранние) Абельманих Каргалы (1784 — 1824), Хибатулла Салихов (1794 — 1867), Шамсетдин Заки (1825 — 1865), Гали Сокорой (1826 — 1889) и многие другие беспрестанно выезжали в казахские степи по приглашениям казахских, киргизских ханов для обучения детей грамоте персидскому и арабскому языкам. Почти все лица из вышеперечисленных, кроме поэта Шаехзады Бабича, принадлежали к кордскому духовно-религиозному мусульманскому братству ордена Накшбандийа, известного в мире своими удивительными йогическими упражнениями для тела и ума. Все эти люди почитались как лекари, чудотворцы и мудрецы, способные молитвой к Богу исцелять больных и наделять (Бхага) божественной благодатью страждущих людей.

Слава башкирских магов и целителей среди казахов и киргизов была столь велика, что, например, поселение, где некогда башкордский $\square\square f\square\square\square\square$ Акмулла проповедовал и распространял ислам среди казахов по реке Ишим, было названо в его честь Акмоллинским, который в 1961 году был переименован в Целиноград, а позднее переименованный по ирански — Остана стал в конце концов столицей Казахстана.

Изначально — Бағ $\square\square\square\square$ „ Бакшы не тюркское слово и поскольку башкорды родственны кордам Месопотамии и являются потомками — Дахо-массагетов, то следовательно именно башкорды Урала и оказывали с древнейших времен индоиранское культурное влияние на духовный и материальный мир Саяно-Алтайских народов. Первоначально культ Бхага “щедрого Владыки-мудреца” присутствовал у всех без исключения — индогерманских народов, сравните, например, в русском языке: “Бог, богатство, богатый, богатырь, божество”, но при этом даже в русском языке эти слова представляют заимствования из иранских языков. Древние башкорды, как и все индоиранские племена шли на Алтай в поисках металла, поскольку именно индоиранцы первые в истории человечества создали материальную культуру, основанную на добыче полезных ископаемых, а не на религиозных спекулятивных идеологических доктринах как, например, древние цивилизации Ближнего Востока, Дальнего Востока, а в средние века культура Инков, Майя и Ацтеков в Южной и Центральной Америке. Эти

древнебашкордские индогерманские племена известные археологам как представители андроновской культуры — и как дахо-массагеты (готы-гауты) — историкам, вторглись во II тысячелетии до нашей эры не только на территории Сев. Индии и Иранского нагорья, но и на восток — на Алтай и Саяны.

Вожди и жрецы древних башкордов носили обобщенно-иранское имя — Бхага (бага), позднее, превратившиеся в слово — бек, которым обозначался княжеский титул у башкордов, и также заимствованный тюрко-татарскими народами.

Ученый и исследователь бурятского шаманизма Д.С. Дугаров, касаясь этого вопроса, писал следующее: **“О происхождении древнетюркского орхоно-уйгурского термина — бег, его монгольского соответствия *Begei* и их маньчжурских параллелей *bejele*, *vejse* был высказан ряд предположений. Источник всех этих форм Г.И. Рамstedт видел в китайском языке (1909 г., т. 34, стр. 552), Г.Д. Санжеев сближал их с негидальским богин — “хозяйин” и тунгусским — быгин “вождь” (См. ИАН, и 8, стр. 687). Однако, эти предположения не получили в дальнейшем поддержки у других исследователей. Несколько позже группой ученых из разных стран была выдвинута новая версия — об иранском происхождении этих слов. В. Банг, К. Брокельман и Г. Дерфер (тюркс.) *beg* — “вождь”, “князь”, “господин” — возводят к (средне перс.) *bag* — “бог”, “король”. Позднее К. Менгес также возводит (тюркс.) *beg* (к древне перс.) *baqa* — “бог” (Севортян В.В. “Этимологический словарь тюркских языков”. М., 1974 - 78, т. I — II, стр. 97 — 100). М. Мори указывает, что глава клана или племени назывался — *bag* (1970, докл. стр. 7). В свете наших данных версия этой группы ученых нам представляется наиболее перспективной. Поэтому, думается, можно ставить вопрос о времени этого заимствования. В.И. Абаев указывает, что в древнеиранском индоевропейский взрывной звук — “д”, очень рано, во всяком случае до нашей эры, утратил затвор и перешел в заднеязычный фрикативный — “γ”, затем в некоторых языках стал фарингальным — “h”. Уже в Авесте иранский — “д”, в инлауте отражен как — “γ”: (иранск.) — *baqa*, (авест.) — □□γ□ — “бог” (См. А. Баев В.И. М., 1964, стр. 117). Все это дает нам основание думать, что в монгольском — “□□ki” получило свое отражение более ранняя, доавестийская форма слова с взрывным д>(к) в инлауте. И если это верно, то древнеиранский термин — *baqa* попал в Центральную Азию очень рано, не позднее III тысячелетия до н.э., в форме близкой к слав. *Boг* (бог).**

Теперь мы подошли к еще одному монголо-бурятскому термину — □өө — “шаман”. Г.Ц. Цыбиков, опираясь на примечание синолога Палладия к переводу “Юань-чао би-ши”, считал, что монгольское название шамана □өө, □□□□□□□□ □□ □□□□□□□□□□ — “ву” (“жрица”, “жрец”) (Ро Бион. Ф. 5. Оп. 1. Д.12).

В письменном монгольском это слово бытовало в форме *boqe* и славянским — *boгу* (боги).

Таким образом, и обще-монгольский термин — “□өө”, как и другой тюрко-монгольский термин — *veki*, *vegi* так же является древнейшим заимствованием, входящим к одному и тому же слову *baqa* — “бог”, “король”. Однако в отношении монгольско-бурятского — “□өө” мы можем предположить и несколько иное объяснение. Североиранское “*baqa*” через тохарские диалекты попало в монгольские языки в форме *boyu/bohu*, из которых в результате дальнейшего ослабления артикуляции исчез интервокальный фарингальный — “h” и осталось *bou* > бөө (□өө).” (См. Д.С.

Дугаров. “Исторические корни белого шаманства”. М. Наука. 1951 г., стр. 261 — 263).

Слово бек — бег в тюрко-монгольских языках имеет исконно индогерманское происхождение и получило свое территориальное распространение не только на востоке, но и на западе. Так, если у тюрков и монголов слово бек — беки стало термином, обозначающим высокий, большой сан или положение человека, то в индогерманском, английском языке, сохранившем до настоящего времени в фонетическом строе древнеиранские, авестийско-башкордские интердентальные спиранты ς — ζ , слово — big является прилагательным со значением — большой, например, Big Ben. В башкордском языке слово — бик, относится к классу — наречий, например: бик ζ — “очень большой”.

В эпоху первобытно общинной формации главой рода и вождем племени становился жрец. Позднее, в эпоху зарождения ранних городов-государств и рабовладельческих деспотий, таких как Шумер, Аккад, Ассирия в Месопотамии царь одновременно исполнял и обязанности жреца, а сама царская власть признавалась сакрально-магической, поскольку все цари, как например, Гильгамеш, признавались родственниками самого Бога. У древних индоиранских народов таким царем-священником и был Бхага, Бхаван — β а β а β а β а β , имя которого постепенно трансформировалась и видоизменилось в башкордском языке в два различных слова с двумя различными значениями. Первое слово — бек означает как и в кордском — β а β “князь”, “глава рода”, тогда как второе слово — β а β а β а β а β означает у башкордов — “волшебник, маг, жрец, лекарь”. В середине XIX века в Башкордстане многие ученые-этнографы и путешественники наблюдали этих магов. Как писал С.И Руденко: “Башкирские ворожеи и ворожейки (β а β а β а β а β) гадали различными приемами: смотрели в чашу с чистой водой, бросали стружки в ручьи и реки, причем замечали, прямо ли плывут или кружатся, развивали клубки ниток, бросали в огонь бересту и шептали над ее золой, кидали 41 камешек или желудь (β а β к β а β β а β а β а β) и смотрели как они упадут и в каком порядке расположатся. Все это делалось, чтобы обнаружить вора и узнать найдутся ли и где именно пропавшие деньги, скот, вещи.

Алектров (1885 И 45) пишет, что, если у кого-нибудь случалось довольно значительная пропажа, то хозяин созывал иногда в свой дом всех, на кого подозрение, заряжал ружье, клал его на стол и заставлял каждого из присутствующих подходить к столу и прикладываться ртом к дулу ружья, уверяя, что виновного в пропаже выстрел из ружья убьет наповал. Случалось, что укравшие, боясь ожидаемой смерти, не прикасаясь к дулу, тут же сознавались”. Выше на той же странице С.И. Руденко приводит слова Алектрова о том, что: “башкиры верили еще в существование чернокнижников (β а β а β а β китапсы), которые также знали настоящее и будущее; они имели черные книги (β а β а β а β китап), написанные в самом аду, и жили с шайтанами в короткой дружбе. Во всякое время чернокнижник мог приказывать шайтану делать чудеса: вить из песка веревки, из лучей солнца канаты, затенять месяц и звезды, останавливать бурю и вихри”.

И далее С.И. Руденко описывает свои личные наблюдения: “Мне самому пришлось записать рассказ одного башкира из рода бурзян (S. Roudenko, 1909 г., стр. 135 — 136) о том, как он приглашал β а β а β а β а β изгонять злого духа из своей больной жены. И в данном случае β а β а β а β а β взял себе на подмогу трех человек, изгонял духа, ударяя по воздуху плеткой (β а β а β а β) и связкой из шести прутьев с колючками. Прогнав шайтана далеко в лес, он с помощниками вернулся домой по другой дороге.” (См. С.И. Руденко,

“Башкиры”. М. 1955, стр. 322 — 323). Таким образом из описания — □□Ф□□□ у С.И. Руденко мы встречаем слово — k□□□□ “плеть, кнут, хлыст”, которым — шаман (□□Ф□□ „ □У□эзэ□□) изгоняет чертей, бесов и всю прочую нечистую силу. Это слово встречается и в кордском языке — kamчи, с тем же значением “кнут, плетень”, которое не является заимствованием, а исторически произошло от существительного — k□□ “шов из кожаного шнурка, прочной веревки или проволоки, наложенный на трещину”. Турки до недавнего времени не знали глиняной посуды, а поскольку не умели добывать и плавить из руды металл, то не имели самостоятельно изготовленной медной и жестяной проволоки, а, следовательно, не накладывали из кожи, железа, меди шнурка или провода на трещину в посуде, которую курды и называют словом — kam. И дикую лошадь, которую погоняют плеткой — kamсы, приручили и одомашнили в древности предки индогерманских народов, а не турки, и поэтому слово kamчи является исконно индоевропейским, а не тюркско-орхонским, Это индоиранское слово — kamсы, у башкордов является термином в коневодческой утвари.

Другой термин — шаман является исконно башкордским, иранским, но ни как не тюркско-алтайским или татаро-монгольским. Плетку — kamсы использовал в своем колдовстве — башкордский □□Ф□□ — (бхага — санскр.) Таким образом мы установили, что такие индоиранские, башкордско-кордские слова — термины как Бхага— □э□□Уэ□, kam — kamсы (kam — kamчи) стали заимствованными терминами в тюрко-алтайских и татаро-монгольских языках со значением k□□□□ — Шаман, которое в свою очередь в иранских: согдийском (юеджи) и тохарском языках — samana, означает “буддийский монах”.

Самрау — Samana

В ведийском санскрите термин — Samraj означает “Самодержец” (См. Риг Веда, III 54. 9, а). Имя древнеиранского бога Ахурамазды в эпоху династии Ахеменидов на арамейско-семитском языке звучало как Elah Samaiia — Бог Небесный, с которым иудеи отождествили и своего бога Йахве.

В башкордской мифологии Самрау является богом Солнца и этимологически слог — Рау совпадает со словом — Ра “Солнце” в кордском языке, а также с именем бога Солнца — Ра в древнеегипетской мифологии. В санскрите глагол — Raj означает “сверкать, сиять”. Необходимо напомнить, что митаннийско-хурритские племена Хека-каз-ут или Гиксосы, придя из Передней Азии, захватили власть в древнем Египте, которым управляли на протяжении более двухсот лет, приблизительно с 1700 года до нашей эры, до 1550 года до н. эры. Многие археологические находки подтверждают, что именно в этот исторический период (1700 — 1550 гг. до н.э.) власть и влияние Митаннийско-Хурритской империи простиралось от Анатолии и острова Крит, до Египта включительно. Корень — Ра, со значением свет, красный цвет встречается почти во всех индоевропейских языках, сравните: русск. — радуга, рассвет; Red (англ.) — rouge (фран.) и т.д.

Первая частица имени бога Солнца в башкордской мифологии Самрау, собственно — Сам, тождественна названию Солнца — Шамс в кордском индоевропейском, а также неиндоевропейских семитских языках. До настоящего времени слово Шамс “Солнце” в семитских языках возводили к корню — samau “небо”, (но с суффиксом абстрактного имени — ut — аккадск. samutu значит “тучи” и “ливень”), а в другой языковой ветви той же афро-азиатской семьи — чадской — это же слово означает “дождь”. (См. “Мифология древнего мира”. М., 1977, стр. 13).

При этом лингвисты-языковеды абсолютно не дают никакого пояснения, каким образом из понятия — небо могло родиться слово — Солнце. Ведь, если

придерживаться этого ложного мнения, то получается, что древние люди были такие тупые и глупые, что когда смотрели ввысь, то абсолютно не отличали Солнце от Неба. Во всех языках мира Небо и Солнце носят разные имена. Не погружаясь в дальнейшие размышления о взаимовлияниях и взаимосвязях на уровне лексики индоевропейских и семитских (отдельно от афро-азиатских) языков, отметим что древние иранцы были огнепоклонниками, тогда как современные корды-езиды по настоящее время поклоняются Солнцу и часто говорят: “ $\square\square\square\square \square\square\square, \square\square \square\square!$ ” — “Да будет Шамс с тобой!” В религии кордов-езидов Шамс — это имя одного из божеств, и наименование Солнца. Башкордское слово — Сам точно соответствует кордскому — Шамс, с последующим чередованием звуков с > ш, и наоборот, у башкордов слово Самрау равно как и у кордов — Шамс заменяет обще иранское и даже более шире ведийско-арийское имя бога Солнца — Ахура Мазда (вед. — Асура). В башкордском языке слово $h\square\square\square$ “желтый”, равно как в кордском — сора “красный” является производным от древневедийского Асура — Ахура, но уже стали прилагательным, обозначающими только цвет Солнца, а не самой планеты. Индо-германцы всегда почитали свое божество солнца — Сурью (вед.) — Solei (герм.) и как у любого божества у Сурьи — Ахуры были свои жрецы. Древние иранцы именовали своих жрецов — багнапат, “владелец багин” (парфян.) Слово “Багин” на парфянском языке означало “место богов”. Древние иранцы — парфяне имеют прямое отношение к башкордам Урала и кордам Месопотамии, так как парфяне считали священный огонь Борзен-Михрбан своим “национальным огнем”, а у кордов и башкордов независимо друг от друга сохранились родоплеменные объединения, носящие древне парфянское имя — Борзан. Как пишет английская исследовательница зороастризма Мери Бойс: “Страбон рассказывает, что эти “зажигатели огня” имели много “святилищ персидских богов”, а также храмов огня. Последние,— пишет она,— были примечательными помещениями; в центре них находился алтарь, на котором было очень много золы и где маги поддерживали вечный огонь. И входя туда каждый день, они примерно в течении часа произносили заклинания, держа перед огнем пучок прутьев,...” [Страбон, XV, 3. 15] (См. Мери Бойс. “Зороастры”. М., 1988 г., стр. 105).

Этот пучок прутьев с древнейших времен называется у зороастрийцев огнепоклонников Барсом. У зороастрийцев барсман — пучок тамарисковых ветвей в строго определенном количестве, которые Заотар — главный жрец на богослужении (у индо-ариев — хотар) держит в руках во время возлияний хаомы. Современные Парсы используют в качестве барсома — металлические прутья.

Таким образом становится абсолютно ясным и понятным, что тот башкорд — $\square\square\text{f}\square\square\square\square$ из рода Бурзян, который, как писал видевший его в 1909 году С.И. Руденко; изгонял духа, ударяя по воздуху плеткой ($k\square\square\square\square$) и связкой из шести прутьев с колпачками”, точно соответствует парфянскому багнапату, стоящему с пучком тамарисковых ветвей — барсомом в храме Багин священного огня — Борзен Михрбан.

Конечно, в действиях встреченного С.И. Руденко башкордского — багыусы к XX веку уже мало что осталось от парфянского зороастризма, являвшегося “государственной” религией у башкордов рода Бурзян в период Парфянского царства (250 г. до н.э. — 224 г. н.э.), в котором главным священным огнем почитался — Атур Борзен Михрбан.

Но нет никаких сомнений в том, что башкорды рода бурзян в древности имели свои святилища огня — Багин и своих жрецов — Багнапатов.

Именно от башкордов-иранцев этот термин Багин в значении “нечто святое, тайное, магическое”, еще в эпоху индоиранского единства (II тыс. до н.э.), когда ведические арии колонизировали весь Алтай и Саяны в поисках залежей медной

руды (тюрки не знали процесса изготовления меди) это слово перешло к предкам современных монголов в форме — Бога, со значением — шаман, сохранившимся до настоящего времени. Негидальское — богин “хозяйин” и тунгусское — быгин свидетельствуют о том, что индоиранские народы придя на Восток с Урала имели непосредственные контакты не с тюрками, которых тогда просто не существовало, а с предками современных монголов и бурят, и с тунгусо-маньчжурскими народами. Только этим можно объяснить такой исторический казус, что живущие вдали от индо-иранского мира (не говоря о романо-германцах) монголы смогли почти дословно, не искажая сохранить имена иранских богов — Ахура Мазды (хан-Хурмусда), Хомай (Һамай удаган — матушка-шаманка), а также некоторые иранские слова: хатуу жэл — “тяжелый год” (кты йыл — башкорд.), Эхе — “матушка” (башк.— ээ), Хәһһһһ — “милостливый” (кордск., башкорд. — “әәәә”), Морин — “конь” (mare — англ.), һһһһһһ — “сарана” (“Һарына” — башк.), “Утаган” — жрица культа огня, шаманка (башкорд. — ут “огонь”, скандин. Один “бог огня”), тумер — “железа” (“тимер” башк.), тамга — “клеймо” (тамға — башк., tame — “приручать” англ.), Худай — “хозяйин” (Худай — “господь”, кордск., башкордск.) и т.д. и т.п., а тюрко-татарские народы нет.

Это свидетельствует о том, что никаких татар и тюрок в эпоху Башкордско-Бурзянского Парфянского царства (250 г. до н.э. — 224 г. н.э.) просто не существовало. Главным шаманским божеством бурят-монголов является Хан Хюрмас тенгри, имя перенятое от древнеиранского Ахурамазды, тогда как другое божество с иранским именем Хейр хан “милостивый” почитался у монголов творцом Эсе эге Малаана, который в свою очередь является главой всех 99 тэнгэров, или самых высших духов-небожителей. У бурятских эхирит-булагатов “иранский” хан Хюрмас тэнгери в эпосе выступает небесным отцом главного героя Гесэра.

Приводить дальше все факты из области лексики и мифологии, свидетельствующие о непосредственных контактах и культурных связях монголов с иранским миром, без участия тюрок в данной книге нет особой необходимости.

Просто вызывает удивление, когда некоторые ученые пытаются отрицать и нивелировать то огромное культурно-техническое влияние, оказанное древними иранцами-башкордами на тюрок и татар.

Даже у язычников монголов верховным божеством стал иранский хан Хюрмас! Божество земли бурят-монголы называют мать-земля — Ульгэн эхе, тогда как у тюрок и алтайцев, как пишет Л.П. Потапов: **“Начнем с того, что божество Ульген в древних и средневековых письменных источниках не зафиксировано. Мало надежд в этом отношении дает и алтайский эпос. (...) Высшее божество здесь — Уч- Курбустан”.** (См. Л.П. Потапов указ. Соч. стр. 245). Касаясь вопроса о том, что предки бурят-монголов называли Богиню Земли именем Ульген-эхе “матушка Ульген” Л.П. Потапов далее пишет: **“Этот материал позволяет предполагать появление названия и божества Ульген в алтайском шаманизме через монголо-тюрские историко-культурные связи, в частности монголо-бурятско-тюрские и алтайские, которые хорошо известны по другим фактам из области религиозных верований алтайских народов. Предположить же появление названия и божества Ульген у бурят от алтайцев невозможно, хотя бы уже потому, у бурят данное божество выступает в более раннем стадильном весьма архаичном образе матери-Земли, хозяйки Земли.** (См. Л.П. Потапов, “Алтайский шаманизм”. Стр. 251).

Все это правильно с той разницей, что в эпоху палеолита, мезолита и даже в более поздние времена для людей, не знающих земледелия, которого просто исторически не существовало Земля представляла мифологическим существом — Мужского рода, как, например: Пуруша — в Риг Веде; Эмир — у скандинавов,

Урал — у башкордов, Уран — у греков. Именно поэтому у башкордов Урал, бог Земли загоняет Шульгена (своего брата) под землю, тогда как на небесах царит Хомай — божество женского рода, и такая структура мифа сама по себе уже является ярчайшим свидетельством того, что класс женских богов причислялся у башкордов к небесным существам, что в свою очередь полностью доказывает наличие и господства института Матриархата в древнебашкордском, индоиранском обществе.

Именно к женской верховной богине восседая на деревянный посох возносился к небесам Урал-батыр в башкордской мифологии перед тем как изгнать Шульгена под землю (на самом деле из области света во вселенскую тьму).

После исследований, проведенных Мирче Элиаде, у ученых не осталось никаких сомнений в наличии у индоиранских народов в древние времена шаманских обрядов и ритуалов, вознесения мага или жреца на небо.

Ведийско-арийская культура известная в археологической науке как — Андроновская, во II тысячелетии до н.э. простиралась от Южного Урала на восток до верхней Оби и Енисея. В конце II тысячелетия до нашей эры андроновская культура в южной части Западной Сибири и Минусинской котловине сменяется карасукской культурой, которая в свою очередь сложилась первоначально в Центральной Азии. Создатели этой карасукской культуры были, как это показали исследования — европеоидами, черепа которых совпадают с черепами современных таджиков-иранцев! С другой стороны археологические раскопки в Северном Китае привели ученых к выводу о том, что боевые колесницы с конской упряжкой впервые появились в Центральной Азии в эпоху — карасукской культуры, то есть, в конце II тысячелетия до н.э. Конструкция колесниц не отличалась от конструкции ближневосточных индоарийских, митаннийских колесниц, а ряд технических нововведений в конской упряжи, которые совершенно не были заложены или подготовлены местным развитием, свидетельствует о том, что эти — карасукские племена, как и их предшественники — андроновцы (II тыс. до н.э.) — были индо-иранцами.

Еще Гомер (VII в. до н.э.) писал о скифах-саках (индо-иранцах), как “доющих кобылиц”. Имеются многочисленные примеры из лексики бурят-монгольских народов, не говоря уже о лексике тюрко-алтайских языков, которая наглядно свидетельствует о сильном влиянии индоиранской культуры на древних татаро-монголов. Например: мьз “кислый” (кордск.), meḡi “жеребенок” (албанск., румынск.), кумыс “кислое кобылье молоко”, moḡin. — конь (монгольск.). □□□□э□э “вожжи” (башк.) — дилбэргэ “белая веревка из конской гривы” (бурят-монгольск.); өзэң□□ — зенгу (башк. — кордск.) — “конское стремя”, □□F□ “подкова” (башкорд.) — даг “клеймо” (кордск.) — подкова, □Y□э□ (башк.) — “уздечка”, йога (санскрит.) — “конская узда”, h□□□□-h□□□ — “посуда” (башк. h□□a — “сосуд”, “жбан”, □э□э□□э□ — “колесо” (башк.) — тэ□э□э “колесо” (кордск.).

Из-за отсутствия до настоящего времени специальных научных исследований по выявлению индоиранской лексики в языках татаро-монгольских народов, мы не можем сейчас дать исчерпывающий ответ или даже приблизительно представить саму степень и глубину влияний культуры индоиранских народов на быт саяно-алтайских и тунгусо-маньчжурских племен. Но самое главное в культуре народа всегда представлено в его национальной религии, и поэтому, при сопоставлении имен древнебашкордско-иранских богов с богами бурят-монгольского и тюрко-татарско-алтайского шаманского пантеона, становится отчетливо заметным, насколько подавляюще сильным было культурное влияние ведических ариев, знавших коневодство и умевших добывать

и обрабатывать металлы на саяно-алтайские и тунгусо-манчжурские племена в древние времена.

Иерархия Богов

<u>Башкорды</u>	<u>Бурят-монголы</u>	<u>Тюрко-татары</u>
Небо = Самрау + Кояш	Хурмусда (от иран. Ахура Мазда)	
свет Хомай, Айхылыу	Хейр Хан (от иран. Хейр “милостыня”)	
Земля —Урал (world)	Земля — Ульген эхе	Земля—персонаж отсутствует
тьма Азрака	Ад — Эрлен	Ад — Эрлик
подземелье — Шульген	“эрлэн” — “крыса”	
Ад	Кахкаха	

На этой таблице ясно видно, что верховные боги в бурят-монгольском шаманском пантеоне носят известные имена древнебашкордских богов. Тюрки, как и все татары заимствовали и переняли имена древнеиранских богов уже у бурят-монголов и, как всегда у татар все перепутали, все перевернули вверх дном, все поставили к верх ногами и таким образом подземный Ульгэн у них стал царем небесного царства. Шульген был царем Шумера и правил государством с 2093 по 2046 года нашей эры, затем Шумером правил его сын Бурсин на протяжении последующих восемь лет. Один из подчиненных Бурсина был Зарикум, который управлял маленьким городком на берегу Тигра, на том месте, где позднее возникает столица Ассирийской империи город Ашшур. У башкордов Урала в эпосе “Урал-батыр”, который полностью в точности повторяет шумерский эпос о Гильгамеше, упоминаются — шумерский царь Шульга и его сатрап Зарикум. Таким образом для башкордов Урала, равно как и для кордов Месопотамии в сложении этногенеза, которых непосредственно участвовали сами древние шумеры, имена шумерского царя Шульги (2093 — 2046 гг. до н.э.) и его сатрапа Зарикума не является мифологическим, а принадлежат их далеким, но реальным национальным предкам!

Если у бурят-монголов имя богини земли Ульген-эхе произошло от башкордско-кордско-шумерского имени царя Шульги, равно как и монгольское имя Тэнгри восходит к древне-шумерскому дингир “божество-небо”, а также вспомнить, что такая всемирная религия как Буддизм зародился первоначально среди башкордов Саков — shaqi, то можно понять, насколько сильным было индоиранское влияние на саяно-алтайские и тунгусо-манчжурские племена и народы в недалеком прошлом.

У башкордов, как это видно вышеприведенной таблицы, древнеиранского бога Солнца Ахура Мазды заменяет бог Солнца Самрау. Но не только у башкордов Урала, но и у кордов Месопотамии, и причем не только и не просто у кордов, но и даже у кордов-езидов или кордов — Солнцепоклонников Солнце именуется двумя именами: Шам — Ра. Таким образом мы выявили и установили тот важный для истории религий факт, что имя древнебашкордского бога Солнца — Самрау идентично двум кордским именам Солнца: Шам — Ра. Из истории Месопотамии мы знаем, что слово Сам — Самир являлось именем Верховного божества у Мандеев (Манас — “ум, мысль” санскрит) или гностиков.

Не касаясь кордов Месопотамии, отдельно от них древние башкорды Урала как все индоиранские народы имели жрецов: багнапатов — б□□□□□□□□ — □□□□□□□□, которые поклонялись своему древнему национальному божеству Солнца Самрау. По всей видимости, как и древнеиранские жрецы — маги (маһа —

“великий”, башкорд.) эти башкордские маги — ☐☐F☐☐☐ во время молитвы возле огня — Ут, держали в руках барсом или прутья, как это наблюдал позднее С.И. Руденко у башкордов рода Бурзян в начале XX века.

Поскольку мы уже выяснили, что имя Самрау состоит из двух слов, собственно Сам > Шамс, “Солнце” и Ра, также Солнце в кордском языке производное от глагола Raj “сверкать” в санскрите, то не остается никаких сомнений в том, что слово — Шаман — Samana (согдийск., тохарск.) “буддийский монах” шаман, вышло из башкордского языка.

Буддизм возник у саков, то есть саков — Хаумварга, саков-тиграхауда, саки-парадарайа, саки-амюргии и самые главные — Саки Массагеты предки башкордов Урала. С эпохи Дария I Ахеменида, саков стали называть Дахами, отсюда Дахо — Массагеты. Именно сако-массагеты вошли и завоевали Северную Индию, на территории которой и создали свою индоиранскую сакскую империю Кушан, государственной религией которой стал — Буддизм. Вот что по этому поводу писал индийский ученый С. Радхакришнан: “Новые правители Индии — яваны [греки]. шаки [саки], кшатрапы, сатаваханы, пахлавы [парфяне] и кушаны [юе-джи], многие из которых были чужеземного происхождения,— быстро переняли буддистскую религию”. (С. Радхакришнан. “Индийская философия”. М., 1956 г., т. I, стр. 500). Сако-массагеты говорили на индоиранском языке и среди современных дардских языков и народов, распространенных в горных районах Северного Афганистана, Пакистана и Индии существует народ Башкарarik или Башкар (Гарви).

Древние Саки и Согды особенно почитали своего родового предка — Сама, ставшего впоследствии мифическим предком национального героя Рустама. Как пишет И.В. Рак: “По-видимому, первоначальный образ, к которому этимологически восходят оба имени [Сама — Керсаспа], — персонаж индоиранской религии некий Сама керсаспа — Сама, стройных лошадей имеющий, мужественный”. (Стр. 215).

И далее: “Сам — легендарный правитель Сакастана, могучий воин, предок Ростам. (...) Очевидно, здесь же, в Сакастане, эпитет “нарьямана” был истолкован как родовое имя”. (Стр. 216. См. И.В. Рак. “Зороастрийская мифология”).

Имя Ростам, также является сложносоставным, так: Ро — “Солнце” (кордск.) — “stana” “место пребывания” (др. инд.), stoma — “основание” (готск.), — stana “место”, “стойка” (древн. Персид) = Ростам, Ростан.

Таким образом мы полностью и окончательно выяснили, насколько древним является национальное башкордское имя Солнца — Самрау. Кстати, в латинском языке — summ, ae (summus) “высшая точка, вершина, верх, главное” и соответствует в английском — summer “лето” поскольку для регионов Севера именно летом 22 июня Солнце (Самрау башк.) имеет максимальную для широты данного географического места полуденную высоту — summus.

Сако-Массагеты, как и все индо-иранцы имели класс или сословие жрецов, носивших имя — самана или samana (согд. — кушаны). Эти жрецы — samana как и жрецы — багнапаты и маги молились перед священным огнем — ут, держа в руках пучки прутьев — бахриш (ведийск.) или барсман (авест.). Древние святилища огня у башкордов Урала располагались на вершинах гор (хара Березаити), которые башкорды называют — ү☐э, сравнимое со словами — uber “верхний, высший” и oben “наверху, вверху”. Вызывает особый интерес тот весьма примечательный факт, что у многих тунгусо-маньчжурских народов Востока, именно Сакское, дахо-массагетское слово — samana “саман — шаман” стало означать понятие “буддийский монах”, которое в свою очередь возникло гораздо позднее, когда в государстве Саков — Шаков в Северной Индии, во дворце (юрта, палатка) верховного вождя родился Гаутама. Имя и слово — самана — samana

первоначально означало должно быть понятие — жрец, маг и даже возможно касту людей или сословие священнослужителей бога Солнца Самрау в древнебашкордском обществе Сако-Массагетов. Позднее именем жрец — священнослужитель, то есть — *samana* с эпохи буддизма стали называть — буддийских монахов. Таким образом мы выяснили историю возникновения терминов — “шаман”, “богин”, “ойонсы”.

Теперь мы рассмотрим вопрос об истоках зарождения и формирования термина Кам.

Камау — game — кам

В большинстве из известных на сегодняшний день науке первобытных племен, охотники, собираясь на охоту, молят своих богов о ниспослании им добычи. Для этого перед богами — тотемами предварительно разыгрывается сцены из предстоящей охоты, имитирующие поиск, преследование, погоню и убийство желанного зверя. В конце этого шаманского культового обряда охотники обещают и клянутся богам в случае удачи накормить их мясом или напоить кровью тех зверей, которых они добудут на охоте.

В эпоху анимизма и фетишизма древние люди почитали своих богов как вождей — первопредков своей родовой общины, который также нуждается в пище, как и они сами, поскольку полагали, что только сильные и сытые боги способны защитить своих соплеменников в случае опасности или беды. Поэтому, всегда и даже в первую очередь древние охотники после удачной охоты первоначально приносили мясо убитых животных в жертву богам. Игра или розыгрыш у башкордов, да и кордов носит имя — ойн, и как мы указали выше у ряда народов — узбеков, киргизов, якутов словом — ойн, означает “шаманское камление”.

У башкордов Урала, равно как и у кордов Месопотамии азартная игра называется — *qomaq*, то есть словом идентичным английскому — *game* “игра”, но также и “состязание” — “дичь”. И если, как мы показали выше, у ряда народов — монголы, буряты древнеиранское слово *багин* — “священный огонь” стал означать — шаман, если древнеиранское слово — *samana* “буддийский монах” стал означать у тунгусов — шаман, если башкордское слово — ойн “игра” стало у узбеков, киргизов, якутов, казахов означать — шаман, то нет и не остается никаких сомнений в том, что именно башкордско-кордско-английское слово *qomaq* — *game* “игра” у некогда подчиненных древним индо-иранцам Саяно-Алтайских народов, таких как татары, хакасы, шорцы, тувинцы, сагайцы, телеуты, бельтигиры — стало означать шамана — кам.

Самое древнее семантическое значение английского слова — *game* это “дичь” и восходит к эпохе мезолита, когда предки индоиранских народов были охотниками, а не земледельцами. В слове — *game* четко зафиксировано его древнее семантическое значение — дичь, на которую нужно охотиться. Лук и стрелы изобрели только в эпоху мезолита (X тыс. до н.э.) и поэтому встает вопрос, как и каким способом охотились далекие предки индогерманских народов в тот исторический период времени до того, как они овладели искусством стрельбы из лука. Безусловно, самым древним видом охоты является загон жертвы путем обступления зверя со всех сторон людьми, создавая при этом постоянный шум и гомон. Таким способом испуганный зверь бежал и падал либо с обрыва, со стороны которого никто из охотников не шумел, либо в специально вырытую яму или ров, которые находились в центре и, к которому шли сомкнутой шеренгой люди, сгоняя в круг весь животных. Таким образом древняя охота была по сути облавой на диких животных.

Облава на зверей, осада, окружение, блокада, оцепление кого-либо, у башкордов называется словом — k□□□□, и происходит из одного корня с английским словом — game. Окружить кольцом, взять в пояс, вот первоначальное значение слова — k□□□□ — game, и даже не о каком случайном совпадении речь идти не может, поскольку и в башкордском и в кордском языках слово — пояс “kә□э□” происходит из единого корня таких башкордских слов как — k□□□□ “осада, окружение” и — k□□□□ “азартная игра”. В этом отношении важно привести и другие примеры как этимологических, так и семантических соответствий, наблюдаемых со словом — k□□□□ “окружать, осаждать”, а также “обволакивать, окружать”. Так, из этого корня в башкордском языке происходит слово — кейем “одежда”, в латинском — qamisa “рубаша”, в немецком — hemd, в древнегерманском — hemdi (с > h) “рубашка”, то есть тот предмет обихода, который облакает человеческое тело. Слово — пояс в английском языке — belt, как и в башкордском язык — “билдек”, “бильбау” произошли из одного этимологического корня, что и позволяет в свою очередь констатировать, что и предыдущие слова — k□□□□, k□□□□, даже в башкордском, кордском, английском языках произошли из единого корня, со значением — облава, охота, дичь, который имелся в праиндо-европейском языке.

В конце преследования зверя все охотники добивают своего зверя и нет никаких сомнений в том, что в древние времена, когда предки индоевропейцев не знали лука со стрелами и охота являлась коллективным — common способом ведения хозяйства, то и они, как все первобытные люди, убивали животных не ножами, а камнями, а со временем и путем переламывания хребта позвоночника животным.

Для того, чтобы охота была удачной, предки индоевропейских народов устраивали моление богам с коллективными играми, имитирующими настигание, преследование, окружение зверя, а затем и его последующее убийство. Именно этот имитирующий охоту культовый обряд предки современных башкордов и англичан (англов) и называли — k□□□□, kә□э□, k□□□□, qomar, — game.

В эпоху бронзового века, когда индо-ираноязычные андроновские племена до своего вторжения в Северную Индию и Иранское нагорье обитали на территории Южного Урала, Западной Сибири, на Алтае и по отрогам Саян, охота играла до немаловажную роль в их экономике. Для удачи на охоте перед ее началом индо-ираноязычные “андроновские” охотники совершали свои магические ритуалы и обряды, имитирующие облаву на зверя, которые носили название — камау. Вот из этого, в целом, чисто индоевропейского, индоиранского, башкордского слова — k□□□□, позднее, в результате прямого заимствования, и произошло образование в языках ряда саяно-алтайских народов, относящихся к тюркской группе, нового значения у старого слова — кам, “шаман”. Некоторых исследователей, таких как Л.П. Потапов, смущает то обстоятельство, что термин “шаман” означал у тунгусов служителя религии, одной из главных культовых функций которого было жертвоприношение животных, что в древне-буддийской религии индусов, напротив запрещалось”. (Указ. соч., стр. 118).

Мы уже говорили, что слово — samana возник у саков-массагетов задолго до того, когда среди них самих сакьев (шаков) родился Гаутама, которого позднее за его блестящий ум назовут мудрецом из рода саков: Сакьямуни (Шакьямуни). Следовательно, первоначально слово samana означало последователя бога Солнца Самрау, по всей видимости жреца ведийского бога — Сомы. Неспроста в древнеиранских надписях эпохи Ахеменидов Саки за их любовь к Соме названы Саки-Хаомварга “Саки Хаому почитающие”. Убивать зверей на охоте или дома древне-ведийская религия, как зороастризм, позднее не запрещали. Более того, сами жрецы — маги (маһа “великий”) и багнапаны — □э□□□үэ□□, должны были

закалывать коней, которых сако-массагеты приносили по описанию Геродота своему богу Солнца — Саме (Samrau). Более того, как показали раскопки, на погребении Синташта на Южном Урале (XV в. до н.э.), а также поздние захоронения скифо-сарматского времени непосредственные предки башкордов Дахо-Массагеты при совершении похоронного обряда, клали в могилу своих усопших вождей туши забитых коней. Эти обряды заклание коней и овец как и весь ритуал погребения вождя проводили жрецы — багнапаты (□э□□□γэ□), которые должны были завалить и забить живого коня, а затем и пять-шесть овец. Вот этот процесс сбивание коня с ног, а затем его удержание до нанесения удара ножом по сонной артерии на шее, башкорды вплоть до настоящего времени и называют — k□□□□ “овладеть, осадить” в смысле — одолеть. Забивать коней было и прямой обязанностью — башкордских жрецов — □э□□□γэ□□□, □□F□□□□.

И на Южном Урале, и на Алтае, и на территории Средней Азии похоронный обряд у сако-массагетов был почти один и тот же.

Нет никаких сомнений в том, что обитавшие возле индо-ираноязычных сако-массагетов различные народы — турки, алтайцы и другие, сами не умеющие добывать руду и плавить металл, вступали в различные контакты с сако-массагетскими рудокопами, которые исследовали весь Саяно-Алтайский регион в поисках различных залежей меди. Наличие крепких культурных связей между тюрко-алтайскими племенами с одной стороны и индо-ираноязычными сако-массагетами с другой, подтверждается тем, что государственной религией в уйгурском тюркском каганате (VII — IX в.) стала такая чисто иранская религия как — Манихейство.

Именно поэтому, большинство ученых-иранологов, тюркологов, монголоведов считает, что все эти термины — шаман, богин, кам — возникли первоначально в индоиранских языках, а затем были приняты и заимствованы саяно-алтайскими и тунгусо-маньчжурскими народами.

На это указывает и такая в целом чисто индоиранская религия буддизм, зародившаяся первоначально среди Саков — Шаков и впоследствии через Тибет перенятая бурят-монголами и тувинцами, а затем, ставшая и национальной религией этих неиндоевропейских народов.

В последнее время учеными-тибетологами, (Б.И. Кузнецов) высказывается мысль об организующем влиянии древнеиранской религии маздаизма на формирование тибетской религии Бон по.

В истории, часто бывает так, что какое-либо явление в области религии, философии, языка зарождается в недрах духовной и материальной культуры одного этноса, например, зороастризм, а затем исчезает, или переносится, либо заимствуется культурой другого народа и впоследствии ученым, изучающим этого явления, допустим — зороастризм, бывают вынуждены в своих поисках и исследованиях ездить уже не в Иран, где некогда зороастризм был государственной религией, а в Индию в Бомбей, где живет и процветает община зороастрийцев сумевшая даже через 1000 лет после своего почти физического уничтожения со стороны арабов-мусульман и переселения из-за гонений из Ирана в Индию сохранить религиозные обряды и ритуалы зороастризма чистыми от влияния других религий. Подобные примеры часто случаются и при изучении истории развития того или иного языка, так, в свое время кочевые иранцы — парны завоевали Бактрию и основали новую Парфянскую империю. Территория современной Армении, была одной из персидских сатрапий и подчинялась Парфии. Парфянский царь Валахш (Вологез) в 62 году нашей эры возвел на престол сатрапии в Армении своего младшего брата Тиридата, и эта ветвь

парфянской династии Аршакидов правила всей территории сатрапии до эпохи воцарения династии Сасанидов (224 г.).

Постепенно, с течением времени парфянский язык на территории Ирана исчез, но некоторые его падежные формы застыли и сохранились до нашего времени в армянском языке, к которому в случае необходимости обращаются исследователи-лингвисты среднеперсидского, восточно-иранского парфянского языка.

Точно так же и древние религиозно-культурные обряды башкордов, являющихся не только родичами кордов Месопотамии, но и историческими приемниками Сако-Массагетов сохранились в шаманских обрядах и камланиях у саяно-алтайских народов, блестящим примером и доказательством чему служат индоиранские термины — *к*□□□□. Багін (□□F□□), ойн, Умай (Хумай — humid) *самана* ставшие у тюрко-алтайцев и тунгусо-манчжуров обозначениями лиц, являющихся слугами религиозного культа.

Поэтому все ученые, изучающие историю развития башкордской философской мысли, при реконструкции наиболее древних фетишистско-анимистических форм мышления и понятий в случае необходимости должны сопоставлять тексты с шаманской символикой в эпосе “Урал-батыр” с шаманскими ритуалами, бытующими до наших дней у современных саяно-алтайских народов.

Ритуальная гносеология

Шаманский полет Урала или магический обряд восхождения жреца на небо

2320. С девушкой [Хомай], говорят,
Урал отправился в путь, говорят,
Посох свой превратил в коня,
Много дней провел в пути, говорят.
Однажды, когда ехал он
По местности, горами окруженной,
Вот какую гору увидал, говорят:
Сороки да вороны
Не знали здесь ни одной живой души,
Ни человек здесь не бывал,
2330. Ни дивы, ни джины сюда
Не ступали ногой.
Скалы, как [верблюжьи] горбы,
На вершину посмотришь —
Она взметнулась выше туч,
Всю окрестную красоту
В себе воплотила давно.
Рассекая тучи, карабкаясь [вверх],
Урал поднялся на вершину ту, говорят,
Осмотрелся вокруг,
2340. Долго стоял и смотрел, говорят.
Вдали заметил он
Мерцающий, словно звезда,
Какой-то свет, говорят.
Добрался, посмотрел,
Взглядом всю окинул кругом,
Красивое озеро увидел, говорят:
Вместо камня серебром
Усланы его берега и дно;

2350. Цветы, что росли на берегу,
 Не колышутся даже на сильном ветру.
 Водная гладь блестит,
 Ослепляя глаза.
 Не рябит волной на ветру,
 А когда падают солнца лучи,
 Жемчугом отливает вода.
 На заре том
 Разные птицы собрались,
 Плывшую среди них
2360. В оперении многоцветном чудную птицу
 Урал увидал, говорят.
 Незаметно к месту тому,
 Где птица плыла, приблизился, говорят,
 Присмотрелся к ней,
 Посохом своим заморозил.
 “Видно, это — птица, о которой говорила Хомай”,—
 Сразу же подумал Урал.

В этом фрагменте шаманский ритуал, который практиковался у древних башкордгов Урала, описан настолько подробно, что достаточно легко поддается структурно-мифологической реконструкции.

Античные греки прекрасно были осведомлены о шаманских обрядах башкордгов — гипербореев, поскольку именно у саков (греч. Скифы), в Скифии покупали и вывозили пшеницу через Крым на материковую и островную Грецию. Башкордгы являются единственным народом в России, который справляет земледельческий праздник — Хабантуй, от кордско-иранского — h□□ “зерно” □ h□□□□□ “□□□□□□□□, □□□□□□□□□□ □□□□”. □□ □□□□ □□ □□□□□-□□□□□□□□ □, □□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□□□ „ □□□□□□□□□□ □□□□□□ □□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□. □□□□□□, □□□□□□□□ □ □□□□□ □□□□□□□□ □ XIII □□□□ □ □□□□□□□□□□□□ □ □□□ □□ □□ □□□□□□ □□□□□□□□, □□□□□ (□□□□□□□) □□□□□ □□□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□□ □□□□□ „ □□□□□□□□□□; наивно полагая, что его название происходит от плуга — хабан (сабан = h > c). Но, к сожалению, вопреки ожиданиям казанских татар, посеяв в землю плуг — хабан, зерна — хаб не соберешь.

Во время празднования этого праздника — хабантуй в центре площади — майдан, имя производное от древне ведийского — medha “жертвенный столб — жертвенная пища” воздвигается столб, прообраз Мирового дерева, называемого башкордами среднеперсидским именем — Багана от Бхаган — “святилище с изваяниями”. Боевого коня трижды обводили вокруг жертвенного столба, а затем закалывали, и жрецы разделявали тушу по строго предписанным правилам, и мясо, приготовив на жертвенном костре, вкушали в конце ритуала.

Античные греки знали о древнем ведийско—арийском обряде восхождения жреца на небо. Так, Лукман (120—190 гг.) древнегреческий мыслитель, писатель, сатирик, живший в г. Самосаты (Сирия) в эпоху правления династии Антонинов в Риме, в своем диалоге “Любитель лжи или невер” устами одного из героев — Клеодема, оставил следующее весьма ценное описание магических обрядов мага — □□□□□□□□ у башкордгов -гипербореев.

Отвечая на сомнения автора, Клеодема говорит:

13. “—Некогда я сам еще меньше тебя верил в подобные вещи. Я считал совершенно невозможным верить им, и, однако, как только впервые увидел

летающего чужеземца, варвара — он называл себя гиперборейцем, — я поверил и оказался побежденным, хотя долго сопротивлялся. И что, в самом деле, оставалось делать, когда на моих глазах среди ясного дня человек носился по воздуху, ступая по воде, и медленным шагом проходил сквозь огонь”.

“Ты видел это? — спросил я. — Видел летающего и стоящего на воде гиперборейца?”

“Еще бы,— ответил Клеодема,— на ногах у него были башмаки из воловьей кожи, которые обычно носят гиперборейцы. О мелочах, которые он показал, говорить не стоит: как он напускал любовные пожелания, призывал духов, вызывал давно похороненных покойников, делал видимой даже Гекату и низводил с неба Луну!

14. Я расскажу вам о том, что на моих глазах сделано было им в доме Главкия, сына Алексила. Только что, ступив после смерти отца во владении имуществом, Главкий влюбился в Хрисиду, дочь Демета. Я обучал Главкия философии и, если бы не любовь, отвлекшая его внимание, Главкий ознакомился бы с учением перипатетиков в полном объеме, так как восемнадцати лет он уже научился решать трудные проблемы и вполне закончил изучение “Физики” [Аристотеля]. Беспомощный перед любовью, он поведал мне обо всем. И я, как подобало наставнику, привожу к нему, нашего гиперборейского мага при условии уплаты ему четырех мин немедленно, — было необходимо кое-что подготовить жертвоприношении — и шестнадцати мин в том случае, если Главкий получит Хрисиду. Дождавшись новолуния, — заклинания обычно совершаются именно в это время,— вырыл в одном из окрестных помещений дома яму и в полночь сперва вызвал нам, скончавшегося за семь месяцев до того отца Главкия Алексила. Сначала старик гневался на любовь сына, сердился, но, в конце концов, все-таки разрешил любить Хрисиду. После этого маг вызвал Гекату [богиня мрака и ночных видений], которая привела с собой Кербера, и низвел Луну — многообразную и постоянно меняющую облик: сначала она представилась в женском образе [как Айхылыу перед Урал батыром], затем замечательно красивой коровой [Тандыса из мифа “Конгур Буга”, вообще священное животное у индо-ариев], а затем явилась щенком [саг-саки — “собаки” кордск.]. Под конец, вылепив из глины маленького Эроса [йэр — любовь, башкорд.], гипербореец произнес: “Ступай и приводи Хрисиду”. Глина улетела, и недолго спустя Хрисиды постучалась в дверь, а, вошедши, обняла, как безумно влюбленная, Главкия и осталась с ним до тех пор, пока мы не услышали пение петухов. Тогда Луна улетела на небо. Геката ушла под землю, исчезли и остальные призраки на самом рассвете.

15. Если бы ты видел это, Тихиад, то не стал бы больше сомневаться,...” (См. Лукиан. Избранное”. М., 1987., стр. 415 — 417). Если не верить здесь Лукиану, то не надо верить и Аристотелю, написавшему свою — “Физику”.

Сам Лукиан жил уже в эпоху господства на Южном Урале кордов-иранцев Алан, они же, по словам Аммиана (330 — 400 г.), “бывшие массагеты”, которые совершили в 72-ом году военное вторжение в Закавказье. В настоящее время Аланы являются одним из племен кордов, которые обитают в Передней Азии с эпохи ведийско-арийского вторжения на Иранское нагорье в начале II тысячелетия до н.э. и образования в XVIII веке до н.э. индо-язычного государства Митанни. Нет никаких сомнений в том, что у митаннийских ариев, поклонявшихся тем же самым ведийским богам — Индре, Насатье, Вивасванту, — были свои маги-жрецы. С течением времени в древнем мире у греков и римлян восточные маги, и жрецы стали именоваться Халдеями, которые до настоящего времени обитают в Кордистане.

Безусловно, знал об этом и очевидец вторжения Алан в Переднюю Азию и сам Лукиан и поэтому вполне закономерно, что Лукиан отождествил гиперборейского мага с древнеиранскими магами, которых также называли халдейскими мудрецами. К такому мнению приводит нас сам Лукиан, который параграфом раньше писал, предваряя свой рассказ о гиперборейском маге сообщением: “о — вавилонянин из халдеев”.

Рассказав, как халдей из Вавилона изгнал яд из человека, укушенного змеей, Лукиан пишет:

12. “А этот вавилонянин совершил многое другое поистине чудесное. Выйдя на заре в поле и произнеся семь каких-то священных имен по древней книге, он освятил место серой и смолой, обойдя его трижды вокруг и согнав всех, сколько было в пределах этого места гадюк. Точно влекомые заклинанием, вышли во множестве змеи, аспиды, ехидны, гадюки, аконитии, жабы и фисалы. Только один древний змей (...) остался в норе, послушавшись приказа. Тогда маг объявил, что пришли не все полностью, и, выбрав послем одну змею, самую молодую отправил ее за змеем. И спустя короткое время приполз и он. Когда же собрались, вавилонянин дунул на них, и тотчас же гады сгорели от его дуновения, оставив нас в изумлении”. (См. Лукиан. Указ. соч., стр. 415).

Корды-езиды почитают белого змея — Шахмер, равно как и башкорды Урала знают о Шахмере — Царе всех змей белого цвета. Аланы и езиды в настоящее время и являются представителями одного единого кордского народа, на Урале живут башкорды, и поэтому отбросив действительно трудные, мистические для понимания рационалистическим умом моменты в рассказе о башкордском маге-гиперборее и кордском поклоннике Шахмера — царя змей необходимо признать все сведения, изложенные у Лукиана, как ценный исторический источник по истории религии, культа и шаманских обрядов у древних кордов и башкордов.

В противном случае необходимо вычеркнуть из списка античных источников и труд Мегасфена “Индика” и рассказ Страбона о самосожжении джайна Калана.

Несмотря на то, что у башкордов как впрочем и у всех индоевропейских народов, шаманизм очень давно перестал играть доминирующую роль в религиозных культах и магических обрядах, методом сопоставления текстов, описывающих странствия Урал-батыра с шаманской техникой вознесения в небо, письменно зафиксированной рядом этнографов у многих народов, населяющих регионы Сибири, Алтая и Дальнего Востока мы и теперь можем восстановить некоторые из утраченных ныне древних башкордских шаманских ритуалов. Для сравнения возьмем описание ритуала путешествия саяно-алтайских шаманов на небо, сделанные в разные годы такими известными российскими учеными как И.Г. Радлов, В. Вербицкий, А.В. Анохин, Л.П. Потапов. При этом необходимо указать на одно весьма важное обстоятельство, — несмотря на то, что описания вознесения шаманов в небо были сделаны разными авторами, в разное время и у разных шаманов, проживавших в разных местах, все они настолько сходны, что почти полностью структурно морфологически совпадают с описанием шаманского полета Урала из башкордского мифа. В связи с этим следует сразу и определенно сделать пояснение по поводу того, что сама Символика восхождения на небеса **“является разновидностью широко распространенной символики магического полета, который, хотя и засвидетельствован во всех видах шаманизма и примитивной магии, все-таки, должно отметить, выходит за рамки шаманизма”**. (См. Мирча Элиаде. “Йога”. София. 2000., стр. 297 — 298).

Исследователь-этнограф Л.П. Потапов в своей книге “Алтайский шаманизм” приводит пример шаманского ритуала восхождения в небо, записанный им в 1927 году в Горной Шории, который мы возьмем за основу при нашем сопоставлении восхождения Урал-батыра на небо. Л.П. Потапов пишет: **“Представление о**

дороге телеутских шаманов на небо характеризовалось устойчивостью и стабильностью, хотя базировалось на устной традиции. Дорога начинается с того, что шаман при жертвоприношении коня Ульгеню камлал у священной березы, где сооружался весьма простой шалаш, вблизи которого ставились туеса с жертвенной брагой, раскладывался священный огонь и располагались участники моления. В соответствующий момент действия кам (шаман) начинал подниматься на небо, конечно, символически, ибо все присутствующие его видели остающимся на месте камлания, Возносился в небо его двойник — (жула), невидимый для присутствующих. Путь шамана начинался с того, что он подымался по девяти воображаемым ступеням (катки), как по лестнице, идущей от вершины березы до небосвода, в которой она якобы упиралась, (...). Затем дорога кама (шамана) проходила по небесной сфере, через девять “чайканов”. Здесь, как и на земле, встречались горы и перевалы, например, высокая гора Аккор, которую облака не переваливают, или большой перевал, который шаман не может преодолеть.

Далее дорога шла через белые и черные пески, где кам иногда “терял” жертвенную лошадь, которую вел к Ульгеню. На чайканах обитали сыновья (...) и дочери Ульгеня (...). В конце пути находилась земля самого Ульгеня, где светилась, как месяц, золотая гора и сияла, как Солнце, серебряная гора. Здесь в безоблачной зоне обитал — “С тремя шапками священный Ульген”. (См., указ. соч., стр. 140 — 141).

Восхождение шамана на небо было одним из видов путешествий в различные зоны Вселенной и считалось, наиболее сложным и доступным не каждому “рядовому” шаману.

Известный ученый-исследователь, специалист в области религии Мирча Элиаде в своей книге “Шаманизм” приводит алтайский ритуал вознесения шамана на небо, который наблюдал и описал известный российский тюрколог, немец по национальности Василий Васильевич (Фридрих Вильгельм) Радлов (1837 — 1918 гг.), а также наблюдения шаманских камланий, сделанных В. Вербицким в конце XVIII века. Мы приведем описание ритуала, сделав необходимые сокращения и пояснения. Сама церемония вознесения шамана на небо длится два или три дня, из которых первый день посвящен подготовке обряда, и именно в этот день совершается ритуал приношения коня в жертву божеству, тогда как второй день, шаман показывает людям свою магическую силу и совершает полет или восхождение на небеса, в котором деревянный столб или ствол играет самую главную роль. Не вызывает сомнений, что так называемый — алтайский ритуал восхождения шамана на небо и жертвоприношение коня, есть ни что иное как сохранившийся в целостности и сохранности древнебашкордский ведийско-арийский ритуал жертвоприношения коня богу Солнца — Соме, Сурье или Ах-рамазде у других иранских народов.

Итак, вот что наблюдали В.В. Радлов и В. Вербицкий: “Первый вечер, посвящен подготовке к обряду. Кам, выбрав место на лугу, возводит там новую юрту, внутри которой устанавливает молодую березу, очищенную от нижних ветвей; на ее стволе делается девять ступеней (тапты)”. У Потапова более точно — катки от иранского — кат “этаж”. Слово — юрта также восходит к древнему праиндо-европейскому языку, сравните: латинск. — *ara* “пространство”; англ. — *yard* “двор” — *Scotland yard* “Скотланд ярд”, вайнахское — юрт “дом”, Чечен-Юрт “Чеченская земля”; кордско-иранское — *var* “кочевье”, русское — двор; башкордское — йорт “дом”. Башкорды никогда не называют кочевую палатку словом — юрта, поскольку у башкордов для этого объекта есть исконно индоевропейское слово —

Тирмэ, от которого и происходит кордско-иранское — Тор “ограда”, русское — терем, греческо-латинское *thermae* “термы”, русск. — тюрьма и т.д. и т.п.

Затем: “Лиственная верхушка березы выходит через верхние отверстие юрты. Вокруг юрты делается небольшой частокол из березовых кольев, а у входа вбивается березовый кол с надетым на него узлом из конского волоса. Затем выбирается конь светлой масти, и после проверки нравится ли он божеству (...). Шаман машет березовой ветвью над хребтом коня, чтобы вынудить душу животного выйти и подготовить ее полет к Бай Ульгену”.

Как мы уже показали выше у тюрко-татарских народов Алтая, по совершенно понятным причинам, имя древнеиранского бога Ахурамазды встречаемого, и что самое поразительное — стоящего во главе пантеона шаманских богов и у бурят-монголов и тюрко-язычных тувинцев, заменено на имя бога Ульген, который и в башкордской мифологии и у бурят-монголов находится либо под землей, либо является самой землей.

Держать в руках пучок прутьев-бахршом во время служения богу огня — Ахурамазде было священным ритуалом у древних иранцев-зороастрийцев. Так, у башкордского “*Корган*” по сообщению С.И. Руденко, число таких священных прутьев достигало шести штук.

Далее: шаман возвращается в юрту, бросает ветви в огонь и окуривает свой бубен. Он начинает созывать духов, приказывая им входить в бубен: каждый из них понадобится ему при вознесении на Небо. На поименный призыв каждый дух отвечает: “Я здесь! Кам!” — и шаман делает движение бубном, загоняя в него духа”.

Таким образом алтайский шаман с башкордско-иранским именем — кам (*game*) во время ритуала действительно загоняет (*кырган*, башк.) духов за обод бубна, как охотники свою добычу. Сжигание ветвей в огне, по всей видимости сохранившийся древнеиранский, отчасти и зороастрийский ритуал жрецов — магуев и багнапатов — кормление ветвями священного растения бога огня — Ахура Мазды, в его самой ранней, анимистическо-фетишистской форме.

Затем: “Собрав духов-помощников, шаман выходит из юрты. В нескольких шагах от него находится огромное чучело в форме гуся; он садится на него верхом, быстро машет руками, словно собирается лететь, и поет:

...Взлетай на небо о птица!

На этот призыв гусь отвечает, гогоча (...).

Разумеется, сам шаман имитирует крик птицы. Сидя на гусе, кам ищет душу коня, которая как и предполагалось, исчезла, — и ржет как скакун. В присутствии зрителей шаман загоняет душу животного за частокол имитирует ее поимку: ржет, визжит и делает вид, что брошенная им веревка затягивается на шее животного. Иногда желая подчеркнуть, что душа коня убежала, шаман роняет бубен. Наконец, она снова схвачена, шаман окуривает ее дымом из можжевельника и отпускает гуся.

Затем он благословляет коня и с помощью нескольких зрителей жестоко убивает его, ломая позвоночник жертвы так, чтобы ни одна капля крови не пролилась на землю и не обрызгала зрителей. Кожа и кости жертвы выставляются на длинной жерди. После этого приносятся жертвы предкам — покровителям юрты: приготавливается и церемониально съедается мясо, причем шаман получает самые лучшие куски”. (См. Мирче Элиаде. Шаманизм”. Стр. 185 — 186).

Так, жертвоприношением коня заканчивается в первый день шаманский ритуал вознесения на небеса у сибирских татар.

Если вспомнить, что не только сако-индийский буддизм у бурят-монголов стал господствующей среди основной массы населения религией, но и иранское манихейство стало государственной религией в Уйгурском каганате, то становится ясным, что первая часть шаманского ритуала, есть ни что иное как исковерканный и переименованный древнеиранский сако-массагетский ритуал жертвоприношения коня в честь бога Солнца, описанный в IV в. до н. эры Геродотом: “Единственный бог, которого они почитают, это — Солнце. Солнцу они приносят в жертву коней”. (I, 216). Если бы имя божества, которому шаман принес в жертву коня было не Ульгень, а Ахурамазда или Сома, то никто из ученых и не посмел подумать, что это не древнеиранский обряд.

Здесь же присутствует и древнебашкордский культ водружения черепа коня на высокую жердь — хайгау, которые до коллективизации имущества стоял в башкордских деревнях во дворе каждого башкордского дома. Не турки, а индоевропейцы первыми приручили дикую лошадь и не турки, а индо-иранцы совершали обряд — ашвамедха, поскольку в древних мифах ведических ариев конь играл одну из главных ролей в Космогонии. В мифологии же тюрко-алтайских народов этот сюжет полностью отсутствует, тогда как в мифах башкордов Урала морской конь — Акбузат играет важную, основополагающую роль и помогает Урал-батыру при сотворении Вселенной. Именно по этим характерным признакам башкордская мифология является частью индо-иранской ведийско-арийской мифологии. В ведической Индии жертва коня (ашвамедха) первоначально приносилась небесным богам воплощающим вечные и неизблемые начала мира, Варуне — хранителю космического закона Рита (ṛita) и Дьяусу Питару — божество неба (башк. — җәһәннәм җәһәннәм). Следовательно, и древние башкорды до замещения небесного божества — Сомы, Самрау или хтонического — Урал-батыр богами атмосферы — Хомай, Торна-Хаубен, җәһәннәм җәһәннәм первоначально приносили богам неба — Самрау, җәһәннәм җәһәннәм или богу земли — Уралу (veralt) в жертву коня.

Дым от можжевельника — артыша у башкордов издревле почитался как священный и в настоящее время почти в каждом доме башкордов рода Бурзян, Мюйтан — Усерган, Тангаур висят в углу ветви можжевельника, которые зажигают, если в доме умер человек или находится покойник. Гусь, на которого во время своего камлания садится верхом шаман сибирско-алтайских тюрков-татар, вообще не играет никакой роли в магическо-ритуальном обряде, тогда как в мифологии древних иранцев и особенно у башкордов Урала прямых потомков сако-массагетов, птица лебедь — Хомай играет главную роль в Космогонии. Древние тюрки-алтайцы войдя в соприкосновение с индо-ираноязычными сако-массагетами полностью исказили и исковеркали имя древнебашкордской богини Мировых, вселенских, космических Вод, до такой степени, что из ее имени Хомай исчезло само слова вода — Хыу (башкорд.); хо — “потеть” (кордск.), cheo “вода” (греч.), хыу “вода” (чеченск.), humid “влажный” (англ.), — и превратилось у тюрко-татар в слово — Умай.

Поскольку богиня Хомай является царицей мировых вод из недр которых рождается при сотворении мира небесный конь Акбузат, подаренный Уралу богиней Хомай, то вне всяких сомнений древние башкорды сако-массагеты почитали ее как ураническое божество, царицу одной из основополагающих стихий — воды и ее культ предполагал жертвоприношение коней. Хомай почиталась, судя по эпосу “Урал-батыр”, богиней знания, понимаемые тогда как свет или освещение. Не случайно, а закономерно, что уже в эпосе “Урал-батыр” такая, полностью зависящая от перемещения Солнца по небосводу перелетная птица

как лебедь — Хомай, зарождает среди людей стремление к познанию тайн мироздания. Хомай сама предстает как источник знания, то есть света, благодаря которому вообще возможно получение какого-либо знания. Но в шаманском ритуале алтайских и Сибирских татар культ древнеиранской богини Хомай отсутствует полностью. Если в башкордском мифе Хомай активно участвует в творческом процессе, помогает людям, руководя ими и указывает Уралу путь в его поисках истины и ответа на вопрос, что есть смерть, то в шаманской обрядовой церемонии сибирских тюрко-татар какое-либо женское божество вообще не присутствует.

Для того, чтобы читатель лучше понял и осознал все различие башкордской мифологии от мифологии тюрко-татарских, саяно-алтайских и тунгусо-маньчжурских народов следует сказать, что у башкордов мифология вообще не может существовать без образа священной для всех древних иранцев птицы — Хомай. В бурят-монгольской и тунгусо-маньчжурской мифологии божество носящее это имя отсутствует. У тюрков-алтайцев и сибирских татар богиня Умай вообще не принимает никакого участия в магическом обряде вознесения шамана на небо к богу.

В этом отношении важно сообщение Л.П. Потапова, который писал: “У собственно алтайцев мне не удалось собрать сведений об Умай” (...). **“Однако, у ряда алтае-саянских народов и их родоплеменных групп женского божества под названием Умай не было” (...)** **“не существовало названия Умай и среди шаманских духов и божеств у тувинцев”**. (См. Л.П. Потапов. Указ. соч., стр. 289 — 290). Все эти факты свидетельствуют о том, что божество Умай в древних верованиях тюрко-татарских народов является очередным заимствованием как и божества Хайрхан, Хан Хурмусда из более древней иранской мифологии.

И последнее, Хомай является в башкордской мифологии дочерью бога Солнца — Самрау и выступает в эпосе “Урал-батыр” как посредник между людьми и богами, то есть между миром земным и царством небесным. С точки зрения философии Хомай есть гносеологический метод приобретения трансцендентальных знаний путем озарения темного ума, светящимися как молнии идеями.

Следовательно, условием существования башкордской гносеологии является наличие в ней символического образа богини знания Хомай. Всего этого в мифологии и шаманских обрядах саяно-алтайских и сибиро-татарских народов нет и не было, поскольку по мнению многих ученых, изучавших эту проблему не только образ, но даже само имя или теоним Умай тюрко-татары заимствовали из иранского (персидского) — *huma*. (См. Абрамзон С.М. “Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи”. Л., 1971 г., стр. 278).

Исходя из этого, становится понятным отчего происходит столь разительное отличие башкордской мифологии, где птица Хомай сама своими деяниями, своим прямым обращением к людям вызывает в них стремление к знаниям, и, наоборот, полное отсутствие образа древнеиранской, исконно башкордской богини Хомай как в мифологии, так и в магических обрядах шаманизма у саяно-алтайских и тюрко-татарских народов Сибири.

Если первая часть шаманского обряда показывает свое индоиранское этническое происхождение, то вторая важная часть этой церемонии раскрывает нам подлинное иранское имя божества, которому древние ведические арии, обитавшие во втором тысячелетии до нашей эры, еще на Южном Урале (погребение Синташта, Аркаим) совершали священные жертвоприношения коней и овец.

Как пишет далее Мирче Элиаде, почерпнувший почти все сведения о сибирских шаманах в трудах российских ученых-очевидцев В.В. Радлова и В.

Вербицкого: “Вторая и самая важная часть церемонии проводится следующим образом. Именно теперь шаман демонстрирует все свои шаманские способности во время экстатического путешествия к небесной обители Бай Ульгена. В юрте горит костер. Шаман предлагает мясо коня хозяевам бубна, то есть духам, олицетворяющим шаманские силы его семьи и поет: “Прими этот кусочек, о Кайра Кан!” (...). Таким же образом он обращается к господину огня, символизирующим священную силу владельца юрты, организатору праздника, (...), затем он отрезает кусочки конины, раздает их присутствующим (представителям духов), и те шумно их поедают”. (Указ. соч., стр. 186 — 187). В этом эпизоде самым интересным предстает то, что несмотря на восхождение шамана к Ульгеню, тем не менее, свой первый призыв он делает к божеству с древнеиранским именем Хайр-хан (милостливый), а затем взывает к огню, которому и поклонялись не только ведические арии, но и все индо-германцы. Так в далеком от Алтая Риме божество огня — ignis еще во времена Овидия занимало самое главное почетное место в религиозной жизни и ритуалах латинян, и не только в храмах, но и в домах самих римлян на почетном месте на возвышении стоял алтарь с горящим на нем огнем. (Вполне возможно и название Алтай вывести из латинского Altus “высокий”).

В Индии далеко от латинского Рима, ведические арии (индо-германцы) почитали огонь — Агни также как и латиняне. Храмов у ведических ариев не было и алтарь — vedi сооружался на открытом возвышенном месте, затем расстилалась жертвенная солома (barhis), куда должны были воссесть боги и разжигали поленьями жертвенный костер. Жертву кидали в огонь или, в случае с молоком, жиром выливали в огонь жертвенного костра. В “Риг Веде” богу Агни посвящено около 200 гимнов и по числу упоминаний он занимает второе место после бога Индры, который занял главное место в ведийском пантеоне богов значительно позднее. Основной функцией бога Агни было посредничество между богами и людьми.

В гимне 12, мандала I говорится:

1. Агни мы выбираем вестником,
Хотаром этой жертвы,
Всезнающего, очень умного.

(Пер. Т.Я. Елизаренковой).

В другом гимне “Риг Веды” (III, 20) Агни сравнивается с Бхагой, от имени которого и произошло слово “भृगो”, भृगो - भृगो, भृगो - भृगो.

III. 20.

И к Агни и всем богам.

4. Агни как Бхага вождь божественных
Народов, бог, пьющий во время, поддерживающий закон,
Он убийца врагов, древний, всезнающий, —
Пусть переправит он воспевающего (его)
Через все трудности.

(Пер. Т.Я. Елизаренковой).

Я думаю, что любой ученый и просто читатель согласятся с моим мнением о том, что если имя древнеиндийско-арийского божества Бхага (भृगो), зафиксированное практически во всех индо-европейских языках позднее вошло в

тюрко-алтайские языки со значением — шаман (жрец), если главное божество, которому обращается шаман сибирских татар и алтайцев носит иранское имя Хейыр-хан, и если во время ритуала жертвоприношения коня шаман обращается к божеству огня, священной стихии индо-иранцев, носящий имя Ахура Мазда, также встречаемое в тюркском мире (Хан Хурмусда), то не возникает никаких сомнений в том, что и весь ритуал был некогда исконно иранским, а еще точнее индо-иранским. Все это легко понять на следующем примере, так, если крещенный татарин, бурят или якут носит русское имя, молится Иисусу Христу, крестится и справляет такие православные праздники как Рождество, крещение, Пасху, то это означает, что на них оказали влияние русские миссионеры, православные христиане.

Никто из здравомыслящих людей не станет спорить и доказывать на основании православных (греческих) имен крещенных татар, якутов, тувинцев и бурятов, что, например — Христос родился и вырос в Сибири, крещение принял на Енисее, был распят на Алтае, а воскрес в третий день в Магадане. То же самое мы имеем и в отношении иранского культа и иранских имен, получивших широкое распространение за время долгого обитания совместно на одной территории в древности, у тюрков-татар Сибири.

Зороастризм и более древний Маздаизм не только у башкордов Урала, но самих иранцев, афганцев, пуштунов, курдов Месопотамии исчез под непосредственным воздействием новой религии Ислама, тогда как волна воинственных мусульман после захвата Средней Азии практически просто не дошла и не поглотила тюрко-татар, обитавших на Алтае и в Сибири. Именно поэтому саяно-алтайские народы в отличие не только от иранцев и башкордов, но даже проживающих относительно рядом этнически близких им уйгуров — бывших еще в VII — IX веках последователями иранской манихейской религии, а затем, потерявших ее под давлением Ислама, смогли сохранить древние иранские, сако-массагетские обряды и ритуалы, правда в сильно искаженном виде.

О том, что шаманский ритуал алтайцев, описанный В.В. Радловым и Вербицким (1870) на самом деле имел индоиранские корни свидетельствует упоминание в нем двух рек не только носящих древнеиранские имена, но и то, что до татаро-монгольского нашествия в XIII веке никто из татар и монголов никогда не жил и не обитал на берегах Яика (Вахви Датийя) и Идели (Дел).

Как пишет автор: **“Надев шаманский наряд кам садится на лавку и, продолжая окуривать свой бубен, ведет переключку многочисленных духов, великих и маленьких, которые по очереди отвечают: “Вот я, кам!” Он призывает Яик Кана, Духа Моря, Кайра хана”...** и т.д.. В конце этой долгой переключки он обращается к Меркуту, Небесной Птице:

**Птица Небесная, пять Меркутов,
Вы с вашими могучими бронзовыми когтями,
Когти Луны из меди,
А клюв Луны изо льда;
(...)
Твое левое крыло закрывает Луну,
Твое правое крыло закрывает Солнце,
(...)
Не блуждая, летишь на Яиком,
Не уставая , преодолеваешь Эдиль!
Прилети ко мне, напевая.**

(Мирче Элиаде. Указ. соч., стр. 187 — 188).

Не только древнеиранские имена Яик (Даитья), Хейр свидетельствуют об не алтайском происхождении всего изучаемого шаманского ритуала, но в первую очередь сама неясность и спутанность в представлениях саяно-алтайских народов — образа божества Яик (Jaıyk), на что никто из ученых до настоящего времени даже не потрудился обратить внимание!

Так у башкордов имя Яика сына Урала, носившего ранее более правильное имя Дейик (сообщил Ш.М. Мустафин), восходит к древнеиранскому имени Вахви Дати, авест. “Благая Датия”, имя которой уже в среднеперсидских источниках писалось и звучало как — Даитик или Даитих. Так называлась мировая река, протекающая по земле мифической прародины иранцев Арьянам Вэджа. Большинство исследователей отождествляют с Амударьей, некоторые с Араксом. Но на самом деле прародина индо-иранцев Арьянем Вэджа — это современный горный хребет Ирандек, которым заканчивается Уральские горы с отрогов которых стекает река Яик (Урал, среднеперс. Даити) известная в древности как Даития. Именно там, на Южном Урале, чуть ли не на берегу Даика (Датия) и был обнаружен археологами древний город индоариев Аркаим. Прародина индогерманцев саков-массагетов, то есть башкордов Великих саков-массагетов и гетов-гаутов англичан. Южный Урал чисто логически никак не может быть одновременно и прародиной саяно-алтайских народов и тунгусо-маньчжурских племен лишь на том основании, что у алтайских татар встречается имена древнеиранских богов: Хейре хана, Ахура Мазды и Даитика, Samana, Kam. Но есть все основания предполагать, что предки современных саяно-алтайских народов попали под сильное культурно-техническое влияние и экономическую зависимость от предков башкордов Сако-Массагетов, проникших на Алтай в поисках рудных запасов меди еще в эпоху индоиранского, возможно и индогерманского единства. Обо всем этом свидетельствует оставшийся не сформированным расплывчатый образ божества — Jaıyk (Яик) в мифологии саяно-алтайских татар. В одних рассказах алтайцев, (которых В. Радлов и Вербицкий абсолютно верно называет — Татарами, поскольку именно с Алтая с их прежней родины согнал предков казанских татар на Урал в XIII веке монгольский полководец Чингисхан), божество Jaıyk — Яик предстает женщиной дочерью Улгеня, тогда как у других алтайцев это божество мужского рода называется его сыном. Так, Л.П. Потапов пишет:

“Относительно имен дочерей Улгеня сведений у рядовых шаманистов меньше. У тубаларов мне называли лишь одно имя — Jaıyk, (...), и что она: “... считалась “хозяйкой” (аази) всех таежных зверей. Охотники ее почитали. За непочтение она наказывала тем, что во время охоты мешала целиться в зверя. (...) Мне подчеркнули, жертв ей (по крайней мере тубалары) не приносят и ее изображений не делают”. В.В. Радлов — под названием Jaıyk зафиксировал у алтайцев сына Улгеня. То обстоятельство, что у тубаларов Jaıyk считался дочерью, а у алтайцев — сыном Улгеня, так же показывает незавершенность стабилизации представлений (...).”

Далее, автор пишет: **“Божеству Jaıyk у алтайцев наибольшее внимание уделил А.В. Анохин. По его полевым записям, Jaıyk является лишь духом — посредником между людьми и Улгеном. Поэтому Анохин не включил его ни в число сыновей Улгеня, которых он перечисляет поименно, ни в число его дочерей, о которых сообщает таким образом: “Дочерей у Улгеня девять, они называются “чистые девы”. (См. Л.П. Потапов, указ. соч., стр. 248 — 249)**

У башкордов в мифологии Яик и Идель являются сыновьями Урала и царицы небесной воды Хомай, почитаемой как дочь Солнца Самрау. Идель и Яик являются национальными реками Башкордистана и зимой как все реки северных

регионов замерзают и покрываются льдом, а оживают весной, когда прилетает, как считали древние башкорды, — Хомай в облике лебедя и открывает небесные источники воды, из которых льют дожди. Весной из-за таяния снегов воды Иделя выходят из берегов, что было истолковано башкордами как рождение сыновей Урала и Хомай, спешивших на войну с врагами.

Эти природные явления башкорды наблюдают весной каждого года уже на протяжении тысячелетий и совершенно непонятно, каким образом эти гидронимы Башкордостана стали именами алтайских божеств. Если это событие произошло, допустим, тысячу лет назад, когда у монголов, уйгуров уже существовала письменность, то безусловно этот факт новаторства в области культуры и религии был бы отмечен у средневековых историков. Но этого нет. Единственным объяснением этого интересного исторического феномена является то, что индоираноязычные сако-массагеты, пришедшие с Урала на Алтай в V веке до нашей эры были башкордами и сами приносили коней в жертву Иделю и Даику, почитаемых как божества—дети Хомай и Урала. Очередным доказательством этого положения является обращение алтайского шамана к Небесной птице — Меркуту, когти которой — медные, и своими крыльями закрывает: левым — Луну, а правым — Солнце,

Необходимо отметить, что в описании церемоний вознесения на небеса алтайского шамана у Л.П. Потапова какое-либо упоминание птицы, вообще, отсутствует, но один из сыновей Улгеня носит имя — Каршит (Указ. соч.).

В древней иранской мифологии над всем пернатым миром царствует птица Каршипта (авест.). Она все время славит Ахура-Мазду (имя, которого некоторые алтайцы и заменили на Ульген) и излагает птицам яшты Авесты. В Видевдате сказано, что именно: **“Царь птиц Каршиптар принес в Вару закон Мазды. Фраваша Заратуштры и его сына Урватат-нары покровительствовали благословенной Варе”**. (См. И.В. Рак. “Зороастрийская мифология” . Стр. 162).

В настоящее время становится ясным, что Вар царя — это руины города Аркаима, и вполне возможно, что образ Урватат-нары сына Заратуштры, частично сохраняется в башкордском эпосе под именем Урал-батыр.

Образ птицы Каршипты восходит как пишет И.В. Рак: **“... к древнейшим индоевропейским представлениям об изначальном водном хаосе, из которого бог — демиург, возникший в облике водоплавающей птицы, сотворил мир. В индоиранскую эпоху Каршипта олицетворял священную реку ариев “Риг Веды” Сарасвати, водную стихию вообще и, возможно, одновременно воду, небо и землю — три стихии мироздания, где обитает водоплавающая птица”**. (См. И.В. Рак. Указ. соч., стр. 482).

Птица Каршипта отмечена и в Авесте, где говорится о присутствии Каршипты на встрече Заратушты с Амеша-Спента в составе пяти видов ахуровских животных, отмеченных знаком Святого Духа. (Затспрам. 22).

Уже не в алтайской мифологии, а Авесте, что в целом естественно и закономерно упоминается и другая башкордская птица Самрикош, на спине, которой Акъял-батыр (“Белогривый, светловолосый батыр”) путешествовал по небесам кормя ее своим мясом, срезанным с бедра и ягодиц.

В источнике, написанном на среднеперсидском — пехливийском языке “Менг и Храт”, говорится что на Древе всех семян (растущим возле священного дерева Хоамы в Хванирате) живет царь птиц Сенмурв — крылатый пес, покрытый рыбьей чешуей. А птица Чамраош сидит всегда невдалеке, и собирает те семена, которые Сенмурв рассыпает, когда взлетает и садится на Древо всех семян. Затем Чамраош несет их в то место, где божество дождей Тиштрия (звезда Сириус) в облике белого коня пьет воду со дна Мирового Океана, дабы снова излить небесный дождь с семенами всех растений в воде.

Куш охотится на зайца, а шаман кланяется Луне; на седьмом Небе шаман поклоняется Солнцу.

“Он проходит по очереди через все небеса, вплоть до девятого и до двенадцатого, и даже еще выше; восхождение зависит от силы шамана. Когда он достигает вершины, до которой простирается его могущество, он задерживается, роняет бубен и покорно призывает Бай Улгена: (...)

Место, на год удаленное от воды!
Для которого блестят бока Луны (...)
Ты Улген, это ты сотворил людей (...)
Ты Улген, подарил всем, всем нам стада!
Не допусти, чтобы нас настигла беда!
Дай нам силы противостоять Злому,
Не показывай нас Кормосу — злomu духу,
Не отдавай нас в его руки!
Ты, который тысячи раз обращаешь звездное небо,
Не прогневишь на меня за мои грехи.

Шаман узнает от Бай Улгена, принята ли жертва, и получает предсказание о погоде и новом урожае; а также узнает, на какие еще жертвы рассчитывает божество. Этот эпизод определяет кульминационную точку “экстаза”: шаман падает обессиленный. (...)

Иногда этой церемонией праздник заканчивается; но чаще у богатых людей он длится еще один день, проводимый в жертвенных возлияниях и пирах, во время которых потребляются огромное количество алкогольных напитков”. (См. Мирче Элиаде. “Шаманизм”, стр. 188 — 190).

Хаома — священный алкогольный напиток потреблялся древними индо-иранцами во время празднеств и жертвоприношений в огромных количествах и самому божеству с башкордским имени Хаома посвящены многие гимны “Риг Веды”.

К Соме (IX. 12)

8. Тебя разливают кругом, о Сома,
Индре для питья, для опьянения,
Знаток мысли, повелитель мысли.

У башкордов в преданиях Урал-батыр, испив напитка Хомай набрался сил и нанес сокрушительное поражение врагам, что есть пересказ известного ведийского мифа о похищении Индрой Сомы, что затем дало богу возможность убить Вритру. Ведийские индо-арии возливали Хаому — напиток в огонь как жертва богу Агни и поэтому жрецы возливавшие ее носили имя Хаотар (ведий.) и Зоатар (авест.). При сопоставлении мы видим, что у алтайцев в шаманском ритуале никакой сакрально-магической связи между алкогольным напитком и божеством — нет, не наблюдается и даже не намечается. Это объясняется тем, что саяно-алтайские народы не знают ведийско-арийско-башкордского божества Хомай, божества напитка амриты.

Дальше, больше и сопоставление показывает, что незнание одного искажает другое. Так, поскольку саяно-алтайские народы не знают арийской богини — Хомай, то не знают, и не могут узнать, что уже становится вполне закономерным такого древнего божества индо-германцев и башкордов как Урал (weralit), который и есть мифический супруг небесной Хомай.

Имя — Пура “дух коня” принесенного в жертву, в алтайском шаманизме точно соответствует более древнему ведийско-арийскому имени Первочеловека — Пуруши, принесенного Брахманами в жертву богам.

Мы уже подробно разъясняли выше такой примечательный исторический факт как отсутствие в шаманском пантеоне у подавляющего большинства саяно-алтайских народов образа Улгеня, поскольку везде здесь Верховное божество носит индо-иранское имена Уч Курбустан (Ахура Мазда) или более абстрактное — Худай (Ходай, кордск.) или древнебашкордское — Бурхан. Следовательно, большинство саяно-алтайских народов и бурят-монголы, кроме алтайских татар по прежнему поклоняются и совершают шаманские камлания в честь индо-иранского Ахура Мазды (Хурмусда). Но у татар, описанных В. Вербицким, благой Ахурамазда превратился в: “Кормоса — злого духа”. (Пер. В.В. Радлова!). Гусь — вахана Брахмы, почитаемого всеми индуистами (800 миллионов человек) как священная птица, мифическое воздушное транспортное средство (такси). Гусь как божество — в шаманском ритуале алтайских татар — отсутствует.

Ведические арии в гимнах “Риг Вед” называли Гуся словом — Хамса, и поскольку ведические индо-иранцы двинулись на завоевание Индии с Южного Урала и Западной Сибири, где они обитали до II тысячи до н. эры, то нет никаких сомнений, что имя богини-лебедя Хомай чисто башкордско-иранское. В эпосе “Урал-батыр” показано как лебедь — Хомай порождает в сердцах людей стремление к знанию, и вынуждает Урала последовать за ней на небеса к Верховному божеству. Хомай божество, владеющее чудесным блестящим мечом — молнией, которой она, подарив Урал-батыру, превратила его в бога — громовержца — Дьяус Питара. Совокупляясь на небесах, Хомай и Урал породили Иделя, по древним представлениям башкордов Урала, главную реку Европы. Кстати, ни у одного народа в настоящее время, проживающего по реке — Ра, то есть современной Волги, считающаяся продолжением Идели, нет мифа о происхождении этой реки, что и является еще одним доказательством в автохтонном происхождении башкордов на Южном Урале.

Хомай просит Урал-батыра добыть птицу: “которой нет в моей стране, ту что красоту всех на свете птиц соединила в одной себе” и награду за это обещает ему дать воды из Живого родника. Эта птица оказывается затем Луной — Айхылыу, родной сестрой самой Хомай и дочерью Сам-Рау.

Именно в поисках Луны — Айхылыу возносится Урал-батыр на небо и именно об этом ничего не говорится в шаманском ритуале алтайцев.

В башкордском эпосе ясно и четко указывается время совершения древними башкордскими магами — □□□□□□□□ (багха, санскрит.) обряда вознесения на небо, о чем образно говорится, как о Луне — птице: “Которую никто не видал и не слышал”, и тем самым определяется период с момента исчезновения Луны с небосвода после наступления полнолуния до рождения нового месяца. Совершив вознесение и добыв Луну, Урал возвращается и совершает брак с Хомай, от которого рождается их сын — река Идель — Ра — Волга.

Поскольку все реки Южного Урала покрываются льдом и перестают течь (умирают) зимой, то, рождение Иделя наступает в полновожье Весной. Следовательно, священный брак Урала и Хомай праздновался по весне, когда на Урал прилетали с юга стаи лебедей. В связи с этим интересно заметить, что у алтайских народов, в частности, лебеденских татар коня в жертву бай Улгеню приносят в полнолуние, следующее за летним солнцестоянием, а у татар-телеутов жертвоприношение коня совершается около 20 июня, то есть тогда, как лебеди прилетев в апреле на север уже 3 месяца живут рядом с людьми. У алтайцев в отличие от иранцев-башкордов Урала о браке с Хомай, то есть лебедя с шаманом, как мы уже убедились, абсолютно ничего не говорится.

Самым главным объектом — фетишем в башкордской мифологии в обряде вознесения на небо является посох — h□k□□□ (мар — “змея”, кордск.), который Урал добыл у змея Каххахи (иранск. Млечный путь).

Древние ведические индо-арии, некогда обитавшие на Южном Урале более четырех тысяч лет тому назад сами почитали жертвенный столб — “юпа”, “свага”, задолго до саяно-алтайских, тюрко-татарских народов, к которым этот ритуал перешел уже не от ведических ариев, а иранцев, поскольку Верховное божество носит там имена Хейр-хан или Хурмусда, а не Брахма. Ведические арии вырубали жертвенный столб из дерева, выбранного в лесу, затем вытесывали и несли к установленному месту. Ведийские риши очень образно описывают в гимне, посвященном “к жертвенному столбу” (III, 8), прибытие дерева к людям из леса, сравнивая при этом с прилетом стаи гусей:

9. “Словно гуси, выстроившиеся рядами,
Прибыли к нам столбы, одетые в светлое”.
[очищенные от коры]

Затем столб врывали в землю перед зажженным жертвенным костром, мазали маслом и привязывали к нему жертвенного коня. Жертвенный столб, в момент жертвоприношения из прообраза и фетиша превращался по представлениям древних ариев в Мировое Дерево, обожествлялся людьми, поскольку становился связующим мостом между небом и землей, по которому ведийско-арийско-башкордский жрец-бхага поднимался как по лестнице в небо. В более древние времена, в эпоху грубого фетишизма индо-иранцы переносили на жертвенный столб (юпа-свага) функции жреца и тем самым анимировали, то есть одушевляли дерево, которое действительно оживало в огне костра языками яркого пламени и озаряя людей светом и теплом.

Ведийские поэты, восхваляя жертвенный столб, пели:

III, 8.

3. Возвышайся, о дерево,
На поверхность земли!
Его поднимают мудрые поэты,
Полные мудрых намерений,
Мыслью, стремящимися к богам.
11. О дерево, вырастай с сотней ветвей —
С тысячью ветвей пусть вырастем мы —
Ты, которое этот наточенный топор
Привел на великую удачу!

(Пер. Т.Я. Елизаренковой).

Считалось, что срубленное в лесу дерево рождается вновь во время его воздвижения в качестве жертвенного столба, о чем в том же гимне III, 8 в стихе 5-ом говорится:

“Родившись, оно рождается,
Возрастая при состязании на месте жертвенных раздач,
Мудрые деятельные очищают его молитвой,
Отправляясь к богам, вдохновленное поднимает голос.

Нет никаких сомнений в том, что у ведических ариев существовал культ восхождения жрецов-шаманов на небо, поскольку уже после того, как ведические индо-арии покинули свою древнюю родину — Южный Урал и без малого полторы тысячи лет жили на новой земле в Индии, у них по-прежнему сохранился ритуал восхождения брахмана на небо. Так еще в “Риг Веде” (I, 13) дерево превращается в момент жертвоприношения в жреца понимается проводником даров человеческих к богам на небо:

11. О божественное дерево,
Отпусти к богам жертвенное возлияние.

Но с ростом уровня мышления жертвенные столбы — юпа, свага перестали наделяться душой и превратились из фетишей в религиозные символы. Для восхождения на небо был разработан специальный жреческий обряд — дуροхана, во время исполнения которого брахман приставляя лестницу к жертвенному столбу поднимается вверх к Древу жизни — *asvthas*, которое в “Упанишадах” выполняет роль организующего компонента космогонической модели мира, о чем и говорится в — “Катха упанишаде”:

3. (1) Наверху [ее] корень, внизу — ветви,
Это вечная смоковница,
Это чистое, это Брахман, это зовется бессмертным,
В этом утверждены все миры, никто не выходит
За его пределы. Поистине, это — То.

Корень Мирового Древа отождествляется с изначальным Брахманом, а ветви становятся его манифестацией, то есть проявлением божества в Мире. Таким образом подняться по Мировому Древу, по Упанишадам есть ни что иное как достичь Брахмана и освободиться от материального тела и став воздушным как парящая в небе Птица.

В башкордской мифологии Урал-батыр садится на свой деревянный посох и возносится на небо как птица, за птицей Айхылыу, по просьбе птицы Хомай. В брахманском ритуале — дуροхана, мы встречаем тоже самое; брахман поднявшись на вершину столба как бы касается небосвода, разводит руки как крылья птицы и кричит: **“Я достиг Неба, боги, я стал бессмертным!”** (См. Мирче Элиаде. Указ. соч., стр. 369).

Мы рассмотрели самый древний, наиболее архаичный этап становления и формирования гносеологии в башкордской философии. Первоначально, из-за неспособности древнего человека проводить четкое различие между основанием и следствием все идеальные понятия в человеческом разуме перетекали как физические явления из одной формы в другую, что и является основной причиной, что не только философия, но и гносеология у башкордов, равно как мы убедились выше и у ведических ариев в Индии, носила ярко выраженный материалистическо-животный, грубо-фетишистский оборотнический характер.

Постепенно, по происшествии нескольких этапов в своем историческом развитии человеческое мышление овладевает методом абстрагирования и например, в языке, рождается класс глаголов, что свидетельствует о способности разума отделить субъект действия от самого действия и тем самым нанести смертельный удар по фетишизму как форме общественного сознания, поскольку материальные идолы раз и навсегда перестают признаваться людьми в качестве живых личностей. Создается условия для формирования в разуме человека идеальных понятий.

Возможны некоторые ученые-философы будут возражать и высказывать сомнения в целесообразности включения обрядового шаманизма древних башкордов (сако-массагетов) в философский раздел — гносеология. И по этому вопросу необходимо внести разъяснение. Если кто-то из ученых наивно полагает возникновение в сознании человека — абстрактных категорий и понятий как результат внезапного открытия наподобие озарения, то тем самым эти ученые под философией понимают — богословие, поскольку отрицают в этом процессе место и роль человеческого ума, который путем неимоверно громадного напряжения и саморефлексии научился и постепенно овладел методом отвлечения идеальных сущностей от материальных явлений.

Идея предмета не есть сам предмет, но даже и в наше время преподаватели часто прибегают к методу материализации идей путем — наглядного обучения, суть которого заключается в том, что физические объекты играют здесь роль абстрактных понятий и умопостигаемых сущностей. Таким образом преподаватель, будь то в школе, либо в университете, прибегает в процессе обучения к методу конструирования и зодчества, поскольку именно посредством зодчества, умопостигаемые идеи доводятся до отчетливого созерцания.

В свое время А. Шопенгауэр писал: “Зодчество отличается от изобразительного искусства и поэзии тем, что оно дает не восприятие вещи, а саму вещь оно не повторяет, как те два искусства, познannую идею, благодаря чему художник как бы представляет зрителю свои глаза; в зодчестве художник только приводит объект в соответствие с восприятием зрителя, облегчает зрителю восприятие идеи тем, что доводит действительный индивидуальный объект до ясного выражения его сущности”. (См. А. Шопенгауэр. “Мир как воля и представление”. Т. I, М., 1993 г., стр. 329).

Шаманизм, камлание жрецов-багнапатов, вопрошение о будущем у божества есть ни что иное — как практическая гносеология, которой в той или иной мере владеют все народы. Багнапаты и хотары ведических ариев не излагали и описывали гносеологию вербально, а возводили ее основания в процессе жертвенного обряда.

Самые ранние формы абстрактного мышления формируются в его представлениях о своей собственной душе или о единственно доступной к познанию человека в древние времена бестелесной форме существования — Идей. Как древние башкорды — сако-массагеты представляли себе такую идеальную субстанцию как Душа человека, мы рассмотрим в следующей главе.

Душа в представлениях древних башкордов

Башкордские корни индо-иранского мистицизма

Наиболее архаичный образ души у башкордов известен нам по эпосу “Урал-батыр”.

Урал перед решающей схваткой с борцами-слугами царя Катила говорит:

“Когда, дивов разгромив,
1120. Из живого Родника воду взяв,
Снова к вам вернусь
И буду вас искать,
То ваши тела, стертые в муку — толокно,
Ваши души, трепещущие, как мотыльки,
В какой стороне смогу отыскать?”

Таким образом древние башкорды представляли себе душу человека в образе бабочки. Об этом и говорит Урал обращаясь к Шульгену:

3730. Если (...) не скажешь: “Я виноват”,
То голову твою, швырну, как точильный круг.
Сотру тебя в муку — толокно,
Душу твою, трепещущую, как мотылек,
В ночной туман обращаю...

Представление души человека, живой, порхающей бабочкой (и ночного тумана — эфира, праны (санск.)) является одним из самых древних образов — фетишей в истории человечества. Как писал в свое время А.Ф. Лосев: “Если начать с наиболее малых представителей животного мира, то даже о жуке имеются сведения, что в виде него почитался сам Зевс. Бабочка — наиболее излюбленный символ души у многих народов. В античности она часто встречается в изобразительном искусстве: то она вылетает из погребального костра, то летает над покойником, то отправляется в Аид. У Овидия (Met. XV, 374) бабочка прямо отождествляется с умершим. Греческое слово — *psyche* — обозначает и “бабочку” и “душу” (ср. Arist. Hist., anim. IV. 7)” (А.Ф. Лосев. “Античная мифология в ее историческом развитии”. М., 1957, стр. 41).

Образ древнего фетиша души — бабочки и стал символом крылатой души у такого знаменитого объективного идеалиста как Платон, который в своем сочинении “Федр” устами Сократа говорит о душе: **“Будучи совершенной и окрыленной, она парит в вышине и правит миром, если же она теряет крылья, то носится пока не натолкнется на что-нибудь — твердое, тогда она вселяется туда, получив земное тело...”** (См. Федр. 246, с.).

Погибая, душа, как считали древние башкорды взлетает в небо и превращается в сияющую звезду, о чем говорится в мифе о Торна-Хаубене, победившего водного змея на небе и освободившего семерых батыров, то есть звезды Ковша из созвездия Большой Медведицы. В индийской мифологии — семь Риши (мудрецов) вознеслись на небо, где превратились в семь звезд составляющие Ковш Большой Медведицы. Все эти сведения показывают — башкорды в древности верили, что душа после смерти возносится на небо, где застывает сияющей звездой, а затем с приходом весны, когда на небе начинают сверкать молнии, Торна-Хаубен освобождает души, которые стремятся к земле, как капли дождя, и воплощаются в новые тела (людей, зверей, птиц и т.д.).

Подобную же картину восхождения душ на небо, а затем нисхождение к земле мы встречаем и у Платона. **“Души называются бессмертными, когда достигнут вершины, выходят наружу и останавливаются на небесном хребте; они стоят, небесный свод несет в круговом движении, и они созерцают то, что за пределами неба. (...)**

Насладившись созерцанием всего того, что есть подлинное бытие, душа снова спускается во внутреннюю область неба и приходит домой”. (“Федр”, 247, с, е.).

Исходя из этих сопоставлений необходимо заметить, что если мифологические тексты в сочинениях Платона признаются всеми учеными — философией объективного идеализма, то нет никаких сомнений в том, что только по этим признакам все философские тексты в башкордском эпосе “Урал-батыр” также должны быть признаны научным миром — учением трансцендентального идеализма, (конечно, в духе Плотина, но ни как у Гегеля).

Вместе с этим в эпосе “Урал-батыр” четко высказана мысль о способности души превращаться в ночной туман, то есть в некую текучую бестелесную субстанцию наподобие Праны в индийской философии или Приведения в поверьях средневековой и современной Европы.

Таким образом древние башкорды считали, что душа может отделяться и путешествовать, как писал археолог-этнограф С.И. Руденко: **“Понятие о двойственности человеческой природы, о самостоятельном существовании души (□□) и тела выражается чрезвычайно определенно в некоторых рассказах башкир. По их убеждению, как только человек засыпал, душа оставляла тело и свободно странствовала; все, что она видела и делала, башкир, проснувшись, хотя и называл сном, но глубоко верил в несомненность и реальность его. (S. Roudenko, 1908, стр. 55).**

Иногда даже можно было видеть души, вылетающую из рта, засыпавшего человека, то в виде неопределенной формы белого комочка, то в виде мухи; при пробуждении она тем же путем возвращалась в человека”. (См. Руденко С.И. “Башкиры”. 1955, стр. 320).

Мысль и представление башкордов о том, что знание есть припоминание душой того, что было до рождения человека встречается и у Платона в “Федоне”, правда в более разработанном — философском виде. Так, Кебет говорит Сократу: **“...знание на самом деле не что иное, как припоминание: то что мы теперь припоминаем, мы должны были знать в прошлом,— вот что с необходимостью следует из этого довода. Но это было бы невозможно, если бы наша душа не существовала уже в каком-то месте, прежде чем родиться в нашем человеческом образе.**

Значит, опять выходит, что душа бессмертна”. (73, а).

Концепция о способности души человека отделяться от своего тела, является в “Риг Веде” основополагающей для всей системы мировоззрения ведийского индо-ария.

В гимне X “Риг Веды” говорится:

3. Сейчас мы вызовем дух
с помощью сомы, (...)
4. Да придет к тебе снова дух —
Для размышления, для силы действия, для жизни
И, чтоб долго видеть солнце!

Этому гимну предшествует одна ведийско-арийская легенда, которая служит отличным примером каким представляли себе душу создатели ведийских гимнов. Один царь увольняет своих четырех жрецов и нанимает двух новых.

Тогда старые жрецы насылают на царя болезнь, а в ответ на это двое новых жрецов колдовским способом отняли жизнь одного из четырех жрецов по имени Субандху. Тогда трое оставшиеся жрецов стали произносить заклинания на возвращение духа Субандху и смогли вернуть его к жизни. В этом гимне самым главным является стих 12, в котором говорится о способности духа человека выйти за пределы времени:

12. Когда твой дух ушел далеко
В то, что было, и в то, что будет,
Мы его возвращаем тебе,
Чтобы он здесь пребывал и жил.

В Упанишадах считалось, что душа человека во время сна переносится очень далеко от тела, и, например, Катапатха Брахмана не позволяет будить спящего человека резко и внезапно. (XIV, 7, 1, 12). Идентичное представление у башкордцев о путешествии души во время сна человека в начале XX века засвидетельствовал и С.И. Руденко, писавший: **“Спящих башкиры никогда не будили быстро, сразу, сначала окликали по имени, потом произносили его имя громче и затем уже начинали энергично будить. Считалось, что сразу будить спящего нельзя, ибо душа его в настоящий момент может быть далеко, не успеет вернуться в тело пробужденного, и он неминуемо и немедленно умрет. Случаи летаргии, когда человек обмирал на два-три дня и лежал как мертвый или глубоко спящий, башкиры объясняли путешествием на тот свет (Roudenko, 1909 г., стр. 132). Проснувшиеся от летаргического сна пользовались большим уважением, рассказывали о том, что видели в загробном мире и поучали народ.**

Башкиры верили, что душа человека, умершего неестественной смертью, выйдя из тела находилась первое время возле покойного (...).

Душа умершего, по представлениям башкир, нередко оставалась жить на земле среди людей, принимая своеобразный вид. Называлась она убыр или $\square\acute{e}\square\acute{e}\square$. (...). По ночам убыр в виде огня летал по земле...”. (См. С.И. Руденко. Указ. соч., стр. 320 — 321).

У Платона также встречается сходное с башкордским, если не полностью идентичное, мнение о том, что: **“душа, смешанная с телесным, тяжелеет, и эта тяжесть снова тянет в видимый мир. В страхе перед безвидным, перед тем, что называют Аидом, она бродит среди надгробий и могил — там иной раз и замечают похожие на тени призраки душ. Эти призраки как раз таких душ, которых расстались с телом нечистым; они причастны зримому и потому открываются глазу”.** (См. “Федон”. 81, d).

Мы специально и умышленно сопоставляем башкордские представления о душе с философскими текстами Упанишад и учением о душе у Платона, с целью показать, что все три типа мировоззрения генетически связаны между собой и происходят из одного духовного источника. Это можно доказать и с исторической точки зрения. Действительно, где жили предки современных греков — ахейцы до того как продвинулись на юг с северной части Балканского полуострова около 2000 г. до н. эры? С XII века до нашей эры с севера пришли дорийские племена. Историки прекрасно знают, что ахейцы и дорийцы до своего проникновения на Балканский полуостров обитали на юго-востоке Европы, и с ними граничили на северо-востоке ирано-язычными племенами скифов (саков) и савроматов-сарматов-аланов, которые безраздельно господствовали вплоть до нашествия гуннов (хуннов) на огромной территории, раскинувшейся от Алтая на востоке до Причерноморских степей на западе. Близкое генетическое родство древнеиранского, древнегреческого, ведийско-арийского языков давно установленный учеными-лингвистами научный факт. Генетическое родство и близость древнегреческой мифологии с ведийско-арийской ни у кого из ученых не вызывает сомнений. Следовательно, и все те основополагающие философские интуиции, лежащие в основе этих двух мифологических систем (древнегреческой и ведийско-арийской) должны быть с необходимостью тождественны друг другу. Например, ведийско-арийское философское учение о Карме, скрытое в древнегреческой мифологии под именем богини Адрастеи, восстанавливается в философии Платона на качественно новом концептуальном уровне в виде учения об трансцендентных Идеях. В башкордско-иранской мифологии птица-Ворон является материально-осязаемым, чувственно постигаемым живым фетишем космического закона, то уже в Упанишадах, а затем в Буддизме учение о карме

было доведено до совершенства и превратилось по существу в учение об Трансцендентных Законах, а в Греции у Платона — в учение об Идеях. Взойти от материального фетиша-идола и вознестись в уме до понимания Идеи как особого рода бытия неподверженного ни течению времени, независимого от физического пространства, для древнего человека стало возможным только и, исключительно после того исторического момента, когда он впервые осознал свои чувства и впечатления как особую “идеальную” бестелесную форму бытия своей собственной души. Иными словами, если ранее было оборотничество и переселение душ, то есть переселение из одного облика в другой, постоянный метемпсихоз во времени и пространстве, наподобие вечного колеса сансары в буддизме, то теперь душа сама признавалась особой идеальной субстанцией, обладающей собственной сферой бытия. Именно благодаря этому поистине грандиозному открытию человеческого ума все современные теоретические и абстрактные науки фактически получили юридический вердикт, дающий этим эйдетическим видам искусств право на самостоятельное существование. Но что все это для фетишизма и оборотничества, являющихся объективными законами живой природы? Какое дело для фетишизма и оборотничества до чего там еще додумался человек? Хочет того человек или не хочет вся его жизнь подчинена перевоплощению и оборотничеству.

Действительно, ни один человек не сумел бы никогда понять и усвоить математику, если бы изначально не признал главный закон фетишизма и оборотничества о перевоплощении одного числа в другое, как необходимый постулат! Если числа перестанут, перевоплощая одно в другом, то математика как наука исчезнет. Каждый здравомыслящий человек признает объективность существования математических законов. Но вместе с этим все знают, что нет на земле такой страны или континента под названием математика, поскольку сущность математики составляет Идея, а не материя как в химии или физике, которые сами всегда нуждаются в математическом осмыслении (анализ). Решая математические задачи и уравнения, ученые да и студенты видят их не только написанными на доске, но и видят их внутри себя, в уме. Вот это видение в уме идей и есть вхождение человеческого разума в мир идеальных сущностей. В древнегреческом языке корнем слова — идея “idea” (понятие) является слово eidos “вид”.

По сведениям, изложенным в трудах С.И. Руденко, мы можем с достоверностью констатировать, что башкорды представляли душу человека как некую идеальную сущность, которую можно созерцать как и математические числа, в момент когда душа покидает тело во время сна или смерти. Самым главным здесь было то, что,— повторим еще раз — древние башкорды, они же иранцы сако-массагеты в надписях Ахаменидов, признали, как и большинство ведийско-арийских народов того времени — наличие во Вселенной особой области бытия, понимаемое как царство самих идеальных сущностей. Во время сна душа человека, как думали предки башкордов сако-массагеты, возносится в эту идеальную область, а резкий или громкий звук может испугать душу, и она не успеет вернуться в тело пробужденного, и человек этот неминуемо умрет. Как мы видим, возможно, сам того не ведая, этнограф С.И. Руденко зафиксировал у башкордов философское учение о звуко-духе известное еще в Упанишадах.

Концепция звуко-духа или духозвука — есть философское учение о Вибрации Божества — энергии различного типа и уровнями концентраций, которое затем разделяется на звук, цвет и форму, благодаря чему бесформенное становится формой, из чего и рождается наша Вселенная.

Именно в умении человека погружаться умом в состояние звука-духа и заключается суть психофизических упражнении индийской йоги.

Насколько хорошо античные греки были осведомлены и знали не понаслышке о йогах и шаманах-багнапатах у древних башкордов-гепирбореев (сако-массагетах) нам оставил историческое подтверждение Геродот. Во-первых, нужно упомянуть имя Абариса: “который, как говорят, так же был гипербореем: он странствовал по всей земле со стрелой в руке и при этом ничем не питался”. (См. Геродот, IV, 36). Индо-иранское имя Абарис ученые связывают с апарнами (кочевое племя иранцев на Алтае, впоследствии называвшееся аварами).

Абарис жил якобы во времена Креза и обходил всю землю со стрелой символом Аполлона (см. примечания Г.А Стратановского к Геродоту. М., 1993, стр. 649). Платон в диалоге “Хармид”, названного в честь родного дяди (брат матери), устами Сократа упоминает об Абарисе — гиперборейце вместе со скифским (сакским) жрецом-шаманом Залмоксидом (Салмоксис). Причем, диалог этот на самом деле пересказан самим Сократом в 431 г. до н.э., когда Сократ вернулся из-под Потидеи, где участвовал в ее осаде. Хармид — дядя Платона страдал от головной боли и решил довериться старинному заговору, о котором Сократ сам поведал: **“Научился же я ему, когда находился там при войске, у некоего фракийского врача, из учеников Залмоксида: считается, что врачи эти дают людям бессмертие”**. (156, d). Сократ согласился излечить Хармида, только, если тот позволит Сократу сделать наилучшим его разум: **“Дело обстоит вот каким образом: если тебе уже присуща рассудительность,(...) и ты достаточно разумен, ты не нуждаешься ни в каком заговоре — ни в Залмоксидовом, ни в том, какой есть у Абариса-гиперборейца...”**. (158. В).

Само имя скифо-гетского, а точнее — сако-гетское, масса-гетского чудотворца Залмоксиса — Салмоксиса исконно иранское. Так, из Авесте мы знаем, что именем Сайрима — Сальм (р > л) назывался сын Трайэтаона (Фаридуна), к которому после раздела земли в Арийанам Вэджа (территория обитания индогерманских племен до II тысячелетия до н.э. от Алтая на Востоке до Карпат на западе) достались в наследство земли на Западе, где в эпоху Платона обитали геты-гауты, предки современных немцев и англичан. Древние геты (готы, гауты) являлись близкими родичами саков-массагетов, намного ближе чем современные корды и англичане. Возможно, что и этноним — франки восходит к иранскому — фрэнги “чужеземец, инородец, нацмен”. Эти геты обитали во Фракии, тогда когда Геродот писал о народе Сигины, жившем на севере Фракии и, о том, что эти Сигинны считали себя потомками Мидийских переселенцев (Геродот, V. 9).

Мидийцы — они же более древние Митанны являются предками современного кордско-иранского народа, которые в свою очередь имеют прямое родство с башкордами Урала. Позднее, в древнеримских источниках земли на Севере Фракии получили название Сарматия и Дакия, то есть от этнонимов ирано-язычных дахов и сарматов. Насколько сарматы были близки башкордам Урала можно судит по тому, что одно из крупных родоплеменных объединений башкордов носит древнеиранское имя — юрматы (с > й). Ирано-язычные сарматы и родственные им Аланы проживали на Севере Фракии в Сарматии вплоть до нашествия в IV веке гуннов, с которыми смешались и породили новый этнос — Хунгары или Мадьяры. Сами хунгары, мадьяры фактически признают, что в процессе формирования венгерской нации башкордский народ сыграл весьма важную роль.

Таким образом мы установили, что пребывание ирано-язычных народов (гетов, сарматов) на севере Фракии было постоянным и долговременным, что в свою очередь дает все основания считать имя Сайрима, Сальм (р > л) — Салмоксис (греч.) исконно авестийско-иранским. Поскольку Сайрима — Салм был по иранской традиции убийцей — фрэнгом Айрии, то вполне возможно, что сами

корды-иранцы и прозвали его именем — Золом (Залмоксид — греч.), что означает — “тирания, насилие” и Золмдар “угнетатель, злодей”. Имя Абарис соответствует — “убыр, людоед” в башкордском языке.

Сомневаться в существовании Залмоксида мы не можем, поскольку сами древние греки (чье бытие никто не оспаривает) признавали его реальной исторической личностью.

О Залмоксиде писали такие древнегреческие писатели, как Платон, Геродот (IV. 95), Диоген Лаэртский (VIII. 1, 2), и, если, не верить в его существования, то тогда нельзя верить и этим писателям. Разве можно не верить самому Платону, но верить в то, что он написал? Конечно нет.

Платон упоминает о Залмоксисе вместе с магом-багнапатом Абарисом, который также был заклинателем от болезней. В древнегреческих свидетельствах об гиперборейском маге Абарисе говорится, что по преданию он получил от Аполлона золотую стрелу, с помощью которой стал летать по воздуху. Порфирий (Vit. Pyth., 29) писал об этом так: “ — недаром Эмпедокл и прозван был Ветроотвратителем, Эпименид — очистителем, Абарид — воздухобежцем, как будто он получил в дар от Аполлона стрелу, на которой перелетал и реки, и моря и бездорожья, словно бежал по воздуху”. Все эти рассказы о полете Абариса на стреле точно соответствуют башкордскому мифу о полете Урала на волшебном посохе — h□k□□□□ и о получении в дар Торна — Хаубеном стрелы бога Суры. С другой стороны не приходится сомневаться в серьезном отношении к этим сако-массагетским (гиперборейским) мифам таких крупных философов-мыслителей как: Платон, Порфирий, Ямвлих, Диоген Лаэртский, Геродот, поскольку для них сако-массагеты, скифы, сарматы, геты, аланы были не мифическими, а реальными народами.

Весьма знаменательным выглядит и тот факт, что этот миф о шаманском полете Абариса сохранялся в античной Греции на протяжении очень долгого исторического времени начиная, допустим с Платона (427 — 347 г. до н.э.) и кончая Порфирием (234 — 305) и Ямвлихом (245 — 330).

Вместе с Абарисом у древнегреческих писателей упоминается и Аристей из Проконесса, который совершил путешествие к исседонам и аримаспам (башкорды рода Аримес, в составе племени Гайна). Этот Аристей, по сообщению Геродота (IV. 13 — 15), умел как бы умирать, а затем оживать вновь, но во время его реальной смерти его душа отдалялась от тела и путешествовала в других местах, где ее видели как подлинного Аристея и разговаривали люди. Эти шаманские трюки исполняют и исполняли всегда индийские йоги, достигшие определенного высокого уровня саморазвития.

Для нас важно указать на тот важный исторический факт, что сведения о йогах древние греки первоначально получили не из Индии, где впервые появились как воины Александра Македонского после 329 года до нашей эры, а из Южного Урала — Гипербореи, от Дахо-Массагетов. Во всех греческих рассказах встречаются одни и те же символы — стрела Аполлона, ворон и вознесение на небо, но разгадать их можно только сверив с башкордской индоиранской мифологией. Так, ворон — священная птица Аполлона у Аристея является вороном-Хозяином Мирового порядка и времени из башкордского эпоса “Урал-батыр”, идентичного ведийско-арийскому божеству Варуне — повелителю Риты — Мирового порядка. Насчет стрелы А.Ф Лосев писал: **“Таким образом, Абарис — выходец из гиперборейской страны, кудесник-чародей, оперирующий в борьбе с разными бедствиями стрелой Аполлона. Стрела здесь — типичный хтонический и фетишистский символ, в котором сплелись самые разнообразные представления о животворящих и дезинфицирующих лучах солнца, о магическом жезле или палочке, а также и об оружии для стрельбы.**

Образ этой стрелы, конечно, очень древний и восходит ко временам палеолита, однако не раньше позднего палеолита и месоолита, поскольку лук и стрелы появились именно накануне неолита.” (См. А.Ф. Лосев. “Античная мифология”. 1957, стр. 410).

В руках Урал-батыра волшебный посох-**h□k□□□** останавливал наводнение, мог стать невидимым, вызвать огонь и герой взлетал на нем в небо за птицей лебедем — Хомай к самому Солнцу — Сам-Рау. Судя по мифу, посох необходимо было держать всегда в руках, а утеря означало и исчезновение волшебной силы. Мы уже говорили, что древнеиранские жрецы-багнапаты во время служения священному огню держали в руках тамарисковые ветви, как и башкордский **□□f□□□□-□□□□□** во время охоты и изгнания духов.

Вполне очевидно, что посох Урала и стрела Абариса, (имя которого этимологически тождественно башкордскому Убыр “упырь, вампир”) и бахршом-барсом зороастрийского багнапата-заотара имеют единый источник своего происхождения. В этом отношении интересен обычай скифов-саков (дахо-массагетов) о котором нам сообщил Геродот: **“У скифов есть много предсказателей. Гадают они с помощью множества ивовых прутьев следующим образом: приносят огромные связки прутьев и кладут на землю. Затем развязывают пучки и каждый прут один за другим раскладывают в ряд и затем изрекают предсказания. При этом гадатели вновь собирают прутья по одному и опять складывают. Этот способ гадания у них унаследован от предков.”** (IV, 67).

Как мы знаем из сообщений Платона, Порфирия, Ямвлиха этот Абарис-гипербореец был магом-предсказателем и заклинателем, причем один из его гиперборейско-башкордских заговоров выучил наизусть Сократ, который позднее применял при “лечении” больной головы Хармида, сына сестры матери Платона, то есть, по нашему дяди.

Все знают, что древние люди верили, что заговором можно лечить и отвращать несчастья. Интересное наблюдение о происхождении некоторых слов, связанных с этим поверьем приводит проф. А.А. Тахо-Годи в своих примечаниях к “Диалогам” Платона: **“В древности верили, что заклинаниями можно лечить болезни. Это представление основано на действительном наблюдении: определенным образом подобранные слова воздействуют на психику, помогают больному справиться с физическим недугом, Лекарь — тот, кто правильно подбирают слова (корень слова “лек” указывает на выбор чего-то и затем собирание в целое, т. е. на произнесение и чтение вслух); лечить — воздействовать с помощью правильно подобранных слов (сравните: латинск. — lego “читаю, собираю” elegans — “избранный” и т.д.”** (См. Платон. “Диалоги”. М., 1986, Примечания, стр. 555).

Необходимо указать на соответствие корня латинского слова lego “читать” с башкордским — **“□□f□□□з□□”** “болтать, тараторить”, а также происхождения башкордского глагольного — **□□□□□з□□** “лепетать” от иранского — лаб “губы”.

Стрела — посох, на котором летал Абарис (убыр) одновременно предстает и символом охоты и вполне закономерно возникновение в мифе и образов птиц. Так, стрела была подарена Абарису по преданию Аполлоном, священными птицами которого являлись ворон и лебедь. Аристей из города Прокопесса в Малой Азии был как ворон спутником Аполлона у Геродота и образ Ворона соответствующий ведийскому Варуне прекрасно известен и представлен в башкордском предании “Урал-батыр”. Образ лебедя-Аполлона в башкордской мифологии заменяет образ богини-лебедя Хомай. Аполлон почитался богом Солнца, лучи которого назывались греками — стрелами Аполлона, одну из которых бог подарил башкороду — гиперборею Абарису — убыру. По всей

видимости этот рассказ в греческих преданиях есть не что иное, как чистый пересказ башкордских (у греков гиперборейского) мифов о передаче Хомай-Солнца своего небесного, сверкающего меча Уралу и получении Торна — Хаубеном лука со стрелами, от старика Тараула (Тара “звезда” санскр.), принадлежащего некогда Суре (Сурья — бог Солнца санскр.)

Самое главное и существенное в этих мифах составляет восхождение героев — Абариса (убыр), Урала, Торна — Хаубена к небесам и полеты по воздуху как сако-индийские йоги — сиддхи. Мы уже подробно говорили, что башкорды верили в способность человека восходить к небу по лучам Солнца. Но только с того исторического момента, как у башкордов сложилось понятие о Душе как самостоятельной идеальной субстанции стало возможным выработать и создать идеалистическое учение о световом восхождении человека к Солнечному Божеству методом созерцания умом его лучей-энергий. Однако, за этим исконно башкордским ведийско-арийским идеалистическим философско-религиозным учением о свето-смысловом восхождении человека к божеству стоит древнее фетишистско-анимистическое представление о лебедях (перелетных водоплавающих птицах) как дочерях Солнца, следуя за которыми человек может взойти на небо и достичь самого Божества — Самрау.

Именно женственность лебедя-Хомай в башкордской мифологии и является ярким доказательством именно уральских истоков ведийско-арийской мифологии, ставшей основой для возникшей из нее позднее индийской философии. Образ Матери-Лебеда уносит нас к эпохе матриархата, тогда как образ Гуся-Брахмы свидетельствует уже о более поздней форме мышления в истории развития человеческого сознания именуемой — патриархат. На ранних ступенях своего исторического развития человек полностью зависел от природы, и только потреблял готовые продукты, а не производил их сам. В родовом обществе отсутствовали все социальные институты отношений, кроме одного — биологического. Мать — глава родовой общины как и природа, кормящая своих детей, является прообразом и сущностью идеологии известной как — матриархат. Матриархат потому и является первичной формой общественного сознания, потому что все социальные и правовые отношения, природно-климатические законы и явления понимаются — биологически, через призму построения структуры кровнородственной семьи, во главе которой стояла Мать — прародительница.

Именно эти материально-социальные отношения, подчинения верховному женскому божеству — лебедю с иранским именем Хомай мы встречаем в башкордском эпосе “Урал-батыр”, которому без малого уже четыре тысячи лет.

Одним из ярких рудиментов эпохи матриархата является описание группового по существу брака Урал-батыра с четырьмя богинями и царицами. При этом не надо забывать о способности Урал-батыра возноситься в небеса и летать по воздуху точь-в-точь как божество любви Эрос (Йар “любить” башк.) у древних греков.

Патриархат является — следующей, последующей матриархату ступенью общественных отношений и формы мышления в истории развития человеческой истории.

Развитие производительных сил в первую очередь предполагает умение человека различать производственные отношения от кровнородственных, биологических связей. Поскольку женщина, связанная с деторождением менее активна на охоте, особенно в регионах севера, то постепенно все организационные функции внутри родовой общины перешли от женщины — Матери к мужчине — Вождю и Воину. Изменения в общественном сознании, вызванные с приходом новых патриархальных отношений затронули и ведийско-

арийскую мифологию. Женское божество лебедь — Хомай превратилась в Хамсу — Брахмы. Слова Хомай и Хамса “гусь” (санскр.) происходят из одного корня.

Способность отделять понятия о предмете от самого материального предмета, как мы убедительно показали, на примере башкордской мифологии позволило древним ведическим индо-ариям создать идеалистическое учение о человеческой душе и всевозможных добрых и злых духах, заполняющих пространство от Земли до Солнца, то есть от человека до уровня мира богов на небе.

Нет никаких сомнений, что ведические арии, по крайней мере жили на Севере и ежегодно наблюдали прилет вместе с первыми лучами весеннего солнца бесчисленной стаи перелетных гусей, после чего начиналось таяние снегов, проступала земля и происходило великое таинство — сотворение Вселенной. Индийский ученый Б. Тилака считал, что гимны “Риг Веды” были созданы к□□□□□□ □ □□□□ во время пребывания ведических индо-ариев на своей древней Арктической Прародине, определяемый им периодом от 6000 до 4000 гг. до нашей эры. Это мнение Б. Тилака абсолютно верно, поскольку близкое родство германских языков к языкам индоиранской группы показывает, что древняя Прародина ведических ариев создателей гимнов “Риг Вед” действительно располагалась на севере, от Арктического побережья до южных отрогов Уральских гор. Именно с севера, с Урала вслед за гусем, почитаемого ваханой Брахмы и двинулись орды диких и необузданных ведических ариев, на юг и заселили первоначально территорию Средней Азии и Иранское нагорье, что подтверждают ведийско-арийские изоглоссы митаннийского языка и присутствие в Месопотамии кордского рода Зангене или Чагана. Эта первая волна ведических ариев поклонялась дэвам и не почитала асуров.

Во втором тысячелетии до нашей эры с Южного Урала и Западной Сибири хлынула вторая волна ариев, но уже их иранской ветви, которые почитали только — асуров и не почитали дэвов. Доказательством этому служит соответствие древнеиранских божеств — Асуров скандинавскому мифологическому классу небесных божеств — Асам.

У башкордов, как и у иранцев и скандинавов — Сура отец Тора — Хаубена положительный персонаж, а класс демонов — дэвов ярко выраженный — отрицательный.

Фонетика и лексика башкордского языка имеет общие корни с фонетикой и лексикой как английского (германского), так и кордского (иранского) языков.

Нет ни одного археологического или исторического факта, говорящего о приходе ведических племен индо-ариев на Южный Урал из Индии. Наоборот, все исторические факты свидетельствуют о том, что миграции индоиранских народов происходила с Севера — Южного Урала, Западной Сибири на юг — в Индию, Иранское нагорье. Из этого следует, что башкорды являются древним исконно автохтонным населением Южного Урала.

Имя — Брахма

в башкордском, английском, кордском языках

Имя ведийско-арийского бога-творца Вселенной-Брахмы родилось весной на севере, в частности, на Южном Урале и только затем, много тысячелетий спустя, вместе с индийско-иранскими племенами проникло на территорию Индии, где к настоящему времени большинство индуистов напрочь забыло его древнее семантическое значение.

В башкордском языке слово —□□□□ означает “почка” (бот.), “семя почка”, “семенной зачаток” — набухание почек весной. Такая красная цветом ягода как —

костяника, широко распространенная на Южном Урале называется башкордами $\square\theta\square\text{з}\theta\square\text{э}\square$. $\square\square\square\square\square$ образом \square самым $\square\square\square\square\square$ $\square\square\square\square\square$ „ $\square\theta\square$ в башкордском языке вложено значение — зачатие, и, самое главное — разбухание, набухание. Во французском языке слово того же корня — *bourgeon*, как и в башкордском языке означает — почка (на деревьях).

В кордском-иранском языке слово такого же корня: бар означает “плод”.

В английском языке слово — *born*, слово того же корня, означает — рождаться, родиться.

Вряд ли кто-то будет отрицать тот биологический факт, что зачатие и набухание (живота у женщин, почек на деревьях) в природе происходит прежде и раньше рождения (ребенка у матери, плодов на деревьях).

И в этом отношении употребление башкордами Урала слова — $\square\theta\square\theta$, $\square\square\square\square\square$ $\square\square\square\square\square\square\square\square\square\square$ по значению нежеле чем в языке англичан или иранцев, иными словами башкорд, увидев еще только зачатие, уже говоря — плод, тогда как англичанин говорит — *born*, когда ребенок уже родился Вторую часть Брахма составляет корень — хм. Этот этимон уже безусловно чисто индоиранского происхождения, Так, в кордском языке слово — *him* означает — “основа”, “базис”, “фундамент”, “основание”.

Брахмо и почитался ведическими ариями — основателем Вселенной, суффикс — “о” восходит к показателю звательного падежа единственного числа имен мужского рода в кордском языке. Именно в звательном падеже в молитвах и гимнах обращались ведические индо-арии к своему богу-творцу Брахме, еще в ту эпоху, когда индо-ирано-германские племена составляли один единый этнос и обитали на территории от Южного Урала до Арктического побережья на Севере. В современном толковании, в частности, Б.В. Мартыновым слово — Брахман этимологически означает “расширяющийся”, “простирающийся”. (См. указ. автор Упанишад. М., 1999, Примечания. Стр. 234).

Таким образом, мы еще раз убедились в точном этимоло-семантическом тождестве башкордского слова — $\square\theta\square\theta$ “расширяться”, “набухать”, “беременеть” с ведийско-арийским — Брахман “расширяющийся”.

Имя — Вишну

в башкордском, английском, кордском языках

В санскрите этимон этого слова — *viś*, $\square\square\square\square\square\square\square$ “ $\square\square\square\square\square\square\square\square$ ” \square “ $\square\square\square\square\square\square$ ”, $\square\square$ $\square\square$ $\square\square\square\square\square$ $\square\square\square\square\square\square\square$ \square $\square\square\square\square$ $\square\square\square\square\square\square\square\square$ $\square\square\square\square\square\square$ $\square\square$ $\square\square\square\square$ - $\square\square$ $\square\square\square\square$ абстракцией, а наоборот с ярко выраженной, чувственно-осязаемой материально-вещественной предметно-наглядной стихией или средой.

В кордском языке глагол: $w\text{э}\square\square\square$, $w\text{э}\square$, $w\text{э}\square\square$ $\square\square\square\square\square\square\square$ “ $\square\square\square\square\square\square\square$, $\square\square\square\square\square\square\square$, $\square\square\square\square\square\square\square$ ”. $\square\square\square\square\square$ $\square\square\square\square$ \square $\square\square\square\square\square\square\square$ $\square\square\square\square$ „ $\square\square$, $\square\square\square$ $\square\square\square\square\square\square\square$ “ $\square\square\square$, $\square\square\square\square\square\square$ ”. \square $\square\square\square\square\square\square\square\square$ $\square\square\square\square$ $\square\square\square\square\square$ „ *wash* означает “мыть, стирать”. В башкордском языке слово — *йеуеш* означает “мокрый”. Как видим все корни слов в трех языках этимологически тождественны друг другу. Семантика этих слов говорит и подразумевает — влажную, мокрую среду причем не называя по имени, а только подразумевая — водную стихию.

Дожди и таяние снегов, то есть рождение водной стихии на Севере происходит с наступлением тепла весной, уже после прилета водоплавающих птиц. Древние ведические арии полагали, что гусь — Брахма как лебедь — Хомай у башкордов приводит дожди весной вместе с собой, которые осыпаются — $w\text{э}\square$ (кордск.) с небес и омывают — *wash* (англ.), а затем и увлажняют — *йеуеш* ($\square\square\square\square$.) $\square\square\square\square$ „ *erde* (немец.). Это перемещение солнцедождей, гуся — воды

или Брахмы — Вишну и было истолковано ведическими ариями как три знаменитых шага Вишну.

В целом необходимо особо выделить и подчеркнуть ту небывалую умелость, с которой ведические арии были способны найти лексическое выражение в своем языке которое бы точно соответствовало их чувственно-созерцательным ассоциациям.

Имя — Шива

в башкордском, кордском и английском языках

В кордском языке слово — шэ□ означает “ночь”, а слово — шив “ужин”, то есть опять вечернее время, когда солнце клонится к закату. Ночью вся жизнь на планете как бы останавливается и замирает.

На Севере, на Арктическом Урале, где в древности обитали предки современных англичан, башкордков и кордов, жизнь природы как бы разрушается и замирает на долгие месяцы. Целых полгода на земле царствует Ночь, которую корды, индо-иранцы называют — Шэ□.

□ □□□□□□□□□□ □□□□□ □□□□□ „ □э□эk “вечерняя заря”, “рассвет”. Оба значения абсолютно соответствуют друг- другу, поскольку после окончания Полярной Ночи около месяца стоит светлая “швета” (санскр.) погода, но Солнца не видно на небосводе, так как Солнце еще не поднялось и не перешло через линию горизонта. Полярная ночь является смертью и одновременно рождением новых форм жизни для биологических видов, и учитывая, что все млекопитающие рождают своих детенышей по весне, которые зачаты и вынашивались в течении всей зимы, то неудивительно, а как раз вполне закономерно, что божество Ночи — Шива стало ассоциироваться и почитаться фаллическо-оргастическим божеством и его символом был мужской лингам — фаллос. В этом случае представляет определенный интерес нижеследующий ряд этимологических сравнений.

Так, в кордском языке — шьв означает “прут, побег, ветка” и “толстая палка”, наконец, другое слово — шьвдар означает “дубина, палица”.

В английском языке слово — shaft “древко” (копья), затем 1) копье, 2) стрела, 3) колонна, 4) штиль. Другое английское слово того же корня — shift означает “изменение, смена, перемена” и “перемещение”. Все три башкордско-английско-кордские слова известны по “Риг Веде” в ведийском “санскрите”.

Брахма — творец мира, Вишну — хранитель космической энергии и Шива — разрушитель Вселенной составляют в индуизме божество Тримурти, обычно переводимое как “обладающий тремя обликами” и трактуемое учеными-индологами как божество представление о котором “сложилось сравнительно поздно”. Однако, это совсем ошибочное мнение, поскольку в английском языке слово three означает “три”, а у кордов уже — се. Следовательно это имя проникло в индо-арийскую мифологию очень и очень давно, а точнее в эпоху, когда английский и кордский языки еще не имели столь сильных различий в фонетике, тем более что в башкордском языке до настоящего времени сохраняют авестийско-иранские и “английско-авестийские” интердентальные спиранты — с (th, как в слове think) и з (th, that). Санскритское слово — мурт (три мурти “трехглавый”) в башкордском и кордском языках звучит — мард “герой, великодушный мужчина”. Мардами, марами и матиенами Геродот в своей “Истории” (I, 84, 125; III, 94; VII, 79; I, 72; III, 94; V, 49; VII, 72) называет предков современных кордов.

Таким образом, мы выяснили, что имена и образы главных богов индуизма: Брахмы, Вишну, Шива составляющие онтологическую триаду Тримурти в

индийской философии исторически, первоначально возникли на Урале, в эпоху индогерманского единства, как боги действия, а затем в эпоху великих ведийско-арийских завоеваний проникли на территорию Индии, став неотъемлемой частью индийской философии.

Ведийско-арийское имя — Кояш

в башкордском, кордском и древнеиндийском-арийском языках

Башкорды, живущие на Урале, на территории древней Прародины индоиранцев, на своем родном башкордском языке, который отличается от всех тюркомонгольских языков своей авестийско-английской фонетикой называют Солнце именем — Кояш.

Это исконно индоиранское слово, так в санскрите слово — Каша означает — Солнце, а производное от этого корня слово — Кешава “лучистый” являлось эпитетом бога Вишну — Кришны, сохранившиеся с того времени, когда Вишну представлялся как олицетворение Солнца. Лучи Солнца — каша воспринимались как его волосы — кудри кешава, наподобие златокудрого Аполлона в древнегреческой мифологии. В Махабхарате (середина I тыс. до н. эры) город Бенарес назван своим более древним именем — Каша “Солнечный” (См. Бхагаватгита, гл. I. Отчаяние Арджуны, 5). В башкордском языке, равно как и кордском-иранском слово — $k\text{□}\text{□}$, қаш означает: “блестящий”, “драгоценный камень” или “камень, излучающий золотистые, блестящие лучи”. Другое слово того же корня — Кашка в башкордском языке означает — Белое пятно на лбу, на теле, на челе — Животных

Слово Куси — черепаха в кордском языке, слово того же корня Кашьяпа в древнеиндийском языке означает — Черепаха, в которую превратился божество Праджапати (Владыка существ) уже в эпосе, слившиеся с Брахмой. Праджапати — Брахма став гигантской черепахой посреди космических вод осветил всю Вселенную при сотворении мира. Позднее, в индуистской мифологии Кашьяпа из божества превратился в сына Брахмы, одного из семи мудрецов — риши. Вивасвант “сверкающий” бог восходящего Солнца известный и в “Авесте” как — Вивахвант, почитается как его сын, а Ману у иранцев Мануш (и Манн, сын Туисто в германской мифологии) прародитель всего человечества почитается как внук Кашьяпы.

Возвращаясь к истокам происхождения этого слова необходимо указать, что сам корень слова зафиксирован башкордском языке в двух значениях: 1) Солнце как светило и 2) драгоценный камень, испускающий блестящие, золотистые лучи — кашава (санскр.).

В кордском языке в свою очередь лексически зафиксировано два значения одного и того же этимона, это 1) камень — қаш и 2) $k\text{□}\text{□}\text{□}$ “черепаха”. Поскольку кордский язык относится к индоиранской группе арийских языков, а язык кордского племени — зангене имеет непосредственное родство с древнеиндийскими языками, то нет никаких сомнений в том, что в кордском языке в его древние арийские периоды существовало и слово — Каша “Солнце”. Сомневаться в этом не приходится, поскольку в древних клинописях хурритов зафиксировано имя мифического божества — Кашку. Индо-иранцы, известные под более принятым в науке названием — Ведические арии до своего исторического марш-броска и вторжения в северную Индию и Иранское нагорье обитали в своей основной массе на Южном Урале, в Западной Сибири и на Алтае. Башкорды являются историческими преемниками и потомками ведических ариев, что в последнее время подтвердили и археологические находки на Южном Урале ведийско-арийских городов (Аркаим) и, одновременно с этим по времени установления

наличия родства кордского и башкордского языков. О том, насколько сильным и превосходящим было культурное воздействие древних индо-иранцев на подчиненные и колонизированные ими тюрко-татарские племена, можно судить хотя бы только по одному тому факту, что исконно ведийско-арийское слово, известное еще в индийском эпосе — Каша стало названием Солнца — Кояш в ряде современных тюрко-алтайских языков. Именем Каша “Солнечный” назывался некогда город Бенарес (совр. Варнаси) в Сев. Индии. Именно в “Солнечной — Каши” городе Бенаресе мудрец из рода Сакьев Будда — Сакьямуни произнес свою знаменитую вторую речь “О не существовании Души”. У башкордов — массагетов “Великих Саков”, наоборот, учение о Душе как о самостоятельной идеальной субстанции, способной переселяться после смерти человека в другое тело сохранялось с древних времен вплоть до нашего времени. Иными словами, если бы еще на Урале ведические арии не выработали учение о самостоятельности души, то Будда из рода Саков не создал бы свое учение о путях выхода из сансары и не произносил своей знаменитой речи в Солнечном городе Каши — Бенаресе (Варанасе) в долине Ганга на севере Индии.

Учитывая как исконно ведийско-арийское учение буддизм стремительно распространилось среди многих народов (китайцев, японцев, вьетнамцев, тайландцев, индонезийцев, бурят-монголов), то нет никаких сомнений в том, что и ведийско-арийское слово — Каша “Солнце”, у башкордов Урала произносится — Кояш, распространилось со временем и среди подчиненных индо-иранцам и плативших им дань пушниной тюрко-алтайских и татаро-монгольских племен.

Ом, аум — омэ

□ □□□□□□□□□□ □□□□□ □□□□□ „ □□□□ означает “сборище”, а слово — □□э “собрание” людей.

В ведийском санскрите термин — Аум традиционно отождествляется с верховной божественной триадой: творцом Брахманом, богом-хранителем всего живого Вишну и богом-разрушителем-обновителем Шивой.

Ом: слог — символ в ведийском богослужении употребляется при начале совершения обряда, а затем и при его завершении в знак окончания.

Священный слог Ом, состоящий из трех звуков — “А”, “У”, “М” — символизирует Создателя, Держателя и Преобразователя миров. Слов Ом для индийцев символизирует божественное Триединство и воплощает в звуке концепцию Тримурти, который является божеством — объединителем, — □□э (□□□□. „ □□э „ □□□э „ □□э), соединяющий в себе три мира — физический (Bhuh), мир— эмоций (Bhuvah) и мир ментальный (Svah).

Самое удивительное заключается в том, что несмотря на прошедшие тысячелетия с момента исторического разделения и отделения башкордов Урала от индо-иранской культуры священный символ-слог — Ом (Аум) сумел сохраняться в современном башкордском языке в своем древнем семантическом значении — Собор “Омэ”.

Атман — Azəm и Пуруша — Пэрей в башкордской мифологии и индийской философии

Башкордская гносеология является онтологическим доказательством бытия Бога. Понятие о Божестве у человека — есть понятие о существе Всевышнем, то есть понятие о Трансцендентном. Для древних башкордов вся Вселенная была разделена на три мира: первый, самый реальный — мир нашей планеты, созданной из тела космического гиганта Урал-батыра; второй — Высший мир,

располагался в Верхнем — светлой части космоса, это мир — лучезарной Хомай и бога солнца Самрау и третий, низший мир темной стихии, Мир идеальной, но темной материи, куда никогда не проникает ни одного животворящего луча солнечного света. В башкордской мифологии отсутствует концепция ада и рая, поскольку эти смутно-теоретические понятия даже и для современного человека у древних башкордов выступают как принципы для практической деятельности в повседневной жизни. Иными словами, человек обязан был заниматься практической гносеологией и путем обряда восходить к солнечному божеству, дабы слиться с ним. В противном случае человек неумолимо скатиться вниз в мир слепой, темной и необузданной материи потеряет свое Я и уже никогда не сможет подняться к божеству, держась или восседая на золотистом луче света, который богиня Хомай посылает людям бесчисленное количество раз в их земной жизни.

Башкорды, уже в древности постигли природу Души человека, как неизменяемую течением Хроноса (времени) — идеальную субстанцию

Это “научное” открытие в области психологии и физиологии человека вызвала впоследствии грандиозные изменения в древнебашкордской гносеологии, заставив людей полностью переосмыслить и пересмотреть саму фетишистско-обрядовую концепцию о Предмете и Содержании Знания. Раньше, в предшествующую эпоху фетишизма, оборотничества и анимизма, древние башкорды были наивными реалистами в философском, повторяю, именно в философском смысле этого термина.

Как мы уже показали выше, реализм мышления человека в эпоху фетишизма и оборотничества основан на принципе тождества идеальных сущностей материальным вещам. По этой причине любой материальный объект становится одновременно и носителем души. Определенные комбинации материальными вещами, производимые древними людьми, стали базисом и основой для последующих религиозно-культурных обрядов, например, лить воду в костер — плохо, а класть сухие поленья, дабы усилить и поддержать огонь — Благо. Отсюда и воскуривание и возжигание огня перед Божеством Агни, Ахура Маздой, Одином у древних индо-германцев. Ведические арии сжигали тела своих покойников по той причине, что настолько сильно верили, что даже “видели” как усопший оживает в огне и возносится на небеса по языкам пламени, исходящим от жертвенного костра. Средневековые геты — гауты (англичане) даже отколовшись от предков башкордов-Массагетов, что подтверждает и авестийско-иранская фонетика двух языков, продолжали сжигать тела своих жрецов и вождей на погребальном костре, тем самым помогая усопшей душе человека взойти на небеса в мир богов — Валхаллу. Ритуал и обряд сожжения вождя гаутов — англичан описан в знаменитой англосаксонской поэме — эпосе “Беовульф”, записанной в 1000 году, в 43-ей песне говорится:

Костер погребальный воздвигли ведеры,
Мужи дружинные, украсив ложе
Щитами, кольчугами, как завещал им
3140. Дружиноводитель, еще при жизни, —
Там возложили на одр возвышенный
Скорбные слуги старца-конунга;
И скоро на скалах вскипело пламя,
ратью раздутое; черный взметнулся
Дым под небо; стонам пожара
Вторили плачи (ветра не было);
Кости распались, истлились мышцы,

Сгорело сердце. Герои — сородичи
Горе оплакивали, гибель конунга,
3150. и некая старца там причитала
простоволосая выла над Беовульфом.
.....

(12) Дым от кострища растаял на небе;
Десять дней насыпали гауты
Курган высокий над прахом владыками
Бугор могильный, заметный издали.

(Пер. В. Тихомирова).

В башкордском эпосе богиня Хомай также оплакивает смерть Урала и также, как и в английской поэме, над могилой восстает холм, названный впоследствии Уральскими горами.

Самое интересное заключается в том, что нигде ни в англосаксонском поэтическом эпосе, ни вообще во всей германо-скандинавской мифологии не говорится абсолютно ничего, почему обязательно необходимо сжигать тела своих вождей — конунгов на погребальном жертвенном костре. Иными словами мы имеем сакральный обряд без мифа, который должен был как, допустим современная идеология объяснять людям цели, задачи и значение их религиозно-магических действий в процессе исполнения ритуала сожжения усопшего вождя — конунга.

Ключом к объяснению значения обрядов сожжения своих усопших вождей и жрецов индогерманскими народами в древности является башкордская мифология, где ясно и четко показано как по лучами Солнца — посох, дерево — способное гореть и излучать пламя — Урал-батыр взошел на небеса в царство Самрау, Хомай, Айхылыу, Кояш.

Совсем не случайно, что Ибн Фадлан, посланник багдадского халифа, описал ритуал сожжения усопшего вождя скандинавами — русами, когда они прибыли по реке Ра — Идель (Волга) из Швеции в гости к башкордам рода — Буляр.

С другой стороны у современных башкордов имеются многочисленные археологические свидетельства, подтверждающие, что их предки Дахо-маса-геты (гауты) на Южном Урале сжигали своих усопших вождей, жрецов и жриц. Древние башкорды в эпоху фетишизма считали, что сами боги питаются мясом, кровью, запахом жертв возложенных для них на костер и поэтому, совершали различные обряды жертвоприношений о чем и говорится в эпосе “Урал-батыр”. По этому поводу весьма важными являются следующие слова: 660. (7 — 10)

Девушек в озеро бросают (Нэ□□э□)
Мужчин в огне сжигают
В честь отца своего и в честь себя,
В честь приближенных своих
670. В честь дня рождения своего
В честь богов раз в году
Катил кровавые жертвы приносит.

Обряд принесения человеческих жертвоприношений богине Нертус утопив жертву в воде, зафиксирован и у германцев-ингвеонов, но при этом, однако, какого-либо описания ритуала сожжения тела на костре у германо-скандинавских народов в мифах нет.

Религиозный обряд является не теорией, а практическим действием, который делает видимым — мир невидимый, умопостигаемый. В эпоху фетишизма и оборотничества гносеология, как само сознание человека, имела материально-наглядную природу и поэтому ритуальный обряд полностью удовлетворял теорию познания человека, так как при выполнении сакральных действий маги и жрецы оперировали пластическими формами и символами — зримыми и понятными для всех людей.

Такое положение вещей не может длиться вечно, поскольку сознание человека постоянно развивается. Как только древние башкорды научились отделять идею предмета от самого предмета и осознали различие между идеальными субстанциями, которые вечны, и — материальным миром подверженного тлению и разрушению, их сако-массагетское мировоззрение коренным образом изменилось. Во-первых у башкордов сложилось представление о Душе, как о вечной и идеальной субстанции, неподвластной ходу времени и не подверженной распаду и разложению — как материальное тело после смерти человека.

Создав свое собственное учение о Душе древние башкорды духовно переросли исповедуемый ими ранее — Наивный реализм и стали — трансцендентальными идеалистами.

Создание учения о Душе, как надматериальной, бестелесной идеальной субстанции, предполагает наличие у человека таких качества как: само рефлексия и самоанализ. О том, что трансцендентные объекты — Солнце, Луна, Млечный путь, солнечный свет — Хомай и абсолютная тьма — Азрака способны оказывать воздействие на трансцендентные субъекты — землю Урал-батыра, древние башкорды знали еще в более раннюю и предшествовавшую историческую эпоху — Наивного реализма. Теперь в новую эпоху трансцендентального идеализма древние башкорды, наблюдая как в сознание человека в его умственной жизни одни психические (душевные) состояния вызывают другие, пришли к весьма правильному выводу о том, что за всем этим скрывается идеальная субстанция. В отличие от явлений материального мира, в котором все подчинено закону последовательной причинности в душевной жизни человека, этот закон причины и следствия не играет доминирующую роль.

Древние башкорды путем саморефлексии и методом тонкого внутреннего самоанализа осознали и поняли, что одни психические состояния, сменяя предыдущие им психические состояния, сами вызывают и порождают на смену себе другие психические состояния, не имея при этом надобности ни в пространстве, ни во времени, без которых и не могут существовать все без исключения явления и процессы материально-физического мира. Это открытие и явилось для башкордов обоснованием их трансцендентального идеализма, суть которого и заключается в признании Души, имен богов, понятий как вне временных, вне пространственных и даже вне причинных, и поэтому и — Идеальных сущностей. Древние башкорды считали мышления человека не деятельностью, а созерцанием, которое в свою очередь невозможно без света, лучи которого, как мы уже убедились, они обожествляли. Но без мышления и созерцания человек не может жить в физическом мире, поэтому Божество, лучи которого выступают как ростки знания, является — Предикатом Бытия, поскольку всякое бытие, построенное таким образом, предполагает трансцендентный разум, который денно и ночно как Хомай (днем) и Айхылыу (ночью) своими искрящимися лучами освещает землю и дает людям возможность видеть и, становясь тем самым необходимым условием познания вещей и подсознания человека вообще.

В башкордской мифологии Хомай является символом знания и бессмертия, что является прекрасной иллюстрацией того, что древние башкорды

“Царь Ветров”. Следовательно, человек в материальном плане — тело и в духовном — воздух напрямую зависят от бога Ветра — Дейеу □э□□□□. При этом божество Дейеу □э□□□□ предстает в космическом плане — Родовым (Абстрактным) понятием, по отношению которому наше сознание, душа напрямую зависящее от дыхания человека является всего навсего его видом.

В “Риг Веде” местоимение — Atman “Я” — “Сам” в гимне X, 16.3 приобретает значение — Дыхание, иными словами, человек отождествляется со своим дыханием.

Гимн: К Агни и погребальному костру.

1. Не сожги его, Агни, дотла не спали!
Не испепели его кожу и тело,
Когда приготовишь его Джатаведас,
То отправь его к отцам.
2. Приготовишь, когда его Джатаведас,
То передай его отцам,
Когда отправится он в путь, уводящий от жизни,
То станет он подвластен богам.
3. На солнце пусть идет твой глаз, в ветер — дыхание,
Иди на небо и в землю как положено!
Или иди в воду, если там тебе любо,
Костями укрепись в растениях!

(Пер. Т. Я. Елизаренковой).

Постепенно, начиная с эпохи Риг Вед, местоимение — Атман приобрело и свое вторичное, но более важное философское значение — Души, или — Я, то есть Дыхания, как жизненной и духовной сущности каждого человека.

Общей теории или ясной концепции об истинном Атмане как подлинном — Я в индийской философии нет, что изначально связано с трудностью и проблематичностью даже в эпоху абстрактного мышления одним словом четко выразить изначально антагонистические понятия: Дух и Плоть. Это является веским доказательством того исторического факта, что слово — местоимение Atman родилось в эпоху фетишизма и оборотничества, в ту далекую эпоху, когда ведические индо-иранцы обитали не в Индии и Иране, а на территории Южного Урала. Вот с этой поры и в башкирском языке сохранилось местоимение, ставшее философским понятием — □з□□□□ „ □□□□□.

В башкирских поверьях, преданиях и в эпосе “Урал-батыр” говорится о способности Души человека — □з□□□□ (Атман) выходить за пределы физических тел, что свойственно представлению об Атмане, изложенному в Упанишадах.

С. Радхакришнан писал об Атмане: “**Это субъект, который продолжает существовать во всех изменениях, это общий фактор в состоянии бодрствования, сна со сновидениями, сна без сновидений, смерти, возрождения и окончательного освобождения.**

Ничто не может быть разрушено — это элементарная истина. Смерть не дотрагивается до него, равно как и порок не уничтожает его. Его отличительными чертами является постоянство, непрерывность, единство, вечная активность. Это самодовлеющий мир”. (См. Радхакришнан, указ. соч., стр. 125).

Таким образом, если дух есть — атман “самость” человека, которая даже будучи идеальной субстанцией занимает определенное пространство во Вселенной, то следуя неумолимому закону причинности, человеческий ум уже ищет в мире смысл этой причины самой себя, известная как — *causa sui* (лат.). Эта последняя причина, то есть — Божество, которое своим духом или теплым дыханием пронизывает как энергией весь мир и оживляет всю Природу Земли. Душа становится частицей Божества, которая по ночам, покинув спящее тело, путешествует по миру.

Это представление о самости человека, как идеальной живой субстанции, способной превращаться в “ночной туман” полностью соответствует учению Упанишад о душе. Но в эпосе и Упанишадах — Пуруша (космический гигант, принесенный в жертву богам из тела которого произошло все живое и неживое в мире) становится эквивалентом Атмана, а иногда и тождественен Брахману, мировому абсолюту. По этому поводу А. Я. Сыркин пишет: “Пуруша — первичное существо, из которого творится вселенная. В Упанишадах обозначает жизненный принцип, одушевляющий людей и другие существа. Здесь отождествление Пуруши с творящий мир Атманом, по-видимому, представляет собой дань ведийской космогонии;” (См. Упанишады. примеч. Стр. 168 — 169).

Мифические представления о космогонии сложились у ведических ариев в тот исторический период, когда они обитали еще на Севере, на Южном Урале, до того, как индоиранские племена вторглись во II тыс. до н. эры в Сев. Индию. Определение географического района, являющегося местом зарождения ведийско-арийской мифологии, поможет ученым-философам понять почему Атман стал Пурушей, а Брахман равен Атману.

Гусь почитался брахманами ваханой — воплощением Брахмы, у башкордов лебедь дочь Солнца. И лебедь и гусь теплолюбивые, перелетные, водоплавающие птицы, которые нуждаются в воздухе, который у башкордов в мифологии подчиняется царю ветров — $\square\square\square\square\gamma \square\varepsilon\square\square\square\square$. Называя Атман Пурушей брахманы тем самым отождествляют Атман с башкордским божеством ветра, то есть потоком воздуха.

Здесь необходимо сделать одно наиважнейшее пояснение. Безусловно, человек, который может создать концепцию космогонического процесса, способен уметь делать и ряд простых логических обобщений, и ему не составит большого труда прийти к умозаключению о том, что поскольку гусь — вахана Брахмы или лебедь — Хомай дочь Солнца и Торна (журавль) сын Суры — Суры рождаются из яйца, скорлупа которого: камень — земля, летают по воздуху и плавают по воде, то, следовательно — земля, вода и воздух являются первичными стихиями, а перелетные, водоплавающие птицы — вторичными элементами космоса. Говоря современным языком науки: догадаться что неорганические формы жизни материи предшествуют возникновению биологических форм. В “Риг Веде”, как и в башкордской мифологии, акт творения рассматривается как акт жертвоприношения, в котором Пуруша, он же Урал-батыр, являются жертвой.

Таким образом, древние башкорды верили, что исходным материалом, из которого был создан мир, стало тело Урала. Из отдельных частей тела возникли элементы мироздания, и вот что сказано в “Риг Веде” (X, 90, 13) о происхождении ветра:

“Луна из его духа рождена,
Из глаза солнце родилось,
Из уст — Индра и Агни,
Из дыхания родился ветер.”

Воздух как ветер по представлениям ведических ариев родился из дыхания Пуруши. Но для нас здесь самым важным является тот факт, что индоиранцы в эпоху ведийского единства ставили стихию ветра в один ряд со своими главными и наиболее почитаемыми божествами Индрой и Агни, поскольку те стихии и природные явления — огонь, молния, которые эти боги воплощают, сами не могут проявить себя и нуждаются только в пространстве — воздухе.

Если Индра и Агни, возникшие из уст Пуруши, почитались ариями живыми богами, то логически следует, что и ветер, родившийся из дыхания того же Пуруши, так же почитался живым божеством. Этот стих из гимна (X, 90, 13) Риг-Веды дает ответ на вопрос как возник образ божества ветра □□□□у □э□□□ в башкордской мифологии.

□□□□у □э□□□ у башкордов является положительным персонажем, тогда как у всех иранцев класс дэвов относится к резко отрицательным божествам, считающихся воплощением злых сил, противостоящих благим духам — Ахурам (асуры, вед.), которых древние иранцы обожествляли. В древней индийской мифологии наоборот обожествляли дэвов и почитали их богами, которые некогда победили Асуров и изгнали последних в царство Варуны, под воду на дно Космического Океана, как Урал — Шульгена, как Торна-Хаубен — Кажкаху в башкордской мифологии. В “Риг Веде” бога Индру часто называют “убийцей асуров” — Асурахан. Возможно отголоском этой борьбы, имевшее место в далеком прошлом в реальной истории индоиранских народов, служит башкордская мифология, где Сура — Асура отец Хаубена изображен убитым и брошенным на дно озера мертвецом. С другой, иранской стороны, знаменитый Эдикт царя Ксеркса (V в. д. н. э.) повелевавший уничтожить те святилища, где люди поклоняются дэвам, является историческим документом, зафиксировавший реальную борьбу двух идеологий.

Соответствие □□□□у □э□□□ у башкордов Урала благим божества — Дэвам в древнеиндийской мифологии свидетельствует о чрезвычайно архаичном времени происхождения этого мифического персонажа в башкордской мифологии и является прямым доказательством именно индоевропейского, а не только иранского этнического происхождения башкордов Урала. Представления о Дэвах как о благих божествах восходит не только к индоиранской, а более древней индоевропейской языковой общности, где, например, в латинском — Deus “бог”, французское — “Dieu”, литовское — dievas, латышское — Dievs означают — Божество, Высший Дух в положительном смысле этого слова. Если бы башкорды, равно как и башкордская мифология, имело свое начало только в иранском этносе, то башкорды употребляли слово — дэв исключительно в отрицательном значении. Однако, вопреки этому, современные башкорды как и древние латиняне — Deus “бог” — Diabolus “дьявол” под именем — □□□□у различают два класса богов: положительный — □□□□у □э□□□ “Царь Ветров”, живущий на небесах, и отрицательные — дэвы, которых Урал-батыр при сотворении мира изгнал на дно Вселенского Океана как ведийский Агастья. Не только у тюрко-алтайцев, даже у самих иранцев, у которых тюрко-алтайцы переняли большинство мифологических персонажей, — уже не имеется в своей мифологии деления дэвов на положительные и отрицательные классы, как современные башкорды Урала или французы, итальянцы, греки, что и является прямым доказательством не столько древнеиранского, а именно и только, — индоевропейского происхождения башкордской мифологии. Для тупых и особо непонятливых поясним на другом примере. Так, в русском индоевропейском языке слово — дьявол с башкордским корнем — □□□□у “божество” имеется, а вот — див, с добрым, благим значением — Бог отсутствует. А у башкордов Урала, как и у латинян и современных французов, итальянцев, греков с одной стороны и древних индийцев — Дева “Бог”

это слово имеет два антагонистических значения. Первое благое — Dieu, □□□□□ □э□□□ и второе, отрицательное — Diabolus “дьявол” — дейеу. Это слово уже само по себе является доказательством индоевропейского, а не просто иранского, этнического происхождения башкордов Урала.

Имя Пуруша состоит из двух корней, первый, rигu “древний” и esa “человек”.

В этом смысле ведийское — rигu тождественно кордско-английскому слову — пир, пэр, как высшее духовное, светское лицо. Вместе с этим ведийское рага “далекий” соответствует кордскому — баре “прежний”, “бывший”, “ранний” и соответствует башкордскому слову того же корня — борон “древний”, которое в свою очередь тождественно ведийско-индийскому: Пуран “древний”, отчего происходит название древнеиндийских “былин и сказаний”, или “древних преданий” — Пураны.

С другой стороны, ведийское — rигu совпадает с кордским — бори “ветер”, отчего и происходит иранско-башкордское Буран, Боран, а также древнегреческое имя бога Северного ветра — Борей, который дует из-за Уральских (Гиперборейских) гор, то есть оттуда, с той географической местности, где издревле живут башкорды, так же и древние греки и иранцы, называющие зимний северный ветер индоевропейским именем — Буран. В этом смысле ведийско-индийское слово rигu соответствует русскому слову — Пурга, карельское. — rиггу, финское — rигку, ханты (сургутск.) — rигке “дым” (ю.) роки “метель”, манси — раг, роаг — тоже; саам.л. роко, к. — рогк; рогк марийское о rигуэз. (См. Макс Фасмер, слово — Пурга).

В скандинавской мифологии ведийское слово — рага находит свою этимологию, семантику в имени бога — Вори “рожденный”, отца Одина (Wooden) бога Огня.

Действительно, все правильно у скандинавов, поскольку зимний ветер — Бури (Vuri) отец Вори приносит собой снег — Вори, русское. “бремя, беременный”, кордское. — бар “ноша, бремя, плод”; снег весной тает и заливают всю землю вокруг, превращая сушу в море — □э'□ (□□□□□□□□.), □□□□□□□□ □□□□, □□ □□□□ „ □□□□□□□□ □□□□, □□ □□□□ □□□□□□ □□□□□□ „ wooden, □F□□ (башкордское), которые и башкорды, и корды, и англичане заготавливают на зиму как — дрова или “утын” (башкордское.), и положив в костер обожествляют как бога огня — Одина.

Таким образом, этимология ведийского слова Пуруша “первый человек” демонстрирует, что в индогерманских и даже шире в индоевропейских языках ведийский корень — rигu, рага изначально имел два главных семантических значения, первое — “древний, самый первый” и второе значение — ветер, дождь со снегом и русское — Пар. Но главное, корень — пар имеет значение — влага, сравните: кордско-иранское — □э'□, “море”, боран “дождь со снегом”.

С этой точки зрения будет более правильным переводить имя древнегреческого бога северного ветра гиперборея — как: Chi — Cheo “изливаю”, рег “древний, далекий, высший”, Ворео “ветер, Дух”. Сомневаться или возражать против подобной этимологии невозможно, поскольку сами ведийские брахманы отождествляли Пурушу с Атманом и Брахманом, то есть Духом человека и Брахмы. С этим согласуется и следующее соответствие — буран “ветер” — □□□□□ □э□□□□ “бог Ветра” — Перун и др. исландские — Borr и Fiorgunn. Английское слово — fire “огонь тождественно кордскому — пьрьск “искра”, но все эти стихии нуждаются в воздухе, “air” (англ.).

Следовательно, башкордский бог ветра — Дейеу □э□□□, есть дыхание Пуруши, благодаря которому физический мир разросся, расширился: “брх” (санскр.), □θ□θ, „ □□□ “□□□□” (башкорд.); “бар” (курд.) Vuri — Borr (сканд.-

исландск.) и превратился в Брахмана, то есть стал Вселенной. Но в центре Вселенной, в центре мироздания стоит маленький человек — esa (санскр.) или — кеше (башкордск.), он же — Атман (санскр.), Azəm (авест.) Adam (др. перс.) он же — җәңгә (башк.), тело которого растет благодаря дыханию, Пуруше — ветру.

В Упанидшах считается, что с уходом Пуруши человека покидают все жизненные силы и он умирает, в Брихадараньяка упанишаде (IV 3. 36) прямо говорится: **“Когда истощается это [тело], истощается от старости или болезни, то подобно тому, как освобождается от уз [плод] манго, (...), так и этот Пуруша, освободившись от этих членов, снова спешит, как он шел [назад] к месту новой жизни”.** И там же в главе IV (1): **“Когда этот Атман (местоимение, тело, субъект), впав в слабость, словно впадает в умопомрачение, то эти жизненные силы собираются вокруг него. Взяв с собой частицы света (пьярск “искра”, кордск.), он спускается в сердце. Когда этот Пуруша в глазу возвращается назад, то [человек] перестает познавать образы.**

2. Став единым [Атман и Пуруша], он не видит”, — так говорят. (...). Конец его сердца начинает светиться, и с этим светом Атман выходит через глаз, или через голову другие части тела. Когда он выходит, за ним выходит жизненное дыхание; когда выходит жизненное дыхание, за ним выходит все жизненные силы. (...).

3. Подобно тому как гусеница, достигнув конца былинки и приблизившись к другой, подтягивается (к ней) так и этот Атман, отбросив тело, рассеяв незнание и приблизившись к другому телу, подтягивается к нему.” (Пер. Сыркина А. Я.)

Дух оживляет материю и человек с момента своего рождения ни в чем так не нуждается как в воздухе. Разница между современным пониманием этого процесса и древним изложенным, в “Риг Виде”, можно понять при сопоставлении скандинавской мифологии и древнегреческой натурфилософии. У скандинавских народов материальные стихии представлены как боги, так — ветер — Vurі приносит — Vorge “плод” — воду — море” (кордск.), влагу (пар, русск.), который порождает деревья — wooden, из которых возгорает огонь — Один и порождает землю — пепел. В целом вся картина мирового устройства идентична и китайской натурфилософии, где элементы порождают друг друга: wood, fire, earth, metal —> water. Но у скандинавов эти первоэлементы все еще боги, которые как люди эпохи мезолита и неолита крепко связаны между собой кровнородственными, внутрисемейными узами, поэтому всегда являются друг для друга либо отцом, братом, дедом, сыном либо матерью, сестрой, бабушкой, дочерью.

Древнегреческая натурфилософия уже не признает кровнородственных отношений между первоэлементами, какими почитались: огонь, земля, воздух, вода. Античные греческие философы путем деления мира явлений на одушевленные и неодушевленные классы постепенно приблизились в своем мышлении к более отвлеченному, абстрактному — логическому пониманию явлений физического мира. Рабовладельческий строй окончательно разрушил древнюю кровнородственную семью, поскольку государственные и производственные отношения строятся не на биологических, а на юридических и хозяйственных законах. Вследствие этого первоэлементы в древнегреческой натурфилософии перестали быть богами, как в скандинавской мифологии, что в целом является прекрасным примером того, как в истории человечества происходит смена мировоззрения вызываемого техническим прогрессом.

Мы сознательно уделили столь пристальное внимание этимологическому разбору и анализу ведийского имени — Пуруша, поскольку именно таким методом

можно четко установить исконно северное, башкордское — индогерманское происхождение этого слова.

Только на севере постоянно воздух материализуется как снег — Пурга и приобретает телесный облик, что необходимо ученым-ведологам понять, так как учение о Пуруше, зародилось у ведических ариев на Южном Урале, в эпоху неолита, когда фетишизм и оборотничество являлись идеологией древнего человека.

У башкордов — $\square\square\square\square\gamma \square\text{э}\square\square\square$, у русских — Перун, у немцев — Pirna (саксонск.), литовцев — Perkunas, у скандинавов — Fjorgunn — это божество в облике Духа ветра и Царя Ветра сохранилось до настоящего времени в мифологии, тогда как в истории индийско-арийской мысли имя Пуру+ша было переосмыслено и приобрело новое философское значение. За подобным переосмыслением кроется реальное наблюдение того, как человек: — Я “atman — azəm, adam” вдыхает воздух, который уже был создан — раньше: $\square'\text{э}\square\square$, паре (санскр.) и его легкие, грудная клетка — расширяется — Брх “разрастается” (санскр.), $\square\square\square\text{э}$ “почка” и при выдохе человек издает звук — бори “рев” (кордск.). В английском языке из этого ведийского корня родилось слово — Breath “дыхание”.

Древние башкорды считали, что именно воздух и является — сознанием, которое человек получает с первым вздохом при своем рождении. Как только человек терял способность дышать, он умирал, например, как утопленник. Башкорды, как писал С. И. Руденко, считали: **“Чтобы душа нашла дорогу обратно, в тело, утопленника клали у воды изо рта его до воды протягивали шелковую нитку. С этой целью башкорды-сплавщики барок и плотов (по р. Белой, Юрюзани, Инзеру и др.) всегда брали с собой “на случай” шелковые нитки.**

Нередко были рассказы о том, что душу, утопленника видели в образе утки или гагары, плавающей по близости трупа. Если утонувший не оживал, то только потому, что душа, потеряв надежду найти тело, улетала к Аллаху.” (См. С. И. Руденко, 1955 г., стр. 321).

Таким образом, мы выяснили, что еще в начале XX века для башкордов была характерна вера в перевоплощение души человека в лебедя, утку или другую водоплавающую Птицу.

В более древние времена фетишизма и грубого анимизма, когда башкорды не знали душу как бестелесную субстанцию они полагали, что не душа, а само тело человека после смерти физически перерождается в перелетную птицу и улетает осенью со стаей уток и лебедей на край земли к самому — Самрау, который является единоличным — Samraj (санскр.) правителем — жрецом Вселенной. Гусь порождает яйцо, яйцо порождает Брахму, ваханой которого является Гусь в индийской философии. Идентичную картину соприкосновения человеческого субъекта с трансцендентальным божеством мы наблюдаем и в башкордской мифологии, где Бог — Солнце материализуется в птице — лебеде: Хомай, $\square\text{э}\square\square\text{э}\square$, Айхылыу и снисходит вниз на землю для встречи с человеком. После смерти Урал-батыра, его божественная супруга решает каждый год воплощаться в лебедя и снисходит от Солнца на землю для встречи с погибшем Уралом и приносит людям весну и тепло на кончиках своих крыльев.

Ведийское слово — puri, имеет в кордском языке и другое значение: пьриск “искра” — огня. Древние арии считали, что как ветер еще сильнее разжигает пламя костра, делая температуру вокруг горячее, так и вдыхаемый человеком воздух разжигает внутренний огонь человека, который располагается в сердце, отчего тело и становится теплым. Если же человека лишить дыхания, то он немедленно умирает и его тело остывает. Пуруша у ведических ариев имел

цвет Солнца, то есть — золотистый. Башкорды считали, что во время сна душа человека, превратившись в птицу путешествует по вселенной, проснувшийся человек вспоминает это как свои сны. Боясь, что душа человека может быть очень далеко от тела, башкорды, как писал С. И. Руденко, спящих людей не будили быстро, поскольку считалось, что душа не успеет вернуться в тело пробужденного человека, и он неминуемо умрет.

Это исконно башкордское мистическое учение о Гносеологии как эманационном процессе восхождения человеческого разума по лучам божественного света и слияние человека с самим Божеством вместе с ведическими ариями с Южного Урала было привнесено в культуру Сев. Индии, где получило свое дальнейшее развитие.

Так, в “Брихадараньяка упанишаде” (IV, 3) подробно дается уже философский анализ и интерпретация башкордского божества ветра, □□□□у □э□□□, как Пуруши — светящегося в сердце человека, а восхождение Урал-батыра к солнцу — Самрау вдвоем с уткой — Айхылыу описывается как путешествие души — Атмана в облике гуся к Брахману во время сна человека.

На вопрос царя, что есть Атман (местоимение — Я), мудрец отвечает: 7. “Пуруша (ветер — □э□□□), состоящий из познания, находящийся среди чувств, свет (пъриск — кордск.) внутри сердца”. И далее мудрец говорит: “Оставаясь одним и тем же, он блуждает по обоим мирам, словно думая, словно двигаясь. Ведь, находясь во сне, он выходит за пределы этого мира.

9. Поистине, у этого пуруши есть два состояния: состояние [пребывание] в этом и в другом мире и промежуточное, третье — состояние сна. Находясь в этом третьем состоянии, он видит оба состояния — состояния [пребывания] в этом и другом мире.

11. Об этом — такие стихи:

Подчинив сном то, что принадлежит телу,
Он не спит и взирает на спящих.
Приняв сияние, он снова идет на свое место,
Золотой пуруша, одинокий Гусь.

12. Охраняя жизненным дыханием
невысокое гнездо,

Бессмертный, выйдя из гнезда,
Он, бессмертный, идет, куда желает,
Золотой пуруша, одинокий гусь,

13. В состоянии сна, идет вверх и вниз,
Бог творит [для себя] многочисленные образы,
Словно, веселясь с женщинами, смеясь,
Словно, даже видя странные [зрелища],

14. [Люди] видят место его развлечения,
Его самого не видит никто.

[По этому] говорят: “Пусть не будят его внезапно — ведь трудно,

Трудно вылечить того, к кому он не возвращается”. Однако говорят так же: “Это [сон] у него — то же, что и состояние пробуждения, ибо, что он видит при пробуждении, то и во сне. Здесь [во сне] это пуруша сам бывает своим светом”. (...).

17. “Он, этот [пуруша], насладившись в этом пробуждении, побродив [вокруг], увидев доброе и злое, снова спешит как шел [назад] к месту сна.

18. Как большая рыба блуждает вдоль обоих берегов [реки] — то с одной стороны, то с другой, так и этот пуруша блуждает по обоим этим состояниям— состоянию сна и состоянию пробуждения.

19. Как сокол или другая [быстрая] птица, устав от полета в этом пространстве и сложив крылья, направляется к гнезду, так и этот пуруша спешит к тому состоянию, в котором уснув, он не желает никакого желаяния, не видит никакого сна”. (Пер. А.Я. Сыркина).

Прочитав эти строки “Брихадараньяка упанишады” нетрудно заметить и понять, что исходным материалом подобной философской концепции является именно башкордская мифология, где ясно и четко описывается как Хомай, дочь Самрау, после смерти Урала принимает образ лебедя и снисходит от Солнца к людям на землю, где превращается в девушку, то есть в человека.

Осенью Хомай улетает к солнцу на небо, в мир вечных идей (Платон) и снова совершает ряд реинкарнаций. Иными словами учение о метемпсихозе известное в башкордской мифологии стало идеологической основой индийской философии, сложившейся гораздо позже времени прибытия ведических индоариев в Сев. Индию.

По этому поводу необходимо еще раз указать на следующее: у ученых на сегодняшний день нет абсолютно ни одного исторического, археологического факта, указывающего приход носителей индоиранских языков из Индии и Ирана на Южный Урал. Наоборот, все исторические данные и, особенно, археологические раскопки на Южном Урале древнего поселения Аркаим и захоронения Синташта, проведенные в последнее время, надежно свидетельствуют и подтверждают факт переселения древних насельников Южного Урала во втором тысячелетии до н. эры в Сев. Индию.

Вне всяких сомнений в составе воинственных племен — Куру, пришедших в Индию с севера и именовавших себя — ариями, были и предки современных курдов, в частности, курды племени Кокэи.

О курдах Кокэйи в Древний Индии

В южной части Иракского и Иранского Кордистана обитают курды, носящие древнее имя Кокэйи и которые верят в переселение души и полагают, что смерть подобна нырянию утки, как это, например, изображается в башкордской мифологии и Упанишадах. Корды Кокэйи считают, что душа человека проходит цикл в 1001 перевоплощение, в процессе чего проходит свое очищение, и как видим это учение напрямую имеет аналогию с индуизмом, что в свою очередь подтверждают и древнеиндийские источники. Так, в древнеиндийском эпосе “Махабхарата” постоянно упоминаются Кекаи — Кекайцы из рода Куру, выступающие сторонниками Кауравов.

Кекаи древнеиндийского эпоса являются подлинно историческим народом и были членами обширного царского рода, правившего в Панджабе, страной на территории междуречья Биаса и Сатледжа. В сказании о Кирате (1—4) о Кекаи говорится: “Прослышав об изгнании Пандавов и выпавших им лишениях сошлись в тот момент великий лес бходжи и вриши с андхаками (арийские племена). Сыновья и родичи царя панчалов (Друпады), Дхриштaketу, правитель Чеду и великой отвагой стяжавшие славу во всей вселенной братья Кекаи — все они, пылая гневом и негодованием, присоединились в лесу к Партхам”.

В той же книге в главе 34 Бхимасена говорит царю: “ Как можем мы не отбить свое царство, о Каунтея, когда на нашей стороне и сринджаи, и Кекаи и сам владыка вришнийцев”.

В книге “Сказании о восхождении на небо Индры” в главе 48 (11 — 14) о роде Кекаи говорится: Прослышав о проигрыше Пандавов в кости, неколебимый губитель Мадху (бог Кришна) поспешил в Камьяку, дабы соединиться с Партхами. Так же (поступили) сыновья Драупады во главе с Дхриштадьюмной, Вирата, Дхриштакету и великие колесничные бойцы Кекаи.

В книге “Сказание о паломничестве к тиртхам” Сам бог Вишну, приняв облик бога Кришны — Васудевы, говорит: “Когда мы с властителем панчалов, великим духом, а также с правителем Чеди вместе с кекаями нападём на недругов и вступим с ними в бой, ...”

Мы привели упоминания о Кекаи, взятые только из одной третьей книги Махабхараты “Араньякапарва”. (См. М. 1987 г., пер. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой).

Никто из ученых никогда не сомневался в историческом существовании ни курдов — Кокеи, ни Кекаи, упоминаемые наряду с такими народами как пахлавами (парфяне), шаками (саками), яванами (греки-понтійцы), дарадами (р-н Дардистан на севере Индии), бахлики (бактрийцы) и так далее и т.п.

В целом нет никаких сомнений в том, что точно так же как эпические яваны Махабхараты соответствуют историческим — грекам — понтійцам, поселения которых в Бактрии и Гандхаре существовали на территории Северной Индии со времен, а возможно и раньше, похода Александра Македонского, так и этнические Кекаи Махабхараты точно соответствуют Курдам — Кокеи, проживающим к настоящему времени на территории Ирана, Ирака и восточной Анатолии.

Советский курдолог Т. Ф. Аристова в своем “Очерке культуры и быта курдских крестьян Ирана” рассказывает о курдах — Кокэи, которых в Иране называют люди истины — Ахли Хакк или Али-иллахи.

Сама Т. Я. Аристова, как и другие ученые, считают по старинке кордов Али “мусульманской сектой”. Это мнение глубоко ошибочно, так как полностью нивелирует и растворяет древнюю историю курдов, а в конечном итоге и башкордов Урала. Следуя этому научному заблуждению выходит, что у башкордов Урала и курдов Месопотамии национальная культура начинается с зарождением ислама. На самом деле как об этом свидетельствует все исторические и письменные источники и археологические раскопки, все выглядит как раз наоборот, а именно с зарождением баш-кордского (индоиранского) этнического самосознания произошел распад и дробление индогерманского единства, что очевидно и стало главной причиной миграции ведических индоиранцев с севера — Южный Урал, Западная Сибирь, Алтай на юг — Переднюю Азию, Иранское нагорье, Сев. Индию. Именно башкорды и корды являются родоначальниками ведийско-арийской истории. В этом отношении весьма важно обратить весьма серьезное внимание ученых на следующую параллель: курды только из одной своей принадлежности к индоиранцам являются родичами царя Куру, являющегося пятым царем в поколении идущего от Сомы-Нахуши. Куру является родоначальником Кауравов, которых по эпосу и поддерживают всегда Кекаи. Исторически — Куру являлись индоарийским племенем — бхаратов (оба названия по легендарным предкам родов), жившее на территории Курукшетры и способствовавшее сложению цивилизации долины Ганга. В древнеиндийском эпосе “Махабхарата” противоборствующие стороны — Кауравы и Пандавы — представляют родственные ветви рода — куру.

Курукшетра — поле Куру, это район в 100 км от Дели, где некогда обитали Куру и поддерживают еще во времена эпоса IV — V в.в до нашей эры, родственные отношения с Уттару Куру (северные Куру), обитавшие тогда возможно в районе современного Кашмира. А в это время на всем протяжении от Южного Урала до Средней Азии отделенной от Кашмира горными вершинами

Гиндукуша обитали родственные и Куру и кордам — Кокеи, ирано-язычные предки современных башкордов Сако-Массагеты, Хорасмии, предводитель которых Фарасман имел беседу с Александром Македонским в 327 году до нашей эры. Индоарийские — Куру, как мы уже сказали по преданиям происходили от Луны — Сомы. В башкордской мифологии Хомай дочь царя солнца — Самрау является главной богиней и по преданиям от ее брака с Уралом и произошли современные башкорды. Таким образом, учитывая, что ведийские Сома соответствует древнеиранскому — Хаоме вследствие чередования звуков $s > h$, выходит, что эти ведийско-эпический род индо-ариев — Куру является ближайшими кровными родичами башкордов Урала, поскольку и Куру и Кокэи и башкорды происходят от одного предка Сомы — Хомай!

В довершении к этому вопросу нужно добавить, что башкорды и корды являются родичами и без всякой мифологии.

В составе кордов — Кокэи (Али-Хак) входят кордские племена: гуран, джелалаванд, кальхани, балабанли, чаракли, берсими, шейх-хасанли, курешли, ляк, по сути дела Кокэи представляют собой союз племен, говорящих на двух кордских диалектах: заза и горани. Их религиозные догматы и законы собраны и записаны в священной книге “Саранджам” на диалекте горани.

Как пишет Т. Я. Аристова: **“Иранские курды али-аллахи населяют район Керманшаха. В 36 км севернее от этого города, в селении Аббаш живет сейид Аббаш — главное духовное лицо иранских али-аллахов. На юго-западе от Керманшаха сектанты населяют город Керенд и его окрестности. Кроме Ирана последователи секты али-аллахов имеются в большом количестве в Турецком Курдестане, среди курдских племен Дерсима. [В Иранском Курдистане Ахли-Хаков (али-иллахов) называют — Кокэи, — С. Г.]. Верование али-аллахов представляет собой смешение шиизма с элементами христианских и древневосточных верований; их догматы сводятся в основном к двум: почитание богом шиитского имама Али, зятя Мухаммеда и вера в переселении душ. Сектанты признают бога и описание бога, данное в Коране. По их верованиям, существо бога непознаваемо, но божество находясь на земле, воплощается в том или ином лице. По их представлениям, бог воплощался в Ное, Аврааме, Моисее, Иисусе и в имаме Али, который является для сектантов богочеловеком. Корана сектанты не отрицают, но считают, что существующий Коран — не тот, который был оставлен Мухаммедом, а совершенно другой. (...). Вместо ежедневных и еженедельных молитв по пятницам али-аллахи устраивают один раз в году (29 декабря) празднество. Сектанты данного селения собираются в одном из домов и усаживаются кружком. Здесь же присутствуют дервиши, начинающие празднество обычным дервишеским радением. Празднество сектантов заканчивается коллективным угощением.**

Веруя в переселение душ, последователи этой секты считают, что душа человека после его смерти переходит в тело животного или другого человека. (...).

Посвящение в таинство веры сопровождается у али-аллахов особым ритуалом. Молодой человек, достигший 16 лет, идет с отцом и сеидом к роднику и раздевается догола. Сеид набирает родниковую воду в миску и трижды выливает на голову посвящаемого, произнося при этом специальную молитвенную формулу и возвращается с юношей домой, где обертывает талию мальчика белым поясом.

По внешнему облику курды али-аллахи отличаются от курдов-мусульман тем, что никогда не подрезают усов, а только расправляют в

сторону". (См. Т.Ф. Аристова. "Очерки культуры и быта курдских крестьян Ирана").

Посвящение в таинство веры у курдов Кокэи точь в точь повторяет обряд инициации брахманов в Индии. Плетеный шнур в знак принятия в религиозную общину завязывает сам жрец — Брахман на поясе у достигшего 15 лет подростка. Брахманы Индии и сейчас никогда не снимают и не развязывают этот пояс, который если его носят на левом плече, называется "упавити", а если на правом плече, то — "прачина-вити"; если же пояс повязан вокруг шеи, как гирлянда, то тогда пояс называется "нивити".

Это старый индоиранский обычай, который позднее пророк новой веры Заратуштра, рожденный на Урале, приспособил для того, чтобы его последователи-зороастрийцы по поясу — кусты, трижды обвязанному вокруг пояса, отличали себя от инородцев и нацменов.

Вера курдов-Кокэи (Ахли-хакк) в Семь последовательных воплощений божества в людях, практически совпадает с древнеиндийской верой в Семерых мудрецов — риши, составляющие ковш в созвездии Большой Медведицы и впервые в индоиранской мифологической традиции упоминаются в башкордском предании как о Семи богатырях (ковш Большой Медведицы), которых изрыгнул на землю Вселенский змей — Кахкаха (Млечный Путь) после победы над ним Урал-батыра.

Ведические индо-арии пришли на территорию Передней Азии задолго до появления там собственно иранских племен. Это подтвердили находки клинописных архивов из Эль-Амарны, Богазкея и документов из Митанни, Нузи и Алалаха, в которых встречаются племена исконно ведийских богов — Варуны (Варусена), Индры (Индаротта), Митра (Митрасил), Сурья (Суриаш) и других. Впоследствии Митаннийские индо-язычные арии смешались и растворялись среди ирано-язычных ариев, но смогли, как в случае с кордским родом Зангене сохранить в своем диалекте ряд черт, свойственных для древнеиндийских языков. Как и башкорды Урала сохранившие в своем языке древнеиранскую-авестийскую фонетику.

Теперь с установлением ведийско-арийских и древнеиндийских истоков религиозных верований курдов — Кокэи, мы уже точно знаем, что когда ведические — митаннийские арии, являющиеся непосредственными предками кордов, пришли с Южного Урала в Среднюю Азию, то они уже поклонялись таким богам как Варуна, Митра, Индра, а не экспортировали и переняли ведийскую религию у индийских ариев, то есть из Индии. Это положение в свою очередь доказывает, что ведийско-арийская религия, позднее ставшая в Упанишадах в Индии — древнеиндийской философией, на самом деле зародилась на территории Южного Урала. Из этого следует, что предки башкордов, которые построили города Аркаима на Южном Урале, также как их братья корды — Кокэи, поклонялись и чтити ведийски-арийских богов: Варуну, Митру, Индру, еще обитая совместно на Севере.

Гусь — вахана Брахмы прилетает как и лебедь Хомай, утка — □э□□э□ на север и откладывает яйца, по-башкордски — Кокэ□, из которого и рождается — бар, птенцы. Немецкое слово того же корня — Kugel "шар", а в кордском — Кок "корень", из которого как и из яйца рождается — растение "ашватха" — Древо Мировое.

У башкордов Урала — небо, по которому летают гуси, так же называется — Кук. Вполне возможно, что название курдов — Кокэи, для которых смерть — есть ныряние утки как-то связано с этими значениями индогерманских слов.

В эпоху вторжения воинствующего ислама на территорию Ирана, Средней Азии, а позднее и Индии, большинство зороастрийцев и представители других

индоиранских, ведических, буддийских религиозных систем и вероучений под страхом смерти были вынуждены принять ислам. Наиболее стойкие последователи и адепты старой индоиранской ведической, буддийской и зороастрийской веры принимали ислам только внешне, часто при этом давая новые “мусульманские” имена своим старым ведийско-зороастрийским божествам.

Многие из этих последователей древней индоиранской религии, стесненные узкими рамками исламской догматики, преобразовали свои в целом антимусульманские вероучения в суфизм, который со временем первоначально быстро распространился именно на иранских землях арабского халифата.

Символическая,

интровертивно - созерцательная гносеология

Хомай — Хамса

Наблюдая с древних времен из года в год прилет весной лебедей на Урал после долгой зимы, башкорды наглядно созерцали, как появление перелетных птиц на севере совпадает с активностью Солнца на небе. Первоначально, в эпоху фетишизма и оборотничества древние башкорды полагали, как это хорошо изображено в мифологии лучи Солнца — Хомай оборачивается своим физическим естеством и превращается в лебедя и снисходит с небес в этот физический мир людей. Вся Вселенная, представленная как космическое яйцо проходит, в небе поэтапно, весь цикл развития от эмбриона до взрослой птицы, по аналогии с яйцом птицы на земле.

Рождаясь чудесным образом космическая птица — лебедь у башкордов и гусь у брахманов Индии, творит тепло во всей Вселенной, — желток яйца превращается в Солнце, жидкий белок становится летними дождями, скорлупа превращается в снег летящий зимой с неба.

Нетрудно понять что именно мышление создавшие подобную грубо анимистическую — фетишистскую мифологию, наводит и подталкивает людей к мысли о способности человека самого перевоплотиться в птицу.

Шаманизм является наиболее характерной формой религиозных верований человека эпохи фетишизма и оборотничества.

В шаманском ритуале человек представляя птицу одушевленной разговаривал с ней, просил вознести его на небо, садился на птицу верхом и взлетал к Солнцу. Шаманский ритуал удовлетворял все духовные запросы и интересы человека. Но постепенно по происшествии определенного периода исторического времени, человек постигает различие между идеей предмета и самим предметом, что позволяет ему более точно отделять следствие от причины, что приводит к тому, что предыдущие фетишистско-анимистические формы сознания перестают соответствовать новым формам мышления.

Человек осознает наличие в себе безтелесной души, которая в отличии от тела подверженного росту, смерти, тлению и распаду, остается неизменной и обладает способностью во время сна человека возноситься к небесам. Об этом говорится в башкордском мифе:

43. “Услышав этот вопрос, Наркас изменилась в лице, пристально посмотрела на Хаубена и, обняв, поцеловала его. Из глаз ее слезы полились, говорят.

Тут на Хаубена напал сон, говорят. Когда же он открыл глаза, пробужденный падающими на лицо солнечными лучами, то перед ним не было ни Наркас, ни дворцов, говорят. Он подумал, не было ли все что с ним приключилось только сном?”

(Предание “Акбузат”)

Постепенно древние индоиранцы стали приходить к мысли, что именно эта бестелесная душа, как это было четко зафиксировано С.И. Руденко у башкордов Урала — сама (?) способна превращаться в белого гуся и возноситься к Брахме, а затем с приходом ислама к Аллаху.

В Упанишадах, символом души или Атмана человека называется гусь (hamsa). Слово — eka hamsa “одинокий гусь” брахманы разлагали на два (a) ham—sa. Я —То (Высшая реальность) Брахман.

Именно поэтому башкорды и боялись быстро и громко будить спящего человека, так как — пуруша (дыхание порождающее сознание в человеке) выйдя из тела в облике гуся, лебедя, утки может оказаться далеко и не найдет скорого пути обратно к органам чувств, из-за чего человек может умереть или остаться больным.

Слова Хомай — лебедь и Хамса (санскр.) — гусь происходят из одного корня и вера в лебедя—гуся как воплощения Солнца на земле была у древних индоиранцев настолько сильной, что они думали (как это хорошо изображено в башкордской мифологии) Хомай помогает возноситься человеку к небу.

Уже в конце ведийского периода была создана знаменитая — Хамса упанишада, ставшая теоретическим и практическим пособием для йогов в овладении техникой “осознания своего тонкого тела и превращения своей души — лебедя в Высочайшего Лебедя (Парамахамса).” Как писал переводчик и комментатор “Хамса упанишады” Б.В. Мартынов: **“...как мы не раз повторяли, в индоарийской культуре поздно записанное — не обязательно поздно созданное.”**

(См. Упанишады. М., 1999. Перевод с санскрита Б.В. Мартынова)

Действительно, образы таких перелетных птиц, как лебедь и гусь почитаемых то дочерью Солнца Самрау, то ваханой бога творца — Брахмы, свидетельствуют о том историческом периоде, когда индоиранцы жили еще к северу от Индии на Южном Урале и совместно с германскими племенами (Геты — Массагеты) составляли праиндогерманскую культурно— этническую общность.

Лебедь, пожалуй единственная птица, которая только и могла стать у людей живущих на севере символом души человека. Не только брахманы Индии, но также и близкородственные им германские народы почитают символом души белых лебедей, прилетающих на Север всего на пять месяцев в году, с мая по сентябрь.

В башкордской мифологии лебедь—Хомай вообще является главным символом вечной жизни в облике Солнца. Ведические индоиранцы ушли в Индию и Иран во втором тысячелетии до нашей эры именно с Южного Урала, где обитали до этого и поэтому, вне всяких сомнений богиня лебедь — Хомай и есть та лебедь — душа познав, которую, как считали древние башкорды. человек овладевает знанием Брахмана (□◊□◊), то есть — Вечной жизни.

Совершенно не случайно, а вполне закономерно что в “Хамса упанишаде” говорится, что ее поведала людям Парвати, супруга Шивы другое мистическое имя которой — Ума, производное от Хомай. Добавим к этому, что все эти имена — Парвати, Сати, Ума являются — индоевропейскими и пришли вместе с ведическими индоариями в Индию, с Севера.

В “Хамса упанишаде” говорится об этом так: **“Выслушай от меня, Гаутама, сообщенную Парвати сущность —**

3. ту несказанную, тайную, для приобщенных подобную кладезю дающую плод Избавления в виде раскинувшего (крылья) Лебеда.

1

Теперь сообщим о превращении Лебеда в Высочайшего Лебеда благо устремленному, успокоенному смиренному любящему учителя. Всегда размышляющий: “Хамса! Хамса!” проникая во все тела, существует как огонь во всех дровах, как в сезаме масло К узнавшему это смерть не приходит.

Затем йог должен принять соответствующую позу и следующая стадия, как пишет Б.В. Мартынов: “— воображение в лотосе сердца лебеда, что и считается как бы преобразованием человека в эту божественную птицу.”

“В сердце, восьмилепестковом (лотосе), создав собственно Лебеда, следует представить (его) так: Агни и Сомы — крылья (его)

Знак Ом — голова, а точка — главное око,

Рудра и Рудраки — лапы,

Обе руки по бокам — Время и Агни

Оба в нем зримы — обитель и обучение

Это тот Высочайший Лебедь,

блеском 10 миллионов светил сияющий

Этим видением он достигается.

Считается, что достигнув этого созерцания человек как-бы начинает парить в воздухе как лебедь. Этот полет души-лебеда в небе, как говорится в Упанишаде — сопровождается гулом различной частоты и мощности:

42. Когда Лебедь исчезает в Звук

тогда Четвертое состояние минуется.

Возбужденный неповторяемой (мантрой)

считается умозаключением

Так все Лебеда подвластно, поскольку Лебедь

заставляет ум распространяться

Повтором миллионы раз этот Звук

осуществляется.

Так все Лебеда подвластно

и появляется Звук 10 видов

первый — тинь

второй — тинь-тинь

третий — звук колокольчика

четвертый — раковины

— — — — —

десятый — звук Грома

Девять (первых) отвергнув, десятый же пусть изучает.

При первом — тинь-тинь — (звучит) туловище

при втором — туловище мешает,

при третьем — усталость проходит,

— — — — —

при девятом — невидимое тело, также дивное чистое око.

При десятом — явится Высочайшее Благо

Сам с Благом сольется

В Том (состоянии) ум растворяется в уме,

сжигается стремление — колебание,

добродетель — грех

(является) Вечный Шива

всеприсутствующий Силой и Самим Атманом, самосветящийся

чистый мудрец, вечно невозмутимый, спокойный.

ОМ!”

(Перевод Б.В. Мартынова)

“Хамса упанишада” относится к традиции Атхарваведы, и как писал С. Радхакришнан: “Магическая религия отраженная в Атхарваведе, несомненно древнее религии “Риг Веды”, хотя Атхарваведа была составлена позднее.” (См. Индийская философия. М, 1956, стр.96)

Это значит, что и сама “Хамса-упанишада” хотя и была записана в Индии, но создавалась там и тогда, в то время, когда ведические индоиранцы жили на Севере, на территории Южного Урала.

Еще не было в истории не иудаизма, христианства, мусульманства, буддизма, а техника йоги уже была создана, причем не в Индии, а на Урале, где до настоящего времени проживают башкорды в мифологии которых главные герои: Урал (человек) и Хомай (лебедь), Хаубен (человек) и Наркас (золотая утка) постоянно, то восходят вместе на небеса, то погружаются в Космические воды. При этом, если Урал катается верхом на посохе (Рудре), то в “Хамса упанишаде”, божества Рудра и Рудрани объявляются лапками “Высочайшего Лебедя, блеском 10 миллионов светил сияющий.”

Упанишады последовательно доказывают реальность индивидуального — Я. Это полностью соответствует и башкордской философской мысли, которая как это показано в эпосе “Урал-батыр” знает об индивидуальной смерти человека и всячески стремится познать бессмертие и сохранить навсегда бессмертным свое, человеческое Я. В башкордской мифологии доказательство индивидуальности человеческого — Я строится от понятия — смертности человека. Созерцая как течет и изменяется материальный мир Урал-батыр ищет источник бессмертия. В башкордском эпосе не совсем ясно идет ли речь собственно о спасении тела, либо речь ведется только о спасении души. Но если исходить из поздних представлений башкордов, то они считали, что душа превращается в лебедя или утку на период вознесения на небеса, где достигнув цели сливается с божеством. Об этом же говорится и в “Хамса упанишаде”, но с той разницей, что здесь это превращение души человека в лебедя становится созерцательной техникой в упражнениях йоги. Интересно и другое соответствие, так в башкордском эпосе Хомай постоянно воплощаясь и перевоплощаясь из лебедя в девушку и затем снова в лебедя предстает символом иллюзорности внешних форм материи и постоянства духовной сути божества. В Упанишадах термин того же корня — Майя означает Иллюзию и, в целом несет семантическое значение — перевоплощение, изменение, чудо.

В башкордском эпосе, как это видно, человек уже постиг идею иллюзорности материи и начинает осознавать, что в основе всего мироздания лежит исконно— живая сущность Божества, которая неразрушима и бессмертна и сама является началом жизни всех вещей. Исторически значительно позже, эта идея станет главной в философии у Платона и Плотина, так, в частности последний из них писал: **“Хотя Душа (как вечная, Божественная сущность) пребывает в покое (полностью основанном на Вечном Покое), но Абсолют, как мы можем назвать этот ярчайший свет. Изливающийся из Супраментального, достигает своих крайних пределов и переходит во тьму; Душа видит эту лежащую вниз тьму и придает ей форму; ибо, по закону вещей, эта абсолютная глубина, существующая по соседству с душой, не может быть свободна от того, пусть даже самого слабого, Принципа Разума, который она способна вобрать в себя.”** (Плотин. Космогония. Изд. Ваклер. 1995, стр. 70-71)

Задолго до Плотина эта же философская мысль была изложена в башкордском эпосе “Урал-батыр”, где Хомай — Душа Мира, сходит в облике лебедя с небес в мир темной материи и своим сиянием и теплом оживляет по весне весь земной мир.

Из этого видения логически следует, что древние башкорды осознавали деление Космоса условно на два мира. Настоящий, подлинный духовный мир выше мира темной материи, но дух проявляет себя через мир вещей и имен. Поэтому считалось, что мир материальных форм скрывает в себе бессмертную сущность и, если человек уединившись войдет в состояние самосозерцания, то его душа трансформируется в духовного лебедя —Хамса и воспарит к небесам навстречу Солнцу почитаемое древними башкордами как бог Самодержец (Samraj, санскр.) — Самрау.

Вознесение Урала к Солнцу —Самрау необходимо понимать и трактовать и как духовное восхождение человека к богу, как это стали позднее практиковать и описывать индийские йоги.

Как и буддизм, первоначально зародившийся как философское учение в среде кшатриев из иранского рода Сакьев, постепенно распространился и стал к IV веку “национальной” религией Индии, так и техника и философия йоги пришла в Индию вместе с вторжением ведических индо-ариев.

Башкордская терминология в индийской Йоге.

Название — Йога произошло от башкордского слова — егя “запрягать” (лошадь), в отношении человека — занимать, запрягать, загружать — работой (упражнениями) лошадей. Предки индоиранцев приручили лошадей не в Индии, и даже не на территории Урала, а на Южном Урале, где и обитали в древности. В этом смысле башкордскому слову — егя, соответствует славянское — иго.

Для того, чтобы у читателей не было сомнений в исконно башкордском произношении слова —йога, мы приведем доказательства другого рода. Так, сам термин — егя в башкордском языке стал термином в коневодстве, наряду с которым как и в любом другом языке имеются и другие термины. Суть доказательства заключается в том, что ряд таких терминов в коневодстве, такие как — седло “эйэ”, “өзэ” и “өзэ”, точно воспроизводятся в современном кордском языке некоторые диалекты которого (зенгене, заза) до настоящего времени сохранили следы древних индо-арийских языков.

У кордов — курманджи, точь в точь как и у башкордов эти термины коневодства называются : дьзгьн “вожки, повод, узда”, зэ “стремя”, сойар “всадник”.

Терминов в коневодстве не так много и совпадение трех из них свидетельствует, что даже не смотря на уход с Урала древних иранских племен несколько тысяч лет тому назад в Иран, по существу на такое же расстояние, равное по удаленности Индии от Урала, корды— иранцы имеют единую с башкордами терминологию в коневодстве.

Учитель, в йоге называется — Гуру, от кордского — Гор “сильный”, в башкордском — “Гор”, Herr “Гор”.

Само слово — гур имеет своим корнем башкордское существительное — ур “высота”, тождественное английскому — air, латинское — aer, французское — air. В башкордском языке в слове — “Гор” наблюдается древняя редупликация

Он не знал.

— —

4010 (5) Явился я к тебе
Во мне душа, как мотылек,
Во мне крови на один глоток—
В чем только держится душа!

— — —

Пытался звать я Смерть,
Хотел ей себя отдать,
Но не взяла Смерть душу мою
Отказалась ее принять, сказав:
“Испил ты воды из Живого Родника,
Сделал ее силой против меня.
Вовек не возьму душу твою
Не убью я тебя.

С этим стихом из башкордского эпоса напрямую пересекается гимн 136 из X мандалы в “Риг Веде”, в котором повествуется о косматых аскетах.

2. “Аскеты, подпоясанные ветром,
Одеваются в коричневые грязные одежды
Они следуют порыву ветра
Когда боги вошли в них.
3. Возбужденные состоянием аскета,
Мы оседлали ветры
Только тела наши вы
Смертные, видите перед собою.”

(Перевод Т.Я. Елизаренковой)

Этот мистический, неясный, темный гимн, в котором, описана эскатическая практика аскетов вызываемая применением неизвестного сейчас возбуждающего, галлюциногенного напитка, называемая — *visa* “яд” и судя по всему не являвшегося Сомой (Хаомой).

В Упанишадах — живой водой, называют Амриту, нектар истекающий из Аджня Чакры, расположенной у человека в межбровье. Считается, что йог практикующий особую технику — кхечари мудру, способен пить этот нектар — Амриту и затем приобретает различные магические силы и способности и обретает наконец — Бессмертие.

В тантрической йоге — Аджня Чакра является местом встречи бога Шивы (на башк. “□э□э□” — блеск, заря) со своей супругой Умой (Парвати, Шакти) и аскет созерцающий умом их встречу становится просветленным Буддхи.

В башкордском эпосе “Урал-батыр” достигнув в своем полете Солнца, вступает в священный брак с девушкой лебедем Хомай, являющейся дочерью верховного бога — самодержца Самрау. Если в индуизме бог-творец Брахма является главным объектом созерцания в медитациях, то вне всяких сомнений древние башкорды также могли медитировать на создаваемый ими в уме мысленный образ бога солнца Самрау, творца земли Урал-батыра и солнечной девы — лебедя Хомай. Для башкордов эпос “Урал-батыр” является тем же самым, чем и Упанишады для современных брахманов Индии. Во многих Упанишадах описывается техника исполнения созерцания в уме образа божества до полного отождествления, а затем и полного слияния человека с Брахмой (Вишну, Шивой). Так, в “Хамса Упанишаде”, которая по сути есть ни что иное как преобразованный для медитации башкордский эпос “Урал-батыр”, подробно

описываются необходимые условия и соответствующие позы, которые йог должен принять прежде чем приступит к созерцательным упражнениям. Если индийская йога носит башкордско — иранское название, то в целом нет никаких сомнений в том, что башкорды в древности знали о духовно — медитативных упражнениях для ума и тела.

Эпос “Урал-батыр” при сопоставлении с пятью отделами йоги, ближе всего стоит к Карме йоге, но описывает познание человеком (Урал-батыром) божества (Самрау) с которым впоследствии сливается воедино (брак с Хомай) и в этом смысле эпос является уже Джняна йогой или йогой знания. Если бы в конце башкордского эпоса было бы включено описание техники медитации на определенное божество, то несомненно эпос был бы уже давно назван Хамсой — Упанишадой. Главное, и абсолютно несущественное различие между ними заключается в следующем, так: в башкордском эпосе “Урал-батыр” зафиксировано, что башкорды верили в возможность увидеть божественного лебедя без всяких особых предварительных йогических медитативно-созерцательных упражнений; тогда как в “Хамса Упанишаде” говорится о необходимости принять человеку специальную позу (асану):

“Устойчиво поместив задний проход, поднимая воздух
От корневой опоры к свадихистане,
Где нужно сделать три оборота слева направо
Пусть пройдет манипураку, пройдя (ее) —
анакату с вишудхой, сдерживая праны,
(достигнет) аджня (чакры) и Благого отверстия
(и так) три раза (проделает) постоянно размышляю: “Я”
Затем: (слышен) звук, что идет от Корневой
опоры до Благого отверстия
Подобный чистому кристаллу, он поистине,
Благом, Высочайшим Самым зовется.

2

(Говори) Затем: Лебедь — пророк(...)
Высочайший Лебедь — божество,
“Я — семя”,
“Он — сила”, “Он — Я” — стержень всего
(Такого понимания) достигают 21600 раз повторяя
(Мантру — Хамса — Аham-sa “Я — Тот”) день и ночь
Солнцу и Луне. Незамутненному, Невидимому —
тонкое, легкое (в нас) да вызовет!
Агни и Соме — Ваушат”

(Перевод Б.В. Мартынова)

Совершив все вышеописанные предписания и прочитав мантру (священный заговор) состоящий из слов — Хамса, Аham-sa “Я — Тот” (лебедь), не менее 21600 раз по словам авторов “хамса упанишады” йог-аскет доходит до того мистического состояния на уровне которого начинал видеть свою душу в образе белого лебедя парящего в небе.

Повторяем еще раз ту мысль, что если бы в башкордском эпосе было описание того как Урал-батыр сел, закрыл глаза и повторил 21600 раз имя богини Хомай, явившейся ему затем для того, чтобы вознести на небеса к самому солнцу Самрау (Брахмо), то не у кого бы не возникло сомнений в том, что эпос “Урал-батыр” является методическим пособием по йоге. Доказательством этому

является предположение о том, что возможно сама “Хамса Упанишада” создавалась не в Индии, а на севере, скорее всего на Урале, куда прилетают весной и улетают осенью стаи лебедей. Башкорды почитали и боготворили лебедей и об этом писали неоднократно древнегреческие историки. Например у Элиана (XI, 1) читаем “Род гиперборейцев и почитание у них Аполлона [Солнца — Брахмо] воспевают не только поэты, но и писатели, среди которых и Гекатей, не Милетский, но Абдерский. Он сообщает и много другого ...

Мое же повествование касается только следующего. У этого божества [Аполлона] есть жрецы, сыновья Борея и Хионы, — их три родных брата, ростом в шесть локтей. Всякий раз, когда они совершают установленные священнодействия в обычное время по предписанию с так называемых Рипейских гор слетает туча лебедей, непреодолимая своим множеством; и они облетают храм, как будто очищая его своим полетом, затем, однако, садятся на ограду храма, представляя собой зрелище величественное по множеству и красоте.

Когда же певцы своим пением воспевают бога и кифаристы [кубызисты — С.Г.] сопровождают хор гармоничной во всех отношениях мелодией, тогда и лебеди сообща присоединяются к пению и никоим образом нигде не поют нескладно или не точно, но так, как будто они приняли во внимание указание главы хора вторят в священные пении самым опытным певцам. Затем по окончании гимна они удаляются, воздавая обычное почитание богу, и целый день, можно сказать, вышеназванные пернатые певцы все вместе прославляют и воспевают бога.”

(См. А.Ф. Лосев. Античная мифология. Стр. 406)

Из этого рассказа Элиана можно понять, что предки башкордов почитали и боготворили лебедей и встречали с молитвами на устах прилет лебединых стай весной на Урал. Распевание мантр и молитв избранным божествам невозможно без упоминания имени богов и, поскольку у башкордов богиня-лебедь носила имя Хомай, то следовательно, встречая лебедей возвращающихся весной на Урал древние башкорды громко кричали “Хомай, Хомай!” И эти башкорды, как это видно по эпосу “Урал-батыр” свято верили, что лебедь-Хомай, дочь Самрау может не только душу, но и самого человека вознести к самому Солнцу, если беспрестанно повторять ее имя — Хомай, Хомай... Это означает, что так называемая ведийско— брахманская мантра — ham-so “Я— ты” зародилась и прозвучала впервые на Южном Урале.

Ведические индо-иранцы создавшие не только гимны “Риг-Веды”, но и “Самаведы”, молитвенные формулы “Яджурведы” и магические заклятия “Атхарваведы” проживали до середины второго тысячелетия до нашей эры на Южном Урале и поэтому нет никаких сомнений в том, что создатели “Хамса упанишады” должны были предварительно знать миф о божественном лебеде: Хомай — Хамса возносящего человека к Солнцу. Это нетрудно понять, хотя бы только потому, что первоначально древний человек должен был отделить — душу, как неизменяемую, вечную идеальную субстанцию от материального тела подверженного смерти, тлению и аннигиляции.

В эпоху фетишизма и оборотничества древние люди не знали идеальной, независимой от физического тела души и поэтому как считали башкорды душа после смерти человека перевоплощается в другое тело. Башкордский эпос “Урал-батыр” создан именно в эту эпоху. “Хамса упанишада” создана намного позже и уже в ту сравнительно историческую эпоху, когда древние индо-иранцы стали осознавать и понимать душу человека как идеальную и независимую субстанцию

неподверженную действию или влиянию материальных тел и стихий. Из этого логически следует вывод о том, что башкордский эпос “Урал-батыр” просто древнее “Хамса упанишады” и в ту историческую эпоху когда он создавался никакого учения о восхождении души к солнцу просто-напросто не существовало и не могло существовать, поскольку самого этого учения о душе не было, так как древние люди еще не доросли в своем сознании до уровня абстрактных обобщений.

В этом отношении интересно отметить, что и в Упанишадах первоначально йога излагалась не как самостоятельное философское учение, а только как Праксис. Составители Упанишад понимали йогу не как образ мышления, а как совокупность различных психофизических действий (дыхание, позы) способствующих эффективному овладению техникой созерцания избранного аскетом образа воображаемого божества. В любом случае мы установили наличие на Урале, где в древние времена обитали индо-иранцы, в мифологии и поверьях башкордов, представлений о превращении как души человека, так и божества Солнца-Хомай после смерти в белого лебедя. Этого лебедя и башкорды и ведические индо-иранцы называли одним именем Хомай—Хамса.

Необходимое филологическое разъяснение

Хамса согласно традиционному объяснению брахманов разлагается на (a)ham — sa: “Я —Тот” (т.е. — Высшая реальность). Это объяснение придется признать наивным, с научной точки зрения, поскольку в голове не укладывается как мог древний человек пусть даже предок индогерманцев еще в эпоху первобытнообщинной формации бросаться такими словами как “Высшая реальность”? Я с полной ответственностью заявляю, что даже в наше время, допустим, современный рабочий никогда в своей речи при разговоре не употребляет таких слов как “Высшая реальность”. Для нас сейчас больший интерес представляет другое, например, что в санскрите местоимение — То, звучало как — So. Это очень важно, поскольку в башкордском языке, даже в отличии от иранского — кордского языка это местоимение сохранилось как продуктивный суффикс с помощью которого образуются а) имена деятеля; тимер “железо” —тимерсе “кузнец” ; б) указывает на принадлежность: нунар “охота” — нунарсы охотник.

В современном кордском языке это в целом индо — германское местоимение вследствие чередования звука С>Ч превратилось как и в башкордском языке в продуктивный суффикс — чи: фьрҗачи “партия” — фьрҗачи “партийный”

В английском языке это древнее местоимение вследствие чередования звука s>h превратилось в — he “он”. Но для III лица глагол — be, принимает форму — is “он”. Сравните также и притяжательные формы —he —his; her —hers. Во французском языке как и в “ведийском” санскрите это местоимение звучит — Се “этот — То”.

Как видим башкордский язык сумел несмотря на происшедшее тысячелетия сохранить древнее индо-германское местоимение чистым от какого-либо фонетического искажения даже по сравнению с кордским языком, при том, что и в башкордском языках это древнеарийское местоимение — So, утратило свою самостоятельность и превратилось словообразовательный суффикс.

Гуру—Нерг

Ведийско— арийское Гуру “господин” в кордском и башкордском языках также превратилось в словообразующий суффикс. Так в кордском: □э□ „

колдовства” и “часть колдовского процесса”, как раз соответствует эпохе фетишизма и оборотничества. Именно к этой древней эпохе восходит одно из кордских поверий о — щэд (джэд) и сэ□□□. □э□ (jad-na) это чихание четное число раз, что считается у кордов хорошей приметой, а вот сабрь — чихание нечетное число раз, после чего необходимо на короткий срок отложить все дела, что связано с кордским поверьем: чихание нечетное число раз приносит несчастье или беду.

Как видим у кордов Месопотамии, без всяких там индийских йогов, словосочетание щэд + па, јара (санскр.) изначально связано с понятием волшебства, колдовства, родившегося на основе исконно кордского национального мышления и архидревнего магического поверья. Курдское слово — щод (јор), означает “пара”, как и в башкордском языке — иш, ише “пара, близнец”.

Кордские дервиши — Дэвариши (Этнографический обзор)

Корды до настоящего времени сохранили древнее ведийско-арийское имя — □эw□□□□, которым называют аскетов практикующих йогу молитвы. Ни один из известных автору современных иранских народов кроме кордов Месопотамии не знает этого древнего ведийского имени — Дэвариши, что является в свою очередь веским доказательством, того исторического факта, что именно сами корды и являются создателями этого словосочетания щод-па ставшего со временем религиозным термином — Джапа йога.

Корды не живут в Индии, а проживают в Месопотамии, Иране, Передней Азии, Афганистане, Белуджистане и в Закавказье и следовательно совпадение имени Дэвариши в кордском языке с древним санскритом напрямую свидетельствуют во-первых, о том, что это слово имелось в наличии уже в эпоху индо-иранского единства, когда ведические арии обитали на Южном Урале, а во-вторых о чрезвычайной древности самого слова — Дэвариша, которое просто не имеет никакого отношения к мусульманской религии, как ошибочно считают многие ученые—востоковеды.

Этимология слова

В кордском языке слово —ръща, означает: просьба, прошение, мольба. В “Риг Веде” создатели и авторы гимнов ведийским богам называются кордским именем — риши “rsi”. Сам корень слова — rsi является исконно индоевропейским и встречается в таких словах как русское — “рцем, рцыте”, в башкордском — □□с□□□. Ведолог Т.Я. Елизаренкова производит слово — риши, от ведийского корня rs/ars “устремляться, течь, изливаться”, от которого происходит в свою очередь башкордское слово — □□□ү “таять”. На Южном Урале весной лед сковывающий воды тает — ирей (башк.), после чего реки устремляют — ars (санскр.) свое течение.

Слово — дэв, в кордском языке означает— “рот, уста, пасть, зев, горло, жерло”.

Таким образом, слова **дэва** и **риши**, а также словосочетание **дэвариши** имеют исконно кордское происхождение и этимологию, помимо общепринятого выведения ведологами этимологии дэвариши, как полубогов-певцов, от — дэва “бог” (санскр.) и риши “певец, сказитель”. Необходимо здесь напомнить, что в эпоху индо-германского единства слово — дэва означало — бог, не только у ведических ариев, но и у иранцев, а также позднее и у латинян — деус.

В “Риг Веде” известны семь дэваришей, которые образовали семь звезд созвездия Большой Медведицы. Этот мотив встречается и в башкордском эпосе, где говорится о том, как Хаубен освободил семь богатырей и расставил их во главе башкордских родоплеменных объединений.

В древнеиндийской мифологии особенно выделяется дэвариша Нарада, которому приписывается авторство нескольких гимнов “Риг веды”. Наряду причисляют к семи мудрецам и в Индии считается, что он изобрел струнный инструмент — винаи (наподобии лютни). Кордские дервиши во время своих радений часто используют музыкальные инструменты. Дэвариши относятся к высшему классу и являются полубогами и учителями богов, живущих на небе Индры. Подвиг Урал-батыра, испив воду повторил знаменитый Дэвариши — Агастья. Вместе с Васиштой Агастья олицетворяет одну из звезд Большой Медведицы. Поэтому нет никаких сомнений, что культ Полубогов-полулюдей Дэвариши зародился на Южном Урале.

Брахмариши

Брахмариши составляют после дэвариши второй класс певцов и слагателей гимнов. Это слово также имеет башкордское происхождение, так у башкордов слово — бырылдау означает “бормотать что-то”. Именно это значение имеет различные формы этимологий предпринятых учеными в различное время.

Так, С. Радхакришнан в своей книге “Индийская философия” приводит мнения ведущих ученых-санскритологов по поводу происхождения слова — брахма:

“Хауг считает, что Брахман означает молитву и происходит от корня “брх” — разбухать, расти. Это, то что разбухает, растет. Святые молитвы вызывают рост, затем они начинают означать силу природы и позже — верховную реальность. По мнению Рота, Брахман — сначала это сила воли, ведущая к богам, потом он стал означать священную формулу, а затем Абсолют. Ольденберг полагает, что в ведийские времена, когда мир был населен многочисленными богами и таинственными силами, способными вызывать счастье, горе, самыми могущественными людьми являлись медики, которые умели пользоваться магическими заклинаниями и добивались любого желаемого ими эффекта. Тогда Брахман означал магическое заклинание. Во времена брахманизма он стал одним из священных гимнов, употребляемых при жертвоприношениях. Возможно некоторые из этих гимнов применялись как заклинания для получения магических эффектов. Это слово постепенно приобретало значение центральной энергии, которая создала мир. Дойссен считает, что Брахман — это молитва, которая возвышает душу, когда мы постигаем истину и когда эту истину следует обозначить словом. Макс Мюллер выводит этот термин от “слова”, как явствует из имени Брихаспати и Вачаспати — владыка речи. То, что произносит его, — Брахман нам нет нужды затруднять себя этимологией этого слова. Для нас ясно, что Брахман означает реальность, которая растет, дышит и увеличивается.”

(См. С.Радхакришнан, указ. соч. стр. 135)

Слово — бриха, означает в санскрите “молитва, речь, слово” и в этом отношении тождественно башкордскому — “бурылдау, бырылдау, быгырлау”, в русском — “бормотать, бурчать, брехать”, в кордском — бори “реветь, рев, мычать”.

Слово невидимо передается от одного человека к другому и обладает внутренней энергией, которая способна раз зародившись развиваться самостоятельно.

По представлению древних предков индо-германских народов слово обладало магической энергией способной к росту. Такие слова как — □θ□θ “почка” (башк.) и *bourgeon* “ветка” (франц.) происходящая из одного корня с ведийским — бриха, с кордским — бори, башкордским —бырылдау.

Этот пример ясно и четко показывает нам, что в древности индо-германцы считали слово человека живым организмом способным расти, увеличиваться и покинув уста человека на земле достичь божества на небе. Таким образом, слово в молитве, гимне, мантре или заговоре связывало человека с божеством и поэтому Брахмариши считались в эпоху “Риг Вед” божественными певцами, которые связывают своими молитвами — бриха мир людей на земле с миром богов на небе.

Сам факт, что ведийский корень — брх “распухать” совпадает с башкордским словом □θ□θ “почка на дереве” и французским словом *bourgeon* “ветка дерева” означает и свидетельствует, что слово Брахмо “реальность, которая растет, дышит и увеличивается” зародилось на Южном Урале, а не в Индии куда позднее пришли ведические арии, и не во Франции, где до прихода латинян, а позднее и франков проживали — кельты.

Махариши

Класс Брахмариши подразделялся еще на два класса. Первый — это Раджариши (риши— цари и кшатрии — сословие воинов) и Махариши или великие риши. Таким образом, можно считать, что Махариши составляют особый третий класс риши. Само имя Махариши также свидетельствует о далекой эпохе индо-ирано-германского единства, так ведийское слово маха “великий” соответствует башкордскому — маһ□□□□ “возгордиться” и германскому — *macht* “□□□□, □□□□, □□□□□□” □ „ *machtig* “громадный, могущественный”.

Все три класса ведийских риши: Дэвариши. Брахмариши, Махариши выполняли роль посредников между богами и людьми, поскольку молитва составляла наряду с жертвоприношениями наиболее важнейшую часть в богослужении.

“Молитва, как считали риши — пишет Т.Я. Елизаренкова очищала жертвоприношения, подобно фильтру, через который проходит сок сомы в процессе приготовления амриты... Очищаясь в сердце поэта, молитва материализовывалась в форме сакральной речи, превращаясь в средство общения с богами.

Деятельность поэта, таким образом, изофункциональна деятельности жреца: один воздействует на богов словом, другой — приношением жертвы.... первоначальное назначение поэтического творчества риши было, судя по всему, именно ритуальным.”

(См. “Риг Веда”, Мандалы V-VIII. Приложения. М., 1989, стр. 480-481)

Именно этой ритуальной деятельностью и занимаются современные кордские дэвариши, которые денно и ночью исполняют джапа-йогу.

Необходимо отметить тот факт, что с исторической точки зрения щед-па (джапа) йога зародилась не в Индии и не в Ираке, а на Южном Урале в эпоху индо-германского единства, когда предки современных англичан (англов, саксов, ютов) проживали вместе с предками башкордов ведическими индо-иранскими ариями.

Одним из многих лингвистических подтверждений этому служит полное соответствие английского слова — pray “молитва” ведийскому — брах “молитва”. В этом этимолого-семасиологическом ряду стоит английское — preach “проповедовать”, praise “хвалить, хвала”.

В ведийском корень **брх**, как и в башкордском языке имеет значение — разбухать, расти, удлиняться и, в современном английском этот же корень встречается в слове — **prairie** “**прерия, луг**”.

В ведийском санскрите, как и в башкордском языке корень — **бр** обладает значением “древний” (purana) и для авторов гимнов “Риг вед” существовало важное противопоставление древних, прежних гимнов — purva, pratna к новым гимнам — **nutana, nava, navya**. В современном английском языке это противопоставление сохранилось на уровне этимона, так и на уровне лексики и семасиологии, кстати, как и в современном башкордском языке, сравните:

Английский язык	башкордский, кордский языки
pre — преффикс придает значение предшествования во времени или, по порядку	пураны “древние” (санскрит) борон “в древности” (башк.) бэ□□ “□□□□□□” (кордск)
pre — historic “доисторический”	□□□□□□ “древний” (башк.)
pre — human “до появления человека”	
new — новый	яң□ “□□□□□□” (башк.) ну “новый” (кордск.) но “новый” (кордск.)

Эти и многочисленные другие лексические соответствия в башкордском и английском языках ведийскому санскриту и языку гимнов “Риг Вед” ясно и четко свидетельствуют, о том, что до своего исторического разобщения (III — II тысячелетия до нашей эры) индо-германских племен и проникновения ведических ариев на территорию Северной Индии и Иранского нагорья, предки современных башкордов, англичан и кордов обитали вместе на Южном Урале, откуда начали в IV тысячелетии до нашей эры постепенно расселяться как на восток (Napta Hindu), так и на запад — френги (афганск.), франгразйан (авест.) — франки, англ (канглы), саксы (массагеты), юты (сальюты).

Бхараты Башкорды — курды — куру

Блестящим доказательством возникновения философии щад-па йоги (джапа йога) много тысяч лет тому назад первоначально на севере, на Южном Урале, а не в Индии, куда йога была привнесена ведическими ариями позднее в середине второго тысячелетия до нашей эры, служит такой важный этнографический факт, как полное совпадение и зеркальное соответствие друг другу этимонов таких известных этнонимов как Башкорды Урала и Корды Месопотамии с именем легендарного и эпического народа Куру, известного в истории как основной и ведущий этнос ведических ариев способствовавший сложению цивилизации в долинах Ганга.

Индоарийский род — Куру входил в племя ведических ариев Бхаратов, жившим и во времена действия Махабхараты на территории, так называемой Курукшетры (в 56 км от города Дели). Поле Куру, то есть Курукшетра, названная по имени царя из Лунной династии Куру, в древности располагалась между реками Сарасвати и Дришадвади и почиталась ведическими ариями —

священной. Хастинапур — столица страны Куру и располагался на севере Ямуно-Гангского двуречья. По данным археологических раскопок, локализуется на расстоянии 56 км к северо-востоку от современного города Дели. Древнее название города Хастинапур традиционно связывается с именем его легендарного основателя — царя Хастина. В кордском языке слово —Хас, означает 1) отборный, лучший; 2) чистый, настоящий. Слово —пур, в башкордском — бура, в ведийском санскрите, как и в современном немецком — burg, означает — крепость, замок. Таким образом, мы видим, что название города Хастинапур является исконно башкордско-ирано-германским.

Куруджангала — лесистая местность к северо-западу от Хастинапура, которая входила в состав Курукшетры; иногда в Махабхарате так называли всю территорию подчиненную ирано-индоарийскому племени Куру.

Город Дели был основан в древности раджой Дилипой. Поле Куру является одним из самых священных мест в Индии. В Махабхарате неоднократно говорится о поле Куру, как о священном месте, где: “Боги приносили жертвы.”

По преданию здесь на поле Куру произошла знаменитая битва между Кауравами и Пандавами, которые являются представителями различных кланов и ответвлений рода Куру.

Каурава — “потомок Куру”, народ происходящий от Сомы (Луны). Кауравы — общее название правящего рода племени Куру (бхаратов).

Таким образом, башкорды, которые все без исключения являются потомками мифического царя Самрау и его Хомай (Сома, санскр.) имеют теперь полное право называть себя — Кауравами, по имени ведийско-арийского народа Куру происходящего, как и башкорды от Сомы — Хома (Луна).

Родоначальником рода является Куру сын Бхараты, который неоднократно упоминается в “Риг Веде”.

Мандала IV, 25

К Индре

4. Агни потомок Бхараты, пусть дарует защиту тому —
Пусть тот долгое время видит, как восходит Солнце,—

Бог огня Агни часто называется “происходящим от Бхараты”, при этом нередко и бог Солнца — Сурья в “Риг Веде” именуется Бхаратом — родоначальником. Согласно “Махабхарате” Бхарата царь Лунной династии сын Шакунталы и Душьянты. Шакунтала является по ведийской мифологии дочерью апсары Менаки и дэвариши “учителя богов” кшатрия Вишвамित्रы, который является легендарным автором гимнов третьей мандалы “Риг Веды”. Так, в 33 гимне говорится, как дэвариши Вишвамित्रа перевел войско Бхаратов через реки Випаш и Шутудри, воды которых остановились перед ними, точно также как и воды Красного моря перед библейским Моисеем.

Мандала III, 33

Вишвамित्रа

11. “когда же вправду, через тебя переправятся Бхараты,
Отряд ищущий коров, посланный и вдохновленный Индрой,
Пусть (снова) ринется (твое) течение, устремленное в (едином) порыве!
12. Бхараты, ищущие коров, переправились
Вдохновленный вкусил милость рек.

Набухайте, освежая, принося прекрасные дары!
Наполняйте себе утробу! Быстро двигайтесь!
(Перевод Т.Я.Елизаренковой)

Этимология слова — Бхарата

Слово Бхарата имеет свое исконно кордско-иранское происхождение, так в кордском языке, как и ведийском санскрите слово — хирэт, означает — “трудолюбие, старательность, воспитанность”, а предлог —бь, если стоит при имени обозначающим предмет одушевленный, то — совместность выражаемую в русском языке предлогами — “с, со, вместе с”.

Таким образом, в кордском языке словосочетание Бъхирата означает, как и в индийско-арийском — Бхарата “усердный, воспитанный, старательный”.

По “Махабхарате” дедом Бхараты является Вишвамित्रа отец Шакурталы. Само имя Вишвамित्रа свидетельствует об эпохе индо-иранского единства, поскольку бог Митра больше известен не как индийское, а все таки как древнеиранское божество, культ которого позднее, именно благодаря иранцам восторжествовал по всей Малой Азии и дошел до границ Римской империи.

Именно к Бхарату, внуку девариши “учителя богов” Вишва Митры восходит и род Бхаратов и род Куру, являвшиеся ведийско-арийским племенем, которое во втором тысячелетии до нашей эры завоевало северную Индию и заложила основы цивилизации в долине реки Ганг.

К Бхаратам принадлежат и род кауравов и пандавов, то есть, главные герои Махабхараты, которые предстают противоборствующими, но тем не менее остаются родственными ветвями индоарийского рода Куру.

И башкорды как и Куру в Махабхарате ведут свое происхождение от Луны — Хомай, Сомы, Хома.

В честь Бхаратов Индия еще в древние времена называлась страной бхаратов, или Бхарата— варшей, которое сохранилось и в современном официальном имени Индии на языке хинду— Бхарат.

Родственные башкурдам Урала курды Месопотамии являются ближайшими родичами индоарийских бхаратов и куру пришедших в Северную Индию во втором тысячелетии до нашей эры с территории Средней Азии, западной Сибири и Южного Урала. Поэтому, если современные индусы возводят имя своей страны к индоиранскому племени Бхаратов—Куру пришедшему с севера, с Урала, то тем более с исторической точки зрения правомерно и необходимо считать Башкурдов Урала и Курдов Курдистана потомками индоарийского рода Бхаратов — Куру.

Принадлежность башкурдов Урала, как и курдов Курдистана в Месопотамии к индоарийскому роду бхаратов Куру подтверждается тем немаловажным историко-этнографическим фактом, что род Куру имел родичей Уттару — Куру или “северных Куру”, которые в эпоху эпоса (начало первого тысячелетия до нашей эры) обитали за Гималаями, то есть к северу от Курукшетры — страны Куру с их столицей Хастинапур. В этот же исторический период времени в Средней Азии и на Южном Урале проживали предки башкурдов Сако-Массагеты, парфяне, бактрийцы, савиры, сагартии. Все эти народы не являются вымышленными, а существовали в древности в реальной истории, так: в Махабхарате — парфяне названы — пахлавами, саки — шаками, бактрийцы — бахликами. Все эти народы иранского происхождения представляют родственную ветвь ведических индоариев, которые уже позднее в эпоху сложения индийского эпоса отнесены в Махабхарате к западным варварам — млечхам, которыми назывались ираноязычные пришельцы с территорий лежащих к северо-западу от древней

Индии, а также отдельное племя, напрямую ассоциировавшиеся с ирано-язычными парфянами (пахлавы) и Сако-Массагетами (Шаки).

(См. Примечания. Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой в книге “Махабхарата” книга 3. М., 1987, стр. 726)

Важно при этом указать, что эти ирано-язычные бахлики, пришельцы из Бактрии в Махабхарате являются сторонниками Кауравов, то есть тех ведических ариев, которые открыто называли себя — “Потомками Куру”, по имени Куру сына Санвартана и Тапати, пятого царя из поколения Сомы —Нахуши.

В эпоху Геродота, в районе Балха обитал ирано-язычный народ — Сагартии, входивший в четырнадцатую сатрапию империи Ахеменидов, и в которую входили и предки башкордского рода Тамьян —Таманеи. Поскольку и башкорды Урала и корды Месопотамии даже в своих названиях носят имя царя Куру, то становится понятным, почему бахлики, савиры, сагартии, таманеи, шаки, пахлавы являлись сторонниками Кауравов. Необходимо добавить, что большинство ученых-востоковедов такие как В.П. Никитин, Е. Херцфельд, М. Штрек, И.М. Дьяконов считают сагартиев предками кордов Месопотамии, имя которых отразилось в имени города Сиирта (Загерту) — Сагерту.

(См. О.Вильчевский. Курды. М.-Л., 1961, стр.154)

Сагартии, как и бактрийцы и саки составляли те народы из которых в армии Ахеменидов составлялась особая конница, факт, который имеет особый интерес в нашем исследовании этнонимов Куру —Курды —Башкурды. Дахо — Массагеты, предки башкордов Урала как это подтвердили многочисленные археологические находки, участвовали как союзники, а временами как соперники в многочисленных военных походах Ахеменидов, Аршакидов и Сасанидов.

Как пишет М.Г. Мошкова: “Импортные предметы особого рода известны из богатых погребений Савроматского времени (V-IV вв. до н.э.) южного Приуралья: ахеменидские ритоны, гривны, печати. Вряд ли эти вещи могли быть предметами торговых операций. Ритоны употреблялись как парадные сосуды на пиршествах и при совершении культовых обрядов..., гривны являлись символом высокого социального статуса их обладателя. Поэтому весьма вероятно, что подобные вещи могли быть получены военачальниками южно уральских кочевников в качестве трофеев или подарков за службу их отрядов в ахеменидской армии.” (См. Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989, стр. 207)

Саувиры в “Махабхарате” по исторической хронологии и территориальному расселению соответствуют Башкордам — Савирам Поволжья, которые до татаро-монгольского нашествия имели свою столицу — Сувар. Саувиры отнесены индийским эпосом к западным варварам-млеччхам. О том, что Саувиры являлись не только и не столько ирано-язычным, а скорее всего даже индоарийским этносом свидетельствует тот факт, что эти Саувиры почти всегда упоминаются наряду с народом — Синдху, при этом, часто имя племени Синдху заменяет собой обозначение Саувирав.

В кордском языке слово Совар означает — Всадник. В эпоху Сасанидов все степи Волжско-Уральского региона именовались — Деште Саваран, то есть “Степью Всадников”.

В башкордском языке слово того же индоиранского корня — эйар, означает — “седло всадника”.

В “Шах-Наме” вождь кочевых иранцев Туров Афросиаб (в Авесте — Франграсиан) говорит:

“Престол мой прославленный, воинский стан!

Отсюда я рать на Иран поведу

5420 В Степь Всадников (Деште Саваран) копыеносящих пойду!

(См. Шахнаме т. 6, Перевод Бану-Лахути И.Б. и Березнева В.Г., М., 1989, стр. 124)

В эпоху Авесты (II тысячелетие до н.э.) предки башкордов ирано-язычные Дахо-Массагеты владели всей территорией от Алтая до Урала включая и всю Среднюю Азию и совершали многочисленные военные походы на различные индоарийские княжества, о чем неоднократно говорится в “Махабхарате”.

Таким образом, становится ясным и понятным, что предками современных башкордов Урала и кордов Кордистана в Месопотамии являются неоднократно упоминаемые в “Махабхарате” индоарийские племена бхаратов “воспитанных” — Куру, в особенности “северные” Уттару — Куру, наподобии того, как древними предками Сеистанцев являются — Саки, отчего и родилось имя этой иранской провинции: Сакастан — Сагистан — Сеистан — Систан. Исходя из этого факта, следует, что этимология слова Башкурд должна и отныне будет строиться так: Башкордистан — Кордистан — Корд — Куру; при этом, суффикс — д, в слове — корд, является показателем множественного числа существительных в современном кордском языке (изафет).

Как писал по этому поводу О.Вильчешский: **“Попытка В.Ф. Минорского увидеть в курдском показателе множественности — ед, те — распространенном в северных говорах и отсутствующем в центральных, : “след проникновения некоторой скифской группировки в среду маннейцев, предполагаемых предков Мардов (цитирую по книге В. Nikitine. Les kurdes. Стр. 15, прим.3), пожалуй единственный, относительно убедительный пример воздействия скифской среды на курдов.”** (См. О.Вильчевский. Курды. Стр. 150)

Сагартии Геродота и Саки эпохи Ахеменидов являлись родственными друг другу ирано-язычными племенами.

Этимология индоарийского этнонима — Куру

В “Риг Веде” в 33 гимне (мандала 3) о бхаратах говорится, как о военном отряде. Куру — индоарийское племя тех же ведийских бхаратов в “Махабхарате” упоминаются исключительно и всегда в связи с военными действиями, походами, битвами и сражениями участниками которых они являлись.

Данные гимнов “Риг Веды” и тексты “Махабхараты” свидетельствуют о том, что индоарийское племя Куру было весьма агрессивным и выступало на войну как — отдельный отряд. Этот весьма важный факт доказывает мнение автора этих строк о происхождении самого этнонима Куру от древнего индоарийского понятия: Народ—Войско. Это предположение автора полностью подтверждается данными древнеперсидского языка в котором синонимом — Кара “Народ—Войско” известного ученым-иранологам уже по клинописным надписям эпохи Ахеменидов, обозначался коллектив всего племени.

Предки кордов — древние мидийцы создали свое собственное государство намного ранее персов — ахеменидов. Когда персы во главе с Киром Великим захватили древне Мидийское царство, в 550 г. до нашей эры, то переняли почти все институты власти и государственного управления империей, поскольку между персами и кордами изначально больше общего, нежели различного.

“В первую очередь, — как пишет О. Вильчевский — это относится к тому, что в центре структуры обоих государств (Мидийского и Персидского) находилась столь характерная для иранских племен военно-племенная организация “народа-войска” — Кара, т.е. системы общенародных, общеплеменных ополчений господствующих племен, на которые опиралась

царская власть, освобождая взамен этого членов кара от налогов, взимающихся с той части населения, которая не входила в состав кара.” (О.Вильчевский. Курды. Стр. 85)

В современном кордском языке слово: кер “нужный, годный”, а слово: бекер “негодный, непригодный” и с этой точки зрения этноним — Башкер, будет переводиться с кордско—медийского языка как: “Лучший из годных”. В этом отношении интересным выглядит следующие этимологии этнонима — Башкиры. Так, В.Н.Татищев писал: “Башкиры, тат. Башкурт, главный волк или вор. Карпеин и Рубрук именуют баскатиры и паскатиры. Они были рода сарматского,..” (См. В.Н.Татищев. Избранные произведения. Л., 1979, стр.180)

За восемь веков до Татищева арабский посол Ибн-Фадлан также описывал башкордов Урала как народ: “...более других посягающие на убийство. Встречает человек человека, отделяет его голову, берет его с собой, а его самого оставляет.” (См. Книга Ибн-Фадлана. Харьков. 1956, стр.26-27)

В эпоху Мидийского царства все древнее кордское государство было построено и базировалось на принципе Кара — “Народ-Войско”. Структура кордско-мидийского общества Кара — “Народ-Войско” не изменилась даже после того, как Мидийское царство после переворота совершенного Киром (сын кордянки-мидийки Манданы, дочери мидийского царя Астиага) стало подчиняться персам и вошло в состав империи Ахеменидов. В знаменитой Бехистунской надписи царя Дария (522-486 гг. до нашей эры) термин — Кара понимается и трактуется как — Община. И.М. Дъяконов, анализируя древнеиранский термин — кара, встречаемый в Бехистунской надписи, отмечает военное значение данного лексического термина, поскольку из этой надписи царя Дария следует, что у мидийцев существовал Кар — дружина при царе и Кар — ополчение в общине. (См. И.М. Дъяконов. “История Мидии”. Стр.332)

Кордов Месопотамии связывает с башкордами Урала то, что их предки Мидийцы называли себя — Арийязанту “Арийским племенем”. Термин *ariya* или *alan* ($r > l$) употреблялся применительно к скифо-сарматским племенам, из которых дахо-массагеты являются предками башкордского народа, обитали в эпоху Ахеменидов (553-331 гг. до нашей эры) на Южном Урале, где в более древние времена во втором тысячелетии обитали ведические арийцы, в составе которых одно из ведущих родоплеменных объединений называло себя — Куру. Именно с Южного Урала двинулись ведийские Куру на завоевание Северной Индии, которая только со второго тысячелетия до нашей эры стала их новой родиной — Куруджангала, где они заложили свою новую (после Аркаима на Урале) столицу — Хастинапур, и стали возлагать вместе с богами жертвы на священном поле Курукшетра, между реками Сарасвати и Дришадвади.

Перед военным походом любая армия высылает вперед на разведку дозорный отряд, который у индоариев в эпоху “Риг Веды” назывался Куру, поскольку этому термину точно соответствует понятие Кара “Народ-Войско”, в древнеперсидском языке происходящий наряду с ведийско-арийским языком из единого индогерманского корня.

Возможно и латинское — *currus* “колесница” восходит к ведийскому Куру, поскольку индоарийские племена Куру и Бхаратов пересекли территорию Средней Азии с севера на юг и перевалив Гиндукуш вторглись в Индию на конях запряженных в быстроходные колесницы. Ни коней, ни колесниц Индия не знала, тогда как раскопки Аркаима показали, что ведические индоарии уже во втором тысячелетии до нашей эры, до своего исторического вторжения в Индию, еще в ту эпоху, когда обитали на Южном Урале приручили и одомашнивали диких лошадей и умели изготавливать колесницы.

Одна волна индоариев с севера (с Урала) вторглась на территорию Индии, тогда как другая волна индоариев, отделившись от первой, вторглась на территорию Иранского нагорья и проникла в Малую Азию и Ближний Восток (Сирия — Палестина), где основали в начале 18 века до нашей эры свое индоарийское государство Митанни, просуществовавшее более пяти столетий, до 1308 г. до нашей эры.

Язык митаннийцев 18 века до нашей эры в Передней Азии принадлежал к индоарийской, а не иранской группе и был диалектом ведийско-арийского языка.

Митаннийские индоарии поклонялись одним и тем же богам (Сурья, Варуна, Митра, Насатья, Индра), что и ведические арии в Индии. Митаннийские арии являются ответвлением ведических ариев, один из двух родов которых назывался Куру. Следовательно, нет никаких сомнений в том, что ведийское племя Куру входило и в состав вторгнувшихся в Переднюю Азию Митаннийских ариев, которые в свою очередь, как это уже доказано исторической наукой, являются предками современных курдов. Это положение обосновывается тем, что группа кордских племен Зенгене сохранила в своем диалекте следы древнего индоарийского языка, из чего следует, что предками кордов являются ведические арии, часть из которых называла себя — Куру.

К племени Зенгене причисляет себя и племя Талабани, живущее возле города Киркука, расположенного на месте древнего города хурритоязычных матиенов — Араппхи, о чем оповестил автора Шорш Саид — корд из Южного (Иракского) Кордистана. (Смотрите также В. Nikitine. "Les kurdes". Paris, p. 215-216)

Корды рода Талабани являются последователями суфийского ордена Накшбандийа и индоарийским словом Дева-риши называют аскетов, непрестанно практикующих Джад-па (щод-па) йогу, на мусульманский манер — зикр.

Основателем суфийского ордена Накшбандийа был и есть корд Йусуф ал-Хамадани ал Бузанджирди (1049—1140гг.). как пишет английский востоковед Дж. С. Тримингем: "Он (Йусуф ал-Хамадани) ушел из своей родной лурско-курдской деревни в провинции Хамадан в Багдад, где изучал фикх под руководством знаменитого шафиитского юриста Абу Исхака ал-Ширази (умер 1083г.). Он сделал блестящие успехи, особенно в освоении "илм ан—назар" (рационализм), и его даже поставили руководить классом учеников, но он неожиданно "отказался от всяких теоретических спекуляций, которым с таким рвением предавался, и уединился, готовясь посвятить себя полностью занятию, имевшему истинный смысл, — служению богу, обращению людей к богу и наставлению своих современников на истинный путь." Он возвратился в Хамадан, затем перебрался в Мерв и отныне делил время между этим городом и Гератом. Многие знаменитые суфии ведут от него свои генеалогии, но две основные линии, в частности, восходят к двум его халифам (заместители—С.Г.) — персидская к Абд ал-Халику ал-Гидждувани, а тюркская к Ахмаду ал-Иасави." (См. Дж. Тримингем. Суфийские ордена в исламе. М. 1989, стр. 54)

Как видим, об арабах не говорится ни единого слова, а луры и бахтиары считают и причисляют свои племена к кордам.

Аб ал-Халик Гидждувани сам был кордом, отец которого перебрался в Бухару из города Малатья в северном Кордистане.

Факт переселения Йусуф ал-Хамадани и ал-Гидждувани в Мерв, Бухару, Герат объясняется тем, что до татаро-монгольского нашествия эти регионы Средней Азии, вплоть до Хорезма населяли в то время ирано-язычные племена. На Южном Урале, откуда в древности двинулись на завоевание Индии и Передней Азии индо-ирано-язычные ведические арии, в составе которых был знаменитый и воинственный род — Куру, до настоящего времени проживают —

народ — башкорды, (родичи кордов Месопотамии), который в древности был организован по принципу — Кара “народ—Войско”.

Таким образом, мы проанализировав этноним Куру — Курды — Башкорды установили, насколько далеко, вглубь индоарийской истории простирается культура, сознание и философская мысль кордского и башкордского народов.

Башкордский язык, равно как и кордский язык сохранил в своем лексическом составе группу слов которые восходят к эпохе проживания ведических ариев на Южном Урале. Так:

Риг Веды	Башкордский язык
1. arat — издалека (III,54,9a)	йырак — далеко
2. tura — могучий (IV, 3, 8,с)	түрә ,, □□□□□□□□
3. Sam Raj — самодержец (III, 56, 5в)	Сам Рау — царь Вселенной
4. tanu — тело (IV, 10)	тән ,, □□□□
5. mart ,, □□□□□□ amart— □□□□□□□□□□ (I, 26,9в)	мәрт ,, □□□□□□□□□□□□□□ □□□□
6. hari — желтовато-золотистый (I, 50, 8a)	һарһар ,, □□□□□□
7. mahiya ,, возвеличиваться (I, 113, 6a)	mah□□□□ ,, □□□□□□□□□□□□□□, □□□□□□□□□□□□□□□□
8. rati — доброжелательность	яратыу — любить
9. madhu — мед (I, 90, 6-9)	мозҫ□ ,, □□□□□ □□□ □□□□
10. yoga — запрягание (IV, 24, 4a)	□□□ү ,, □□□□□□□□□□
11. yugani — впрягаться в ярмо (I, 115, 2с)	□ү□ә□ ,, □□□□□□□□
12. kar — делать	коруу — делать, исполнять

Само употребление ведийского термина — Девариши у кордов суфийского ордена Накшбандийа, демонстрирует нам, что корни и истоки башкордской философии восходят к эпохе индо-иранского единства.

Созерцание Божественного Света

Ведические индоарии обожествляли — природу, Небо, Землю. Гимны “Риг Веды” показывают, что древние индоарии с особым почтением относились к небесным светилам, при этом Солнце, Луна, звезды сами почитались богами. Почитание звезд — видимых на земле только в ночное время — богами наравне с такими божествами, как Сома—Луна и Сурья—Солнце доказывает и подтверждает научное положение о том, что до второго тысячелетия до нашей эры ведические индоарии проживали в северных регионах и знали о Полярной ночи, в течении которой, шесть месяцев в году на небе господствующее положение занимают звезды. Ведические арии почитали — Ковш Большой Медведицы, как Семь Благих мудрецов, которые взошли на небо стали — деваришами, и время от времени поучают богов. В “Махабхарате”, в “Сказание о Кирате” говорится, что род Куру особо почитал это северное созвездие. **“Однажды вечером к Царю справедливости, Юдхиштхире Каунтее восседавшему в окружении святых мудрецов, обратился (брахман по имени) Бака Далбхья. “посмотри, о Партха, достойнейший из куру, наступает в Двайтаване (леса между реками Ямуна и Ганг) тот час, когда возжигают**

священные огни и подвижники — брахманы совершают жертвоприношение хома. В этом святом месте верные обетам (подвижники) под твоим покровительством шествуют стезей дхармы.

Ты видишь перед собой первых во всей вселенной, удостоенных высшей доли, исполнителей дивных обетов, потомков Бхригу, Ангираса, Васишхи, Кашьяпы, Агастьи и Атри.

Сосредоточь же помыслы свои, о Партха, Каунтея и выслушай вместе с братьями такое речение, которое я возвещу тебе, потомок Куру.” (См. Махабхарата. Книга 3. Лесная. Пер. Я.В. Василькова, С.Л. Невелевой, стр. 65-66)

Семь древних мудрецов “первых во Вселенной” Атри, Ангирас, Агастья, Васишхи, Кашьяпа, Марачи, Пуластья — почитались творцами многих гимнов “Риг Вед”, отождествлялись со звездами Большой Медведицы и род Куру официально считался их “потомками”. Это легендарное предание ведических индоариев рода Куру о своем “этническом” происхождении в точности повторяет, соответствует и воспроизводит предание Башкордов Урала о своем этническом происхождении. В этом отношении важным является то двойное совпадение, по которому в башкордском мифе о Торна-Хаубене сыне Суры говорится помимо того, что прародительницей всех башкордов является Хомай — Луна, также и то, что во главе семи башкордских родоплеменных объединений Хаубен поставил вождями семь богатырей (батыр — санскр. — rater), которых он освободил на небе и привел с собой на землю.

Ведические индоарии жили в древности на Южном Урале на территории современного Башкордистана и поэтому башкордское верование о происхождении семи родов от семи небесных мудрецов безусловно восходит к эпохе индоиранского единства или к временам Аркаима и Синташты (второе тысячелетие до нашей эры).

Именно томительное ожидание на севере в течении шести месяцев, на протяжении всей долгой Полярной ночи появления первых лучей весеннего Солнца—Суры, явилось предпосылкой для формирования древнего индоиранского верования о Божестве, как о потоке лучезарного света и энергии.

На севере вся жизнь природы зависит от Солнца и предки башкордов, как и ведические арии, гревщиеся долгими зимними ночами у костра — “усак” (башк.) обожествляли огонь, который почитали священной стихией по всей Вселенной.

Древнее божество Агни еще в эпоху индоиранского единства, уже почитался не только в облике пламени жертвенного костра, но и как энергия, тепло во всех ее многочисленных формах.

Агни рассматривался ведическими ариями, как посредник между людьми и небесными богами, наподобии того, как светящийся луч по мнению башкордов связывает людей с Хомай, Самрау и Айхылыу, то есть с небесными светилами.

После распада в древности некогда единой индоиранской общности, культ священного огня получил особое распространение и почитание у древних иранцев, в среде которых позднее родилась такая самая древняя из мировых религий как зороастризм.

В зороастризме “Огонь” стал самой священной среди других (земля, вода) божественных стихий, что в целом правильно с научной точки зрения, поскольку на севере при отсутствии тепла и земля и вода замерзают и жизнь становится невозможной для существования. Зороастрийцы считали и считают, что стихия огня разлита по всему космосу и пребывает во всех живых творениях Ахура — Мазды, в чем их взгляды совпадают полностью с индуизмом. Священный огонь пронизывает собой всю Вселенную и имеет пять обликов. Первый огонь — Вохуфрйана, находится в телах людей и животных и является источником жизненной силы. Блеск в глазах считался проявлением огня — Вохуфрйана. И

если этот огонь покидает тело, то глаза человека тускнеют, он умирает, а тело остывает и становится холодным.

Второй огонь — Урвазишта считалось, что находится в деревьях и растениях, благодаря чему те растут и плодоносят. Третий — Берсизава (среднеперсидское — берези — саванг, персидское — борзен Михр-бан) считался священным огнем полыхающим перед лицом самого Солнца. Пятым священным огнем почиталась — Молния. Земной огонь это пламя Спешита, от которого как верят зороастрийцы были зажжены священные огни горящие на алтарях.

(См. И.В.Рак. Зороастрийская мифология. Спб., 1998, стр.100)

Один из трех самых священных огней зороастризма назывался Атур Борзен Михрбан имя которого до настоящего времени сохранилась у кордов Месопотамии и башкордов Урала, как родоплеменной этноним — Барзан.

Само имя Бхарата принадлежащее родоначальнику рода Бхаратов означает: “Поддерживаемый” — Огонь!

Этот факт является прямым доказательством того положения, что предками кордов и башкордов являются ведические арии и следовательно истоки башкордской философии восходят к древней индоиранской традиции. Действительно, если этнонимы у двух народов кордов – башкордов восходят к индоиранскому термину Куру—Кара “народ-войско”, если этнонимы родов у двух народов Барзан —Бурзян восходят к авестийско—арийскому имени Бурзан — Берези —Берсизава, если ведические индоарии проживали еще во втором тысячелетии до нашей эры на Южном Урале (Аркаим), откуда двинулись на завоевание Северной Индии, то ни у кого из ученых—индологов и иранологов не возникнет сомнения в том, что башкорды Урала родственны кордам — Куру Месопотамии, которые представляют из себя ветвь ведических индоариев следовательно, башкордская философия повторяет в своих основных чертах индо-иранскую философию.

По древним индоиранским представлениям огонь—Агни, который был одним из главных и наиболее почитаемых ведических божеств символизировал третий из пяти первоэлементов — бхутов из которых строится мир: акаша (пространство). Ваю (воздух-ветер), Агни (огонь), Апас (вода), Бхуми (земля). Считалось, что дыхание — ветер раздувает внутренний огонь человека.

Йоги практикующие созерцание могут особыми дыхательными упражнениями разжечь свой внутренний огонь до степени озарения, за которым последует слияние с Богом. Поэтому Агни почитался как посредник между людьми и богами. В зороастризме, само божество —Ахура Mazda мыслилось как огненная стихия и все бытие Космоса понималось как различные формы его эманации.

Рассмотрение всей истории индоиранского учения о световом восхождение человека к божеству не входит в задачу нашего исследования. Невозможно рассмотреть и проанализировать огромное количество исторических источников, в которых в той или иной форме рассматривается этот сложный и интересный вопрос. По этой причине мы решили нужным ограничиться рассмотрением только истоков происхождения учения о созерцании Божественного света человеком исповедуемого кордским суфийским братством Накшбандийа, получившее наибольшее распространение у башкордов Урала, что даст нам возможность наглядно продемонстрировать как долго у башкордов сохранялись древние индоиранские представления о божественной природе огня и солнечного света.

До нашествия арабов на всем пространстве от Ирана до Южного Урала, включая и всю культурную часть Средней Азии, господствующей религией был зороастризм. Сам основатель этой религии пророк Заратуштра был выходцем с Южного Урала, с берегов священной реки Вахви Датъя (Деик —Яик – современный Урал) на берегу которой он неоднократно предавался молитвам и

размышлениям. В Самарканде, Бухаре, Хорезме и особенно в северном Афганистане (провинция Бамиан) многие иранцы также исповедовали и другую религию — Буддизм, который с наступлением воинствующего ислама исчез с территории Средней Азии, как и зороастризм. Многие зороастрийцы были вынуждены из-за непрекращающихся преследований мусульманских завоевателей, под страхом смерти внешне принять ислам, тогда как внутренне “в душе” оставались ревностными огнепоклонниками. Не имея по объективным причинам возможности открыто поклоняться Огню, как Божественной стихии, зороастрийцы были вынуждены заниматься исключительно дыхательно-медитативными упражнениями направленными на концентрацию внимания для созерцания внутреннего “духовного” света в сознании (подсознании) каждого (посвященного) человека.

Интересные факты относительно принятия зороастрицами ислама приводит профессор Лондонского университета Мэри Бойс: “... **иранцы-мусульмане сумели создать предание, согласно которому ислам предстал как частично иранская религия (каковой он и являлся в очень отдаленной перспективе), и национальная гордость тем самым была удовлетворена. В этом предании фигурировал исторический персонаж, перс Салман ал—Фариси, который отрекся от зороастризма в пользу христианства, а затем примкнул к Мухаммеду и стал членом его семьи.**”

(См. Мэри Бойс. Зороастрийцы. М., 1988, стр. 182)

Суфийский шейх Мухаммад Амин ал- Курди ал- Эрбили (Мухамет из Эрбиля, где живут корды рода Зенгене) писал о Салмане ал- Фариси: “**Родом Салман был из деревни близ иранского города Исфаган. Вначале он был огнепоклонником. Затем он отправился в Шам (Сирия), несколько лет вел дружбу с христианскими монахами. Затем он отправился в Византию и добрался до Амореи (Бурса), где жил вместе с тамошними монахами (христианами), которые сообщили ему о близости пророческой миссии Мухаммада (?). Он отправился искать новую религию с людьми, которые вероломно поступили с ним и продали его в рабство иудеям из племени Бану Курайза из города Медина. Он принял ислам после прибытия посланника Аллаха. (Мухаммеда) – Да благословит его господь и приветствует! — в Медину. Затем был составлен договор с его хозяином об освобождении его из рабства. Пророк Мухаммад выплатил оговоренную сумму за него и освободил его из рабства. Салман обладал великими качествами. Не имей он эти качества пророк Мухаммад (...) не сказал бы: “опередившие всех [первыми войдущие в рай] будут четверо.” И назвал в их числе Салмана. Пророк Мухаммад сказал: “Салман наш, из нашей семьи. Он из тех, по которым томится рай. Аллах из моих сподвижников любит четверых” и назвал Салмана одним из них.**”

(См. Шейх Мухаммад Амин ал-Курди ал-Эрбили. Книга вечных даров. Уфа. 2000, стр.31-32)

Из истории мы знаем, что Мухаммед покинув Мекку прибыл в Медину в 622 году 24 сентября, когда еще сами арабы не были мусульманами и весьма враждебно относились не только к исламу, о котором ничего не слышали, но и к самому новоявленному пророку. Салман ал-Фариси стал приближенным Мухаммеда в период его бегства в Медину, с которого и начинается летоисчисление в мусульманском календаре.

Умер Салман ал-Фариси в 656г. (34 г. хиджры) занимая должность управляющего городом Мадаин, которой до арабско-мусульманского завоевания являлся столицей иранской империи Сасанидов. Мадаин в древнегреческих источниках именовался как Ктесифон. Возможно в кругах иранской

интеллигенции, которые подобно Салману ал-Фариси сменили религию предков — зороастризм на ислам было создано предание о том, что Хусейн сын четвертого халифа —Али и внук Мухаммеда от его дочери Фатимы, женился на дочери сасанидского (иранского) царя по имени Шахрбану, которая родила ему сына, четвертого шиитского имама. Исходя из этого шииты “партия Али” считали, что власть в халифате принадлежит “иранским” потомкам Али, из которых семь имамов погибло насильственной смертью, а восьмой исчез в 878 году. Шииты верят в его чудесное возвращение и ожидают его как зороастрийцы ожидают пришествие спасителя —Саошьянта.

Эти и многие другие исторические факты показывают, как зороастрийцы стоящие перед дилеммой: принять ислам или погибнуть и исчезнуть, выбирали внешне ислам, но настолько сильно видоизменяли учение, что по их верованиям иранские потомки Хусейна стали почитаться наравне с арабом Мухаммедом.

Именно к иранцам-зороастрийцам принявшим внешне мусульманство восходит традиция у суфиев в исламе трактовать Аллаха как бытие Абсолютного Света. Перу иранца — зороастрийца Розбеха сына Дадоя прозванного “увечным” Мукаффа (род. 724г. — казнен 759г.), который неохотно принял ислам и служил в правительственной канцелярии в Басре (См. Мэри Бойс Указ. соч. стр. 182) принадлежит первая известная попытка интерпретации Корана в духе зороастризма. В частности Коран начинался хвалой свету, за что ал-Мукаффа и был впоследствии казнен.

Другой известный иранец погибший за свои попытки объединить ислам с древним индоиранским учением о мистическом восхождении человека к богу и слияния с ним был ал-Халладж. Его дед был зороастрийцем, а отец принял ислам. Доподлинно известно, что ал-Халладж совершал странствия в Индию и Туркестан, населенный в его времена в большей степени ирано-язычным населением. Ал-Халладж был казнен в 922 году в Багдаде по приговору исламского суда, поскольку этнически индоиранское учение о слиянии человека с Божеством и в целом и в своих частностях полностью противоречит доктрине ислама, о чем постоянно забывают сказать современные ученые — исламоведы, даже несмотря на то, что Ваххабизм являющийся официальной философской школой в Саудовской Аравии, открыто отрицает и борется с ним.

Суфизм является исконно индоиранским “случайным” учением в исламе. Это достаточно легко понять поскольку суфизм имеет за собой тысячелетнюю историю развития индоиранской мысли, тогда как ислам не имеет своей собственной самостоятельной истории развития, возник внезапно, вследствие чего по мнению многих мыслителей и философов религия Мухаммеда является чисто компилятивным учением. Никакого собственного “арабского” мистического учения ислам не имеет. Более того, все известные идеологи суфизма в исламе были кордами и персами и по своему происхождению связаны с индоиранской культурой. Иранцами были ал-Газали, Бистами, ал-Джунайд, корд — Джилани, ал-Гуждувани, ат- Тирмизи, который родился в Термезе.

Как пишет А.Кныш: **“Вероятно, ат-Тирмизи (кон. IX в.) был первым, кто теоретически обосновал суфийские представления об аулия, фактически уравнивая их “в правах” с “посланниками” (расул) и “пророками” (анбийа). Его идеи о соотношении “пророчества” и “святости”, об иерархии “святых” в суфизме получили развитие у Ибн Араби, который нередко включал в свои сочинения большие фрагменты из трактатов ат-Тирмизи. Как отмечают исследователи, ат-Тирмизи был, вероятно, знаком с буддийскими, христианскими и манихейскими учениями, влияние которых можно обнаружить в его трудах. Отдавая должное глубине его знаний и широте кругозора, современники дали ему почетное прозвище ал-Хаким (Мудрец)”**.

(См. Ислам. Энциклопедический словарь. М., Наука, 1991, статья АТ-Тирмизи. Автор А.Кныш. стр. 237-238)

Ошибка многих исследователей иранского мистицизма заключается в том, что они часто не понимают такого простого и очевидного факта, что для кордов и персов “знакомство” с манихейскими и буддийскими учениями является не случайным, а закономерным явлением, поскольку после завоевания Сасанидского Ирана, каждый иранец перед принятием ислама были поставлены перед необходимостью, под страхом смерти отказаться от своей древней религии — зороастризма, манихейства или как было в Самарканде, Бухаре и Бамиане — от буддизма.

Иранец, известный астроном и математик Абу Рейхан Бируни (973 —1050, Газни) перевел на арабский язык знаменитый трактат “Йога-Сутра” принадлежащий перу известного индийского философа и грамматика Патанджали (II век до н.э.).

Дыхательные упражнения и техника щод-па (Джапа йоги) постепенно проникли от индоиранцев в арабскую среду и как пишет Дж. С. Трименгэм: **“Ко времени Атааллаха (ум. 709— 1309), второго александрийского преемника Абу-л-Хасана аш-Шазили, новые приемы типа йоги уже достигли Египта, но еще не дошли до Магриба, Ибн Атааллах был автором первого систематического трактата о зикре. Он начинает свою книгу “Мифтах ал фалах” словами: “Поминание бога ... и есть та самая опора, на которой зиждется мистический путь.”** (Указ.соч. стр. 163)

Эти исторические свидетельства позволяют нам утверждать, что насколько ислам проник на Восток в Иран и Индию, настолько индоиранская философия продвинулась и завоевала арабов. Это подтверждается и тем весьма знаменитом фактом, что в суфизме (персидском, арабском, албанском и т.д.) радение под музыку называется Сама, от ведийско-арийского термина: Саман — “Священный стих, песнопения”.

Именно в среде иранских шиитов под видом учения о Нур Мухаммади “Свет Мухаммада” уже в VIII веке была реставрирована древняя индоиранская доктрина о душе, как о световой субстанции. Шииты, создавшие учение о предсуществовании **души Мухаммада в виде плотной светящейся точки** ссылались на Коран (24,35) в котором говорится что: *“Аллах — свет небес и земли Подобие Его света — столп, на котором светильник, светильник в стекле, а стекло — как ярко сияющая звезда; загорается он от благословенного дерева — не восточного и не западного и масло его дает свет, хоть и не касается его огонь: свет над светом. Аллах направляет к свету Своему тех, кого он пожелает.”* Нет никаких сомнений, что сам Мухаммед в годы своих странствий в виде торговца находился под влиянием различных религий, в том числе и иранского зороастризма, с представителями которых пророк был безусловно знаком по роду своей коммерческой деятельности. И во-вторых, нет никаких сомнений в том, что иранец, бывший зороастриец Салман ал-Фариси оказал свое влияние при записи по памяти изречений Корана, что было сделано только в 656 году при халифе Усмани через 24 года после смерти Мухаммеда. Насколько сильное влияние зороастризма, а в целом и весь индоиранский мистицизм оказал на ислам, который появился только в начале 7 века, видно в разработанном иранским мистиком Сухраварди (1155-1191) учения о “Восточном озарении” — Ишрак.

Иранский философ и практикующий мистик Шихаб ад-дин Йахийя ас Сухраварди родился на северо-западе Ирана в Кордистане (Сухравард), создал мистическое учение о “восточном озарении” восходящее во всех основных чертах к доисламскому зороастризму, являвшегося государственной религией

Сасанидской империи в период с 224 по 651 годы. Свет и мрак по Сухраварди являются субстанциональными когда самодостаточны и существуют сами по себе, но становятся акцидентными когда теряют внутреннее единство и начинают восполнять свое естество извне. По Сухраварди свет — это Бог, ангелы, душа человека, а акцидентальный свет это небесные светила и огонь; с другой стороны Субстанциональный мрак это природные материальные тела, а акцидентальный мрак это качество и форма природных форм, которая зависит от степени разрешенности и конденсированности материальных тел, оцениваемое по мере и интенсивности проникновения Солнечных или светящихся лучей. Как пишет А. Кныш: **“Для обозначения световых эманаций различного уровня, игравших важную роль в его учении ас-Сухраварди пользовался образами, взятыми из Авесты.**

Так, высшая световая эманация, соответствовавшая авиценовскому Первопринципу и исмаилитскому Перворазуму, у ас-Сухраварди носила имя зороастрийского архангела Бахмана (Брахмана—санскр.), последующая, ангела огня — Ордибехешта, далее шла эманация, названная именем ангела Солнца и металлов Шахривара и т.д. Согласно Сухраварди — озарение “Ишрак” достигается людьми путем медитации и аскезы.

(См. Энциклопедический словарь “Ислам”. А. Кныш. “Ас-Сухраварди”)

Обвиненный в проповеди шиизма ас-Сухраварди был заключен в тюрьму по приказу кордского военачальника Салах ад-дина, где умер или был убит.

Учение Сухраварди “Ишрак” важно тем, что при сопоставлении с более древней башкордской философской мифологией показывает ученым-философам каким образом происходило становление индоиранской, а в целом и индоевропейской научной мысли от политеистической мифологии к чистой абстрактной науке.

Верховное божество света Самрау в башкордской мифологии у Заратустры стал называется — Адур, затем у Авицены, как и у неоплатоников — Перворазум, а у Сухраварди — архангел Бахман. Богиня света и солнечных лучей Хомай являющаяся посредницей между миром нетленных Идей и миром людей в башкордской мифологии, — у Сухраварди, как и в зороастризме стала называться именем ангела — Солнца и металлов Шахривана. В башкордской мифологии этому также соответствует эпизод о передаче Хомай меча (металла) Уралбатыру.

В религии ведических индоариев посредником между миром людей и миром небесных богов выступает бог огня Агни, который в этой своей ипостаси посредника — медиатора и контактера выполняет роль богини Хомай в башкордской мифологии и ангела — Солнца и металлов Шахривара в религии Зороастра.

Этот мир небесных божеств — Самрау, Хомай, Айхылыу является в башкордской философии миром — Субстанционального Света, которому в философии Сухраварди соответствует — мир небесных светил и ангелов Солнца и Огня. Миром Субстанционального Мрака и Тьмы в башкордской мифологии является — мир Азраки, Кахкахи, Заркума, которому в Зороастризме соответствует — мир злого духа Ангро — Манью, дэвов и зловредных храфстра выходящих на волю по ночам, а в философии Сухраварди соответствует — мир природной тьмы во Вселенной.

Души людей по башкордским народным преданиям имеют облик Света (светящегося облачка) и обладают способностью во время сна человека покинуть тело и отправится странствовать по разным частям Вселенной. Это древнебашкордское верование не имеет никакого отношения к исламу, но

относится к Зороастризму, где есть рассказ о Вирафе, душа которого семь дней путешествовала по загробному миру.

В свою очередь уже ставшее зороастрийским древнебашкордское учение о странствиях души во время сна человека и ее способности возноситься к Солнечному Божеству и созерцать, как Урал-батыр — мир нетленных, искрящихся светом идей, было позднее детально переработано Сухраварди, и стало в его философии Ишрак учением о методе восхождения души человека от чувственно-рационального познания к интуитивному созерцанию светящегося золотистым светом Божества.

Сухраварди разработал и последовательно описал ступени восхождения души человека и слияния с Божеством в созерцании Его лучей; так, сайр (прохождение), сулук (обхождение), кашф (обнаружение), шухуд (усмотрение), и затем — Ишрак “сияние”, понимание как слияние с Первоединым.

Учение иранца Сухраварди о световом восхождении души человека к богу и слиянии с ним — своими корнями уходит как к башкордской мифологии (Урал “человек—земля” вступает в брак со светом — Хомай) так и к индийской йоге и греческому неоплатонизму.

С этой точки зрения представляется интересным привести одно изречение Плотина, которое свидетельствует о том, насколько его учение было связано с восточным мистицизмом. Плотин в своем трактате “Против гностиков” (II, 9) писал о созерцании следующее: **“Обретя подобную невозмутимость, мы начинаем воспроизводить внутри себя Душу огромного Целого и небесных тел; когда мы достигаем очень близкого сходства, все наши отчаянные усилия должны быть направлены на достижение цели, к которой они (Целое и небесные тела. Прим. С.Г.) также стремятся; их видение становится нашим, если мы подготовлены, как от природы, так и посредством упражнений, к этому состоянию, которое принадлежит им по Принципу их Бытия.”**

(См. Плотин. Космогония. Изд-во Ваклер. 1995, стр. 287)

Плотин здесь говорит о том, что Самосозерцание Природы у человека предшествует Самосозерцанию Души. Для того, чтобы читатель понял какой глубокий философский смысл заключается в этих словах Плотина необходимо привести толкование замечательного русского философа А.Ф. Лосева, который писал касаясь именно этого вопроса так: **“Если кто знаком с учением Канта и неокантианцев о том, что познание само конструирует свой предмет, что нет никакого бытия вне смысловых актов сознания, то ему надо только это “познание” и “сознание” понимать не субъективно, но объективно, и — мы получим теорию Плотина. В природе в самой, по Плотину, есть то, что можно было бы назвать априорными формами, то есть существует своего рода априорная природа; когда они функционируют, это значит, что творится и само бытие природы”**.

(См. А.Ф.Лосев. История античной эстетики. 1980, т.6, стр. 426)

Вышеприведенная интерпретация текстов и высказываний Плотина, философия которого была тесно переплетена с мифологией, показывает, что во многих мифологических системах таятся глубокие философские интуиции, для извлечения которых от ученого в первую очередь требуется великолепное знание самой истории развития человеческого познания от самых низших, примитивных форм мышления, таких как фетишизм, оборотничество и анимизм к абстрактным понятийным конструкциям.

Необходимое пояснение

Индийская философия и иранский зороастризм с одной (восточной) стороны и Платонизм с неоплатонизмом, а в целом и вся древнегреческая философия с другой (западной) стороны представляют из себя с этнической и самой главной, **определяющей** точки зрения — две родственные друг другу ветви развития индоевропейского мышления. Поэтому читать в трудах некоторых ученых о влиянии, допустим, индийской философской мысли на древнегреческую философию или наоборот, можно только с большой усмешкой. Ученым-философам, которые страдают этим недугом стоило бы первоначально выяснить у ученых-филологов степень родства иранского и индоарийских языков с древнегреческим, латинским, кельтским и романо-германскими языками.

Возвращаясь к теме нашего предыдущего изложения необходимо отметить, что для философии, как науки, которая занимается изучением общих принципов бытия и познания, а в целом об отношении человека к миру, главным вопросом является отношение духа к материи. Но история учит нас, что философия может быть создана или рождается только тогда, когда древний человек начинает отделять сущность от явления, следствие от причины, понятие о предмете от самого предмета.

Первоначально человек понимал такую идеальную субстанцию как душа вполне материально, что является основой фетишизма. Позднее с развитием мышления душа начинает пониматься людьми, как светящийся сгусток энергии, которая воплощаясь в человеке принимает материальную форму и собственное имя. Эта идеология является основой Брахманизма в Индии, Зороастризма в Иране и философии Платона в Греции. При этом ни в индоиранской, ни в древнегреческой, ни в германской мифологии мы не находим ни одного примера показывающего как позднее философы этих народов пришли опираясь на свои национальные верования к научному умозаключению о различии души и тела, а затем стали противопоставлять дух и материю друг другу.

Башкордская мифология стоит на особом, почетном и только ей принадлежащем месте в истории развития индоевропейской философии.

Материальный мир по башкордской мифологии рождается вследствие брака Урала (World, Veralt) с дочерью Солнца, золотисто-огненной Хомай. Все “действия” описанные в эпосе “Урал-батыр” происходят до сотворения земли, что произошло только после смерти Урала. Следовательно, с точки зрения философии эпос “Урал-батыр” в башкордской мифологии является аллегорическим изложением философского учения об эманации света и нисхождения солнечного божества в мир. По мифу, все башкорды являются потомками Урала (земли) и Солнечного божества Хомай. Вследствие своей причастности к Хомай душа каждого башкорда является — **субстанциональным светом**, тогда как тело, как и весь материальный мир причастно Уралу и выступает как — **субстанциональный мрак** ищущий познания — просветления.

Душа человека в башкордской мифологии понимается и трактуется, как частица Божественного Света Хомай. Она по народным верованиям башкордов может превращаться в лебедя, такой сюжет позднее мы встречаем и в древнеиндийской философии в так называемой “Хамса Упанишаде”. Башкорды живут на Южном Урале откуда во втором тысячелетии до нашей эры ведические индоиранцы двинулись на завоевание Ирана и Индии. Следовательно, опираясь на эти исторические факты подкрепленные многочисленными археологическими свидетельствами необходимо признать тот важный с научной точки зрения факт, что во всей системе индоевропейской философской мысли именно башкордская мифология является первым законченным художественно-философским учением, о Космосе, как о световой иерархии, и — душе человека, как искорки Божества.

По национальности башкордом—митаном (муйтенем) или башкордом из рода Канглы был известный иранский теоретик суфизма Наджи ад-дин ал-Кубра (1145—1221), который родился в Хорезме, учился у персидского шейха Рузбихана ал Ваззана ал-Мисри, а затем и женился на его дочери. В 1185 году вернувшись после обучения в Египте и Иране (Тебриз, Дизфуль) ал-Кубра организовал в своем родном Хорезме в городе Гургандж ханака, где позднее сложилось его собственное философско-суфийское учение о Божественном свете и Божественном имени, названное по его имени Кубравийа.

И в целом и в частности учение башкордского философа ал-Кубры восходит к технике индийской медитации и джапа йоге. Как пишет О. Акимушкин: **“По убеждению ал-Кубры непрестанная концентрация на именах бога во время уединения ведет к мистическому прозрению и знанию. Он дал четкую градацию цветосветовой символики, которую наблюдает неопит во время мистических упражнений, — это точки, пятна и круги: душа проходит через этапы ощущений, которые воспринимаются в черном цвете, перемежающимся черно-красными пятнами, до тех пор, пока появление зеленого цвета, не возвестит о близости божественной Милости”**.

(См. энциклопедический словарь. Ислам. Статья “Ал-Кубра”. Стр. 139)

Наджметдин ал-Кубра погиб в 1221 году от рук татаро-монгольских захватчиков осадивших город Ургенч (Гургандж). Его могила сохранилась до наших дней в поселке Куня-Ургенч.

Во время войны башкордов с ордами татаро-монгол продолжавшейся более 14 лет, только в армии Хорезмшаха Мухаммада находилось около 90 тысяч башкордов рода Канглы. (Митт. 1939, стр. 503)

Исторические источники показывают, что в своем этническом происхождении башкорды рода Канглы восходят к древним ирано-язычным племенам Средней Азии, которые во втором веке до нашей эры создали на Сырдарье свое обширное государство — Кангюй.

Этноним Кангюй восходит к имени мифической крепости Кангха, упоминаемой еще в “Авесте”. Кангюй было ирано-язычным племенем, как и в недалеком прошлом башкордского рода Канглы. К этому необходимо добавить, что мать последнего Хорезмшаха Мухаммада по имени Турахан - ханум происходила из башкордского рода Канглы.

Джелаль эд-дин сын последнего Хорезм шаха, после падения Хорезма бежал со своим войском в Индию, а затем собрав войско завоевал Ирак-Аджами, Фарс, и дошел до Грузии. Погиб Джелаль эд-дин в горах Кордистана от рук курда Малика сына Салах эд-дина.

По приказу татаро-монгола Чингисхана Гургандж, защищая которой погиб Наджметдин ал-Кубра был разрушен до основания, его стены срыты, каналы засыпаны, а все башкордское, ирано-язычные население вырезано и умерщвлено. Напомним, что именно башкордский город Гургандж оказал самое яростное сопротивление ордам Чингисхана.

В 1372 году Хусейн из муйтенского рода Кунград стал основателем новой династии Суфи в Хорезме. Его приемник Юсуф крайне неудачно воевал с Тимуром, войска которого в 1379 и 1388 годах полностью разрушили Хорезм до основания. Позднее Тимур позволил хорезмийцам восстановить Ургенч, который оставался главным городом Хорезма до 1557 года, а после — Хива.

С 1688 года в правители Хивы приглашались башкордские ханы из Ишимских степей. Известно, что дети и племянники известного вождя башкордского восстания 1737-1740 годов Карахакал-султана были правителями-султанами северного Хорезма.

Все эти факты свидетельствуют, и подтверждают, что коренными жителями Хорезма были ирано-язычные среднеазиатские башкорды, чьи племена — Борзен, Мюйтан-Усерган, Канглы и создали Хорезм в X веке до нашей эры. Из этого факта следует, что великий философ Наджм ад-дин ал-Кубра, создавший учение о световом восхождении к Богу по национальности был башкордом.

Башкордский Ишвара и Девариши: “Учитель богов” шейх Зайнулла ишан и его ведийско-арийское учение о световом восхождении души человека к Богу

Башкорды издревле вплоть до настоящего времени ведийско-арийским именем — Ишан, Ишвара — Господь, Владыка называли Высших лиц в духовной и религиозной иерархии священнослужителей. В древнем санскрите ведийский корень — Иш (I□) “владыка”. В Веданте — Ишвара это аспект Брахмана проявленный в физическом мире.

Башкордский Ишвара, Зайнулла Ишан (Расулев) шейх кордского ордена суфиев Накшбандийа в Башкордистане родился 28 марта 1833 года в деревне Шариф (Учалинский район) и приходится довольно близким родственником автору по линии Самиги, матери моего отца Галлямова Абдрахмана Абдрахмановича, уроженки села Халиль (Абзелиловский район). Она приходилась либо внучкой, либо внучатой племянницей великому шейху.

До своего приезда в 1851 году в г.Троицк будущий шейх несколько лет обучался в сельском медресе. В 1859 году в деревне Сардаклы (возле г.Челябинска) Зайнулла в возрасте 26 лет под руководством шейха Абдулхакима Курбангалеева аль - Сардаклы вступает в кордский суфийский орден Накшбандийа.

Абдулхаким Курбангалеев (1809 — 1872 г.) принадлежал к древнему роду потомственных Ишанов из аргаяшских башкордов. Как пишет А.Б. Юнусова: “Курбангалеевы были потомственными муллами, известными с начала XVIII века. Предок Курбангалеевых Хамит Бурсыкаев был первым указным муллой д. Исмагилово Челябинского уезда. По имени его сына Курмангали потомки расселившиеся вокруг озера Аргаяш, стали называться Курбангалеевыми (Курбангалеевыми, Курмангалиными) Габдул Хахим Курбангалеев (Абдулхаким Курмангалин) и его братья Синигатулла, Габдул-Хахим, Гусаметдин, Шарафетдин возглавляли мусульманские приходы деревень Айбатовой, Усмановой, Медьяк. Имангуловой и Мухаметкуловой волости. Они были не только известными муллами, но и крупными землевладельцами. На свои средства Габдул-Хахим основал в 1860 г. мектеб при пятивременной мечети деревни Медьяк”.

(См. А.Б. Юнусова “Ислам в Башкортостане”. Уфа, 1999 г., стр. 74-75)

Через десять лет после своего вступления в кордский суфийский орден (йогическая школа Накшбандийа) Зайнулла в 1870 году под видом хаджа в Мекку отправился на Восток с целью посетить Кордистан и лучше узнать основы мистического учения. На своем пути в Стамбуле Зайнулла встретил шейха Зияутдина Гумушаневи, который позднее вместе с Обедоллой (умер в Мекке в 1833 г.) главным шейхом в духовной иерархии кордского ордена Накшбандийа участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 годов. Если быть более точным, то наставник будущего башкордского Ишвары — Зайнуллы, шейх ордена Халидийа (ответвления Накшбандийа) — Зияутдин Гумушаневи вступил в 5 тысячный отряд кордов деваришей Накшбендов, которым командовал духовный владыка, царь всех Накшбандиев (в мире) кордский шейх Обейдулла, который позднее сам поднял восстание кордов в 1880 году и вторгся со своим огромным войском в Иран.

Сейчас мы рассмотрим и сопоставим с Упанишадами то ведийско-арийское учение йоги, которое Зияутдин Гумушаневи в 1870 году обучил и передал башкору с Урала будущему Ишваре и шейху Зайнулле Ишану, находясь с ним в уединении в течение 40 дней.

Зикр

"...Порядок зикра у шейхов Нахшбандийа, Муджаджидийа, Халидийа - да будут святы их могилы.

Необходимо тебе скрестив ноги сесть лицом в сторону Мекки. После раздумий и грусти о смерти - тафаури маут ("тэфэури" - грустить (курдск. яз.) прим. С.Г.) следует созерцая образ своего шейха в своём сердце, мысленно установить с ним духовную связь - рабита. Затем 3 раза прочитай молитву: "Господи! Ты мой Бог, Ты моё желание". "Илахи энти максуди йа матлуби", выполнять вукуф калби, "остановку сердца" в течении четверти часа. После всего этого, взяв в руки чётки - тасбих, можно начинать зикр, который выполняют утром и вечером по 5 раз. 7 принципов (техника) исполнения молитвы - зикра.

Латаеф аль закер (Задумываемые молитвы)

1. Сердце желтого цвета под ногой Адама (мир ему)
Берущее свет свой от нашего пророка
2. Душа красного цвета под ногами Нуха (Ноя) и Ибрагима (мир им)
Берущая свет свой от нашего пророка
3. Секрет белого цвета под ногами Мусы (мир ему)
Берущий свет свой от нашего пророка
4. Тайник черного цвета под ногами Иисуса (мир ему)
Берущий свет свой от нашего пророка
5. Тайник зеленого цвета под ногами пророка всех пророков Мухаммада
6. Связь мозга и сердца
7. Связь тела и формы

Имам Рабани и его последователи считают, что человек состоит из 10 частей: 1-сердце 2-душа 3-секрет 4-тайна 5-ветер 6-вода 7 – огонь 8 – земля (прах) (в тексте указано только 8 частей)

- 1) Вукуф калби - Остановка сердца.
- 2) Хабс нафс - Задержка и остановка дыхания (вместе с сердцем).
- 3) Мулхазату накш - Наблюдение за правильностью исполнения молитвы.
- 4) Созерцание своего сердца с написанным на нём словами "Ля иллаху илля Алла".
- 5) Мулхазату ал магана - Созерцание смысла слов молитвы - зикра для полного и быстрого единения С Богом.
- 6) Соединение произнесения ритма молитвы - зикра "Ля иллаху илля алла" с ударами своего сердца.

7) Мулхазату адади аль - уатр (watr): техника счёта при котором молитва - Зикр (молитвенная формула имени Бога) Ля илляху илля Алла - должна произноситься нечетное число (7-9-11-13-15-17-19-21) раз, за один вдох, затем остановку дыхания, и затем выдох.

Дыхательные упражнения и техника медитации у брахманов — самавединов, яджурвединов и в современной сандхье Ригвединов

Глава VI

Назначение (...) дыхательного упражнения, во-первых — очистить кровь, расправить легкие и грудь, и дать тем самым должный настрой всем внутренним органам тела, во-вторых — освятить все тело и сделать его храмом Бога, посредством медитации на Него как на пребывающего:

1. В своем творческом аспекте — в органах пищеварения у пупа, или у солнечного сплетения;
2. В своем сохраняющем аспекте — в сердце, или в системе кровообращения;
3. В своем преобразующем, или дающем блаженство аспекте — в мозгу, или в нервной системе.

(См. стр.46)

Далее (...) прежде начала мысленной декларации мантр индуисты повторяют определенные слова, указывающие провидца (риши) данной мантры. Иными словами сначала упоминается личность, получившая вдохновение и впервые произнесшего данную мантру. Вторым упоминается Девата, объект медитации или обращения, (...) а третьим — конкретный размер, ритм и тон, в котором должна декламироваться данная мантра.

В четвертых, — указывается, какой именно цели стремятся достичь посредством мантры.

В случае пранаямы (дыхательные упражнения) слог “Ом” имеет в качестве провидца самого мудреца Брахму, в качестве божества — известный аспект Бога, проявляющийся в физическом мире как Агни (огонь — пламя), ...

(См. стр. 47)

Агхамаршана

... агхамаршана может считаться активным действием по удалению из души самого семени греха, изгнанием олицетворенного греха (представляемого в образе человека, или скорее, в образе демона) из своего тела.

Это достигается посредством возвращения, в медитации, к самому началу творения, когда существовал Бог, известный как Ритам (Вечный Нравственный Закон), а также Сатьям (Вечный Закон Природы).

Повторяя предписанные ведические мантры, индуист ясно представляет себе как олицетворенный грех выходит из его тела, что он становится совершенно чист, что теперь его физическое, психическое, эмоциональное и ментальные тела находятся в гармонии с Безграничным и он готов обратиться к Богу, находясь с Ним лицом к лицу.

(См. стр. 53)

Джапа, или молитва, считается главной частью Гайятры. Джапа — это декламация определенного слова или фразы. Внешне такая декламация может

показаться бессмысленной, но в действительности это не так. Повторение само по себе создает состояние сознания граничащее с экстазом, состояние “турья” (наивысшей непосредственности. Примечание С.Г.).

Известно, что прославленный поэт Теннисон, обычно входил в подобное состояние, повторяя несколько раз свое имя — “Альфред, Альфред”.

(См. стр.54)

Глава VII

Обряд Пураки состоит в закрытии левой ноздри средним и безымянным пальцами и во вдыхании воздуха через правую ноздрю, так чтобы он дошел до области пупа, и в медитации там на Брахму, как на имеющего красный цвет, четыре лица и две руки. Держа в одной руке четки, а в другой — камандалу (сосуд с водой), Брахма сидит на хамсе (санскрит. —гусь). При вдыхании воздуха должен читать Гайятры (стих), который предшествуют семь Вьяхрити, и за которой следует Ширас (...) семь вьяхрити с “Ом”:

Om Bhuh, Om Bhuvah, Om Svah, Om Mahah, Om Janah, Om Tapah, Om Satyam. Гайятри (...) Om tat savitar varenyam bhargo devasya dhimahi; dhiyo yo nah prachodayat. Ширас (...) Om apo jyoti raso'mrtam brahma bhur bhuvah svar Om.

(Это произносится все во время вдоха.)

(б) Кумбхака — Задержка дыхания

После совершения пураки, как описано выше, совместно с медитацией на Кешаву как на пребывающего в области сердца, имеющего цвет лепестка синего лотоса и сидящего на Гаруде, пусть поклоняющийся закроет (большим пальцем руки) также и правую ноздрю и, задержав дыхание, прочитает (опять) вышеприведенную Гайятри (стих), с ее Вьяхрити и Ширасом.

(в) Речака

Затем пусть он медленно выдохнет воздух (через левую ноздрю), читая ту же самую Гайятри с ее Вьяхрити и Ширасом, медитируя при этом на Шамбху, как на находящегося в области его лба, имеющего белый цвет, две руки, держащего трезубец и барабан, носящего в качестве украшения луну на лбу и сидящего на быке.

Таким образом, одна полная пранайама состоит из трех действий — (1) пураки, выдыхания воздуха, (2) кумбхаки, задержки воздуха и (3) речаки, выдыхания воздуха — в продолжении которых должна читаться вышеприведенная мантра из шестнадцати слогов. Таким образом, для прочтения мантры потребуется одна минута, или три минуты для всего процесса в целом. Это и составляет одну пранаяму, в которой следует медитировать на три аспекта Бога, а именно на Создателя (Брахму), Поддержателя (Вишну) и Преобразователя (Шиву), как на находящихся в собственном теле поклоняющегося и управляющих тремя функциями в теле — пищеварением в желудке, кровообращением в сердце и, познанием в мозгу, или, другими словами, вегетативной, животной и человеческой функциями организма.

В одной сандхье — (молитва индуиста, которая состоит в медитации на атрибуты Бога и Его творений — мира и человека) должны быть проведены три таких пранаямы; таким образом, пранайаме следует посвятить около десяти минут.”

(Сурендра Мохан. Ведические таинства. Veda Bharan, 1999. Банглор — Нью-Йорк — Лондон — Минск., стр. 61—63.)

Сопоставление башкордского текста с правилами медитации йогов принятой в среде брахманов — самавединов и яджурвединов Северной Индии наглядно показывает, что техника медитации башкордского Ишвары шейха Зайнуллы Ишана своими корнями восходит к древней культуре ведических ариев Урала. Это легко понять и обосновать из следующего факта: так, сам Ишвара Зайнулла Ишан никогда не был в Индии, а обучение и посвящение получил у кордов, которые являются сами прямыми потомками ведических ариев ушедших во 2-ом тыс. до н.э. с Урала в Сев. Индию.

Учение о Сердце, как центре человека у кордов — суфиев Накшбандийа

Башкордский Ишвара Зайнулла Ишан (Расулев) не оставил нам отдельного трактата о сердце, как о центре духовной жизни человека, что связано с тем, что для башкордов, как и для древних ведических ариев это представление было единственным и общепринятым.

Но учение о сердце как местонахождении души человека, принятое как официальная богословская концепция в курдской секте суфиев Накшбанди изложил Шейх али Рамитани (курд-башкорд), который умер в 1337 или 1343 годах по преданию жил более 130 лет. Шейх Мухаммед Амин аль-Курди аль-Эрбили в своей “Книге Вечных даров” писал: “Шейх али Рамитани (...) сказал: “В сердце [человека] имеется 860 отверстий и каждый орган тела имеет 860 жил [артерий-корней], связанных с сердцем. Если сердце под воздействием исполнения зикра [повторение имени Бога] достигнет состояния, характерной особенностью которого является возникновение возможности для сердца “лицезреть” Бога, и это воздействие передается на все органы тела суфия. Каждый орган начинает проявлять приличествующую для Бога покорность к Нему. И благодаря свету покорности каждого органа достигается — Файд [излияние, эманация], то есть — [Манифестация славы Божьей], что и есть обозначение понятия милость Бога на сердце”. (См. указ. соч., стр. 103. Уфа, 2000 г.).

Учение о “свете покорности” принятом в учении курдов секты Накшбандия напрямую восходит к традиции Упанишад, где созерцаемый аскетом-йогом во время медитации свет, исходящий от сердца, почитается как эманация самого Брахмана.

Чхандогья упанишада часть VIII, глава 3

3. Поистине, Он — это Атман в сердце. Вот его объяснение: “...в сердце — Он, поэтому Он хридаям” [как пишет А. Я. Сыркин: “...по объяснению Шанкары сердце — hrdaya означает здесь не анатомический орган, но способность познания, интеллект].

Поистине, знающий это день за днем достигает небесного мира.

4. И этот совершенное успокоение, которое возникши из этого тела и, достигнув высшего света, — это бессмертное, это бесстрашное, это Брахман.

Поистине имя этого Брахмана — “сатиям” — [действительное].

5. Поистине, эти три слога: са-ти-ям. “Са” — это бессмертное, “ти” — это смертное, “ям” — соединяет оба. Поистине, знающий это день за днем достигает небесного мира.

Глава VI

1. И эти артерии сердца состоят из тонкой [сущности] - красновато-коричневой, белой, синей, желтой, красной. Поистине, то солнце — красновато-коричневое, оно белое, оно синее, оно желтое, оно красное.

2. Подобно тому как большая длинная дорога проходит через обе деревни — и эту, и ту — так же и эти лучи Солнца проходят через оба мира — и этот, и тот. Они [лучи] простираются от Солнца [Брахмана] и проникают в эти артерии, они простираются от этих артерий и проникают в Солнце.

3. Когда [человек] погрузился в сон, всецело успокоившись и не видя сновидений, то он проникает тогда в эти артерии. Никакое зло его не касается, ибо тогда он наделен жаром [Солнца].

4. Когда же оставляет свое тело, то с помощью эти лучей он восходит вверх. Или, поистине, он идет вверх, [размышляя о слоге] Ом. Подобно тому, как лечит разум, столь [быстро] достигает он Солнца. (...)

5. Об этом такой стих:

В сердце — сто и одна артерия,

Из них одна ведет к голове.

Идущий по ней, вверх достигает бессмертия.

Вовсе [стороны] служат выходами

другие [артерии] служат выходами.

(Перевод А. Я. Сыркина).

В третьей части Чхандогья упанишады в главе 13-ой излагается учение брахманов о пяти отверстиях сердца, которые отождествляются ведийско-арийскими богами, каждый из которых в свою очередь контролирует свой определенный орган в теле человека.

Глава 13

1. Поистине, это сердце имеет пять божественных отверстий. Его восточное отверстие — это дыхание — это дыхание [легких], это глаз, это Адитья. Его следует почитать как жар и пищу. Кто знает это, тот наделен жаром и бывает наделен подателем пищи.

2. И его южное отверстие — это дыхание разлитое по телу, это ухо, это луна. Его следует почитать как счастье и почет, кто знает это, тот счастлив и почитаем.

3. И его западное отверстие — это дыхание, идущие вниз, это речь, это Агни. Его следует почитать как свет божественного знания и пищу. Кто знает это, тот светится божественным знанием и бывает подателем пищи.

4. И его северное отверстие — это общее дыхание, это разум, это Парджанья. Его следует почитать как славу и красоту. Кто знает это, тот наделен славой и красотой.

5. И его верхнее отверстие — это дыхание, идущее вверх, это Ваю, это пространство. Его следует почитать как силу и величие. Кто знает это, тот силен и велик.

6. Поистине, эти пять слуг Брахмана — хранители дверей небесного мира.

7. И свет, который сияет над этим небом, над всем, над каждым, в непревзойденных, высших мирах, поистине и есть тот свет, который в этом человеке.

Его видно.

1. когда прикосновением ощущают тепло тела.

Его слышно, когда заткнув уши, слышат словно гул, словно гудение, словно [шум] пылающего огня. Его следует почитать как виденное, как слышанное. Тот прекрасен видом, о том всюду слышат, кто знает это, кто знает это.

Глава 14.

3. Вот мой Атман в сердце, меньший чем зерно риса, чем зерно ячменя, чем горчичное семя, чем просяное зерно, чем ядро просяного зерна; вот мой Атман в сердце, больший чем земля, больший чем воздушное пространство, больший чем эти миры.

4. Содержащий в себе все деяния, все желания, все запахи, все вкусы, охватывающий все сущее, безгласный, безразличный — вот мой Атман в сердце; это Брахман. (...).

(Перевод А. Я. Сыркина).

Как мы уже показали выше в древности башкорды представляли себе душу человека в образе туманного облака — Атмана, либо в образе гуся или золотой утки-селезня. Богиня Хомай и божество Наркас способные своим блеском затмить само Солнце, в своем полете от Солнца к земле принимают облик золотой утки или лебедя, как это описано в двух башкордских мифах. Это архаичное представление башкордов о божестве Солнца как о золотой утке, также восходит своими корнями к индоиранской философии, о чем мы можем узнать из древнеиндийских текстов.

Майтри упанишада. Часть 34.

(...) Златоцветная птица, обитающая в сердце и в Солнце —
Нырок, гусь, великой бликом. —
Его мы чтим в этом огне.

(Перевод А. Я. Сыркина).

При совпадении образов в индийской философии и башкордской мифологии необходимо помнить, что ведические арии создатели Упанишад пришли в Индию с Южного Урала.

Учение башкордского Ишвары Зайнуллы Ишана о “Джапа - йоге”

Правильное произношение звуков в буквах арабского алфавита.
Во имя Аллаха Милостливого и Милосердного!
Слава Аллаху и мир Его рабам, которых Он избрал!

Эта статья о сути букв — “алиф”, “ба”, “та”, “с□”, “ж”, “б”. Культ на чем основывается данное письмо [арабский алфавит] это вопрос о правильном использовании — произношении букв — Алиф, ба, та, с□, ха.

Правильное чтение букв — Алиф, ба, та, с□, ха — именно так но произносить как — алеб, би, ти, си, х — это неверно (ошибка).

Современные достижения даются в комментариях аль- Бадауи суры Аль-Бакара; в “Нашр Кабир” и в основном предисловии к “священной статье” (ж□hd макал), где говорится, что пишется как “алиф”, “ба”, “та”, “с□” и в словарных изданиях и книгах по изучению языков даются как вышеупомянутый вариант: алиф, ба, с□, ха, но читаются по старинному — алиб, би, ти, х — что является поздним неправильным произношением.

В “священной книге” (□□h□ Макал) имеются сведения о том, что буквы Алиф, ба, та, ха читаются двумя способами (старым — правильным и поздний неправильный), так, названия букв читать — Алиф, “ба”, а другие читать “□”, “□”, “□”, “с”, “□”, “h”, “□”.

В комментариях книга “Шифа” говорится, что краткая хамза (хамза максура — читается с обозначением АБ(s), ит, Аль — х; Алиф — лям отсутствует (нет), читается как алям агль таужид ля — так нужно читать, то есть — ля да ки алиф. Аһаль кашф (гадальщики) читают как “лам-алиф”. Во втором томе “Футухат” маки” нет — алиф лям, но есть (а есть) — хажа (продолжение по слогам), а в разъяснениях кази Байдауи к суре “Аль-бакра”, отмечается, что — Алиф лям, есть.

Али аль Кари в комментариях книги аль Джузури пишет, что главных букв двадцать восемь, эти буквы главные. Имеются также буквы — фаргия, которые появились позже из основных. Эти буквы фаргия: “хамза мусаххала”, “алиф мамала”, “лям муфаххама”, “сад мутаммама”, “нун мухфата”. — всего пять, но по ним читают предания.

Об этом говорил аль Джузири в книге “Ан Нашр Кабир”, в книге “Жаһд макал”, “Шафи”.

Да поможет Аллах!

(Перевод с башкордского языка, написанного арабским шрифтом на русский язык выполнен Р. А. Гилязетдиновым).

Этот чудесный богословский текст имеет огромное философское значение, которое раскрывается при сопоставлении с Упанишадами.. Необходимо отметить и указать на тот интересный факт, что с точки зрения мусульманского богословия вообще непонятно о чем ведет речь башкордский Ишвара шейх Зайнулла Ишан (Расулев). В исламе бог не имеет каких-либо атрибутов и одним словом: человек есть, а Аллаха нет! При этом мусульмане признают Коран как предвечное и несотворенное Слово Божие, на что и сделал основной упор при изложения своего древнего и в целом политеистического учения “О Слове как Самости Бога” шейх Зайнулла Ишан (Расулев). Для ведических ариев, а затем и брахманов и кшатриев священными книгами были Ригведы и Упанишады, еще в ту далекую

эпоху, когда на свете не существовало такой религии как ислам. Но с приходом арабов, когда ислам насаждался огнем и мечом, представители и адепты древней ведийско-арийской йоги были вынуждены маскировать свое пантеистическое учение, находя для этого подходящие формы внутри самой мусульманской религии. Исламская концепция о Коране как “прямой речи Господа” как нельзя лучше подходила для сокрытия и тайной проповеди индоиранского пантеистического учения “о Слове — как Проявлении Энергии Самости Господа”. Магичность слова была прекрасно осознана древними ведическими индоиранцами и техника излияния внутренней энергии посредством повторения имени бога “aham-so” была детально разработана в мантра-йоге.

Учение башкордского Ишвары шейха Зайнуллы Ишана о божественных звуках-энергиях скрытое под именем “о правильном произношении букв” Священного Корана показывает какие формы приобретала древняя ведийско-арийская религия в эпоху монотеистических религий. Теперь сравним этот текст с Упанишадами.

Учение о Божественном Слоге в Чхандогья-Упанишаде

Глава I

1. Ом — как почитают этот слог, [так] следует почитать удгитху, ибо [начиная со слога] Ом поют — удгитху. (...)

2. Сущность этих существ — земля, Сущность земли — вода. Сущность воды — растения. Сущность растений — человек. Сущность человека — речь. Сущность речи — рич. Сущность рича — саман. Сущность самана — удгитха.

3. Конечная сущность сущностей, высшее, превосходное, восьмое — вот что такое удгитха.

(Перевод А. Я. Сыркина).

Удгитха и самана являются названиями религиозно-ритуальных песнопений гимнов Вед (Самаведы). Здесь — удгитха трактуется как дыхание человека, почитаемое и индуизме символом жизни.

Глава II

1. “Когда боги [девы] и асуры, и те, и другие происшедшие от Праджапати, вступили в борьбу, то боги завладели удгитхой, [подумав]: “С ее помощью мы одолеем их”.
2. Они стали почитать — удгитху, как обоняние. И асуры поразили [обоняние] злом. Поэтому им обоняют и то, и другое — благоухание и зловоние, ведь оно поражено злом.
3. Затем они стали почитать — удгитху, как речь. И асуры поразили эту речь злом. Поэтому ею говорят и то, и другое, истину и ложь, ведь она поражена злом.
4. Затем они стали почитать — удгитху как глаз. И асуры поразили этот [глаз] злом. Поэтому им видят и то, и другое — приглядное и неприглядное, ведь он поражен злом.
5. Затем они стали почитать — удгитху как ухо. И асуры поразили это ухо злом. Поэтому им слышат и то, и другое — достойное уха и недостойное слуха, ведь оно поражено злом.
6. Затем они стали почитать — удгитху, как разум. И асуры поразили этот [разум] злом. Поэтому им размышляют и о том, и о другом — достойном размышления и недостойном размышления, ведь он поражен злом.

7. Затем они стали почитать — удгитху, как дыхание во рту. И, столкнувшись с ним, асуры рассыпались, как рассыпается [ком земли], столкнувшись с твердым камнем.
8. Этим [дыханием во рту] не различают ни благоухания, ни зловония, ибо оно свободно от зла. Тем, что едят и пьют с его помощью, [человек] поддерживает другие жизненные силы. Ни найдя этого [подкрепления] в момент смерти, [оно] выходит [из тела; поэтому] в момент смерти [умирающий] открывает рот”.

(Перевод А.Я. Сыркина)

В этой главе говорится о том, как когда-то в начале времен, в борьбе богов — Девов с демонами —асурами, боги одолели демонов при помощи удгитхи — жизненного дыхания.

Здесь для нас интересным с исторической точки зрения является то, что эта легенда напрямую связана с башкордским этносом. Так, по традиции ариев— индусов, боги—Девы победили демонов—асуров, тогда как у ариев— иранцев Авесты, боги —Асуры победили демонов—Девов. В башкордском мифе “Акбузат” сын погибшего асура, Торна-Хаубен изгоняет с земли Дева —Кахкаху (Млечный Путь, иранск.) убившего его отца Сура-батыра (Сура —Солнце, санскр.).

И затем вступает в священный брак с богиней огня Наркас. Как видим башкордский Ишвара Зайнулла Ишан (Расулев) опирался в своем учении на богатые национальные ведические традиции и самое главное — имел уже подготовленных с детства своих башкордских слушателей, способных без особых умственных усилий понять его проповедь о божественном слоге — как жизненном дыхании.

Историческое разделение индо-иранцев на собственно индийцев “ведических ариев” и иранцев “ариев Авесты” по мнению Т. Барроу и Мэри Бойс произошло в 1700 — 1500 гг. до нашей эры.

Тем самым мы устанавливаем, что башкордскому эпосу “Акбузат”, где один из дэвов говорит сыну Сурьи — Хаубену:

“Многих батыров повидала я
Яика [Вахви Даитья], деда твоего
В единоборстве одолела я.”

Не много не мало , как 3700 лет! Следовательно, сам башкордский народ — хранитель этого мифа, проживает на Южном Урале, уже более 4 тысяч лет.

Учение о жизненном дыхании, как Божественном слоге Чхандогья упанишада Глава III (6)

6. И поистине, следует почитать слоги — удгитхи: “уд”, “ги”, “тха”. Дыхание — “уд”, ибо благодаря дыханию человек поднимается. Речь — “ги”, ибо речи называют словами пища —“Тха”, ибо на пище основано все сущее.
7. Небо —“уд”, воздушное пространство —“ги”, земля —“тха”. Солнце — “уд”, ветер— “ги”, огонь — “тха”.
8. Самаведа —“уд”, яджурведа —“ги”, Ригведа — “тха”. Кто, зная это, почитает слоги — удгитхи: “уд”, “ги”, “тха”, тому речь изливает молоко, молоко речи; тот богат пищей и бывает поедателем пищи.

(Перевод А.Я.Сыркина)

Логика рассуждений ведического-ария, певца гимнов и саман Самаведы довольна проста, и раз заметив, что все совершаемое человеком происходит при помощи дыхания, то это дыхание и стало в эпоху фетишизма и оборотничества предметом обожествления. В этой упанишаде посредством отождествления определенного звукового возгласа — стобха (stobha) с выявленным феноменом физического мира, природы или человека излагается, как и позднее, у башкордского Ишвары шейха Зайнуллы Ишана (Расулева) — учение о Звукодухе, а точнее — Звукоцветодухе, где материя понимается как дух удаленный от своего источника — Божества, представляемого как Мировой Огонь, разлагаемый на 7 ступеней — октав.

Глава 13

1. Поистине, этот мир — звук “хау”, ветер — звук “хаи”, луна — звук “атха”, Атман — звук “иха”, огонь —звук “и”.
2. Солнце —звук “у”, призыв — звук “Э”, вишведеды — звук “аухойи”, Праджапати — звук “хим”, дыхание — свара, пища — “я”, вач — вираджд.
3. Необъяснимая тринадцатая стобха — изменчивый звук “хум”.
4. Тому речь изливает [свое] молоко — молоко речи, тот богат пищей и бывает поедателем пищи, кто знает так эту упанишаду саманов, знает [их] упанишаду”.

(Перевод А.Я. Сыркина)

Истоки учения об имени Божьем в башкордском мифе “Акбузат”

Хаубан сказал девушке:
Красавица назови имя свое —
Буду с гордостью его произносить
Или пойдем
И станем вместе жить
23 На это девушка [богиня Наркас] отвечала ему:
Егет мой не шуми,
Не требуй, чтобы назвала имя свое
Даже о том что видел меня
Не говори вернувшись домой!

[Учение о Природе Божества]
Егет парой не стану тебе
Не думай жениться на мне:
Вся я создана из лучей,
...
Не будет равной сыну земли
Девушка, сотворенная из лучей;
Услышав это, Хаубен сказал девушке так:
Долго разыскивал я тебя
Каждого полнолуния ждал
Теперь, красавица тебя не отпускаю.

Так, из мифа в сознании башкордского народа зародилась идея о магичности имени божества, а затем и слова, то есть молитвы, заговора и заклятия.

В башкордском мифе и, как это будет показано ниже, в Ветхом Завете человек понимает божество, как некую сверхъестественную личность, с которой

возможно вести не только борьбу, но и диалог. Из идеи о диалоге с божеством, демоном, ангелом рождается идея о божественном слове, о чудодейственных именах божества и о магических словах и молитвенных формулах, которые необходимо скрывать от других “непосвященных” людей.

Первоначально, в эпоху фетишизма и оборотничества древние “ветхие” люди полагают, что сам бог превращается в слово, то есть “оборачивается своим именем” и по мысли человека той эпохи достаточно было прокричать имя своего бога, чтобы победить своих врагов.

Древним реликтом подобного архаичного мышления служат призывы к атаке во время боя, например у англичан — hurra; у японцев — банзай; у башкордов — Урал или Сура.

Понять и увидеть все огромное философское значение текста из башкордского мифа “Акбузат”, где описывается, как герой со скандинавским именем Торна-Хаубен выпытывает имя у огненного божества Наркас (Нар — “огонь” на кордск. и семит. яз.) мы можем на примере сопоставления с историей библейского Иосифа.

Бытие (глава XXXII, 21-31)

21. И пошли дары пред ним; а он в ту ночь ночевал в стане.
22. И встал в ту ночь, и, взяв двух жен своих, и двух рабынь своих, и одиннадцать сынов своих, перешел через Иавок вброд.
23. И, взяв их, перевел через поток, и перевел все, что у него было.
24. И остался Иаков один. И боролся Некто с ним, до появления зари;
25. И, увидев, что не одолевает его, коснулся состава бедра его, И повредил состав бедра у Иакова, когда он боролся с Ним.
26. И сказал: отпусти Меня; ибо взошла заря.
Иаков сказал: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня.
27. И сказал: как имя твое? Он сказал: Иаков.
28. И сказал: отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль; ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь.
29. И спросил Иаков, говоря: скажи имя Твое?
И он сказал: на что ты спрашиваешь о имени Моем?
И благословил его там.
30. И нарек Иаков имя место тому: Пенуэл; ибо, говорил он, я видел Бога лицом к лицу, и сохранилась душа моя.
31. И взошло Солнце, когда он проходил Пенуэл.

При сопоставлении башкордского мифа о Торне-Хаубене с библейской историей о борьбе Иосифа с Богом и стремлении узнать Имя Бога, прежде всего необходимо отметить некий единый изоморфизм мышления, который продолжает сохраняться даже в эпоху сложения монотеистической религии. Это и является в свою очередь блестящим подтверждением того положения, что даже монотеистическое богословие своими корнями восходит в политеистическую мифологию.

Учение об огненной природе Бога у башкордов Эпос “Акбузат”

Наркас стала говорить:

88 Хоть с виду юной кажусь

Я [водно-небесного] падишаха дочь,

Не ступала по земле,
Не ела пищи земной,
Поэтому нескончаем мой век.
Старость меня не берет
Молодость сохранилась моя
не ушла моя красота
Открою лицо — Солнце твое
Устыдившись, за тучи уйдет
Если кто из людей захочет
Силою помериться со мной
Только открою ему свое лицо,
Лучами моими ослеплен,
Предо мной упадет.

В этом тексте особенно заметно, что древние башкорды отделяли божество от видимого диска Солнца, и, не зная как выразить безатрибутивность бога приписывали ему свойство являться по ночам. Очень точно этот процесс развития человеческого мышления от грубых форм фетишизма до уровня развитых абстракций и обобщений описал А.Ф. Лосев, который говорил: **“Мифология начинается с фетишизма. Что такое фетиш? Полное совпадение тела и души. Потом появляется анимизм, более развитое состояние мышления. Дриада не привязана к этому вот дереву (как Гама дриада) дерево погибло, а другое дерево есть, древесность остается. Мысль переходит тут к более общему представлению. Души эти сначала очень слабые; потом все крепче убеждение в разумности [в основе вещей]. Можно по источникам все это проследить. В конце - концов мысль доходит до единого Бога”**.

(см. А.Ф. Лосев. Имя. Санкт-Петербург. 1997, стр. 493)

Действительно, опираясь на башкордские источники начиная от мифологии и кончая богословскими трудами башкордского Ишвары шейха Зайнуллы Ишана (Расулева) можно поэтапно проследить как шел сам процесс развития древнебашкордского мышления от фетишизма и анимизма к абстрактным обобщениям и умению отделять идею о предмете от самого физического предмета в виде идеальных понятий, который со временем завершился оформленным представлением о Едином Боге.

Влияние учения башкордского Ишвары шейха Зайнуллы Ишана (Расулева) на русскую философско-богословскую мысль начала XX века

Теперь, нам осталось рассмотреть такой серьезный и чрезвычайно важный вопрос как косвенное влияние древне ведийского учения о почитании Имени Бога... башкордского Ишвары шейха Зайнуллы Ишана на догматические споры о Природе Имени Бога возникшее в начале XX века в православном богословии в России. Поводом к спорам 1912 —1913 годах послужило различное понимание святости Имени Бога при Его молитвенном призывании.

Абсолютно формально оставляя в стороне всю многовековую историю индоиранского учения о магичности слова, считают, что поводом к “афонским” спорам 1912—1913 гг. об Имени Божиим послужила книга схимонаха Иллариона “На горах Кавказа” изданная, на 9 лет позже книги башкордского Ишвары шейха Зайнуллы Ишана (Расулева) в 1908 г. и переизданная три раза до 1912 года.

Схимонах Илларион писал: “В Имени Божиим присутствует Сам Бог — всем Своим существом и всеми Своими бесконечными свойствами”.

(см. Примечания. П.А. Флоренский. У водоразделов мысли. М., 1990, Т.2., стр. 424—425)

Постепенно спор вокруг Природы Имени Бога разгоревшийся после издания книги схимонаха Иллариона втянул в себя богословов и светских философов, точно также как это произошло в Башкортостане в последней четверти 19 века, после начала проповеди догмата — об Имени Бога, как Самого Бога — башкортостанским Ишварой шейхом Зайнуллой Ишаном (Расулевым). Судьбы двух учений, первого — башкортостанского, ведийско-арийского и второго — православного, греческо-арийского удивительно схожи и поразительно напоминают друг друга. Если башкортостанского Ишвару шейха Зайнуллу Ишана (Расулева) за его учение — об Имени Божьем сажают по указанию правительства в тюрьму в 1872 году, а затем ссылают на 8 лет в Костромскую область, откуда он вернулся в 1881 году в Башкортостан, то с православным учением об Имени Божьем царское правительство Российской империи поступило подобным же грубым образом. После принятия постановления Священного Синода об Имени Божиим изложенном в Синодальном послании от 18 мая 1913 года имяславное учение афонских монахов было запрещено и, как писал позднее А.Ф. Лосев: **“Синод распорядился полицейским образом. Был послан корабль с военной бригадой. Велели либо подчиниться игумену, либо всем на корабль. Выгоняли пожарной кишкой из келий. У них [афонских монахов] уже психология мучеников началась. Человек 200. Большинство осталось на месте. Тогда их просто силком взяли. Высадили в Одессе, запретили служить и стали рассеивать по разным сторонам”**.

(см. А.Ф. Лосев Имя. СП б., 1997, стр. 518)

Как вспоминал непосредственный очевидец этих событий отец Сергей Булгаков: **“Кажется, впервые за все время существования русской церкви, в недрах ее самой, а не Византии возник серьезный догматический вопрос, требующий серьезного догматического обсуждения, — о почитании имени Божия. Сначала вопрос этот хотели хулиганизировать, по методу митрополита Антония, газетной презрительной руганью, а затем схватились за более реальное средство церковного единения — “увещания с военной экспедицией и пожарной кишкой”**.

(см. С.И. Булгаков. У стен Херсонеса. Символ. 1991, 25, стр.210)

Упоминание С. Булгаковым имени митрополита Антония возвращает нас к теме исследуемого вопроса — о влиянии учения — об Имени Божиим, башкортостанского Ишвары шейха Зайнуллы Ишана (Расулева) на догматические споры о Природе Имени Бога в православии возникшие с выходом книги схимонаха Иллариона. Если одни православные монахи и миряне поддерживали это учение и называли себя — имяславцами, то другие стали отрицать наличие присутствия Божества в Его Имени и поэтому назывались — имяборцами.

Поместный собор церковных иерархов в своем Послании от 13 мая 1913 года к сожалению поддержал имяборцев и осудил — имяславцев. Одним из самых главных и наиболее активных сторонников осуждения — имяславцев на Соборе стал Митрополит Киевский и Галицкий Антоний, о чем говорят многочисленные свидетели тех событий. Удивительно, что при этом, никто из трех очевидцев П. Флоренский, С. Булгаков, В.Ф. Эрн — не постарался понять и объяснить причины такого резкого неприятия митрополитом Антонием учения имяславцев — об Имени Божиим как Самости Бога. Поэтому мы и постараемся здесь дать этому первое историческое объяснение.

По свидетельству митрополита Вениамина (Федченко)

(см. Примечания. П.А. Флоренский. У водоразделов. М. 1990, стр. 426)

Митрополит Антоний резко выступил против почитания Имени Божия, даже не читая сочинений схимонаха Иллариона. Митрополит Вениамин писал: **“Наконец, упомяну об одном печальном факте. Известный митрополит Антоний (Храповицкий), бывший самым ярким противником афонских “имябожников”, — оказалось сам не читал нашумевшей книги, в коей высказывалось это выражение об имени Бог, книги “На Горах Кавказа”, — и с коей собственно и началось противное течение. Однажды, когда митрополит Антоний был уже митрополитом Киевским, с ним на обеде начала разговор Елизавета Федоровна: “Почему он так сильно восстал против этой книги; а она была издана на ее средства и после одобрения сведущими лицами. Митрополит Антоний, к великому удивлению и тяжкому смущению Елизаветы Федоровны, ответил ей, что он сам-то не читал этой книги, а ему докладывал миссионер”.**

Ключ к пониманию подобного отношения к учению об имени Божиим как энергии Бога у митрополита кроется в биографии самого церковного иерарха, который будучи епископом Уфимским и Мензелинским — Антония в 1900—1902 годах напрямую столкнулся с учением о правильном произношении имени Бога, пропагандируемым башкордским Ишварой шейхом Зайнуллой Ишаном (Расулевым).

Уфа являлась, в то время и много позже, еще целое столетие вплоть до конца XX века, центром Духовного управления мусульман Сибири и Европейской части Российской империи. В Уфе хранился знаменитый “Коран Османа”. Именно в Уфу для допроса и был вызван башкордский Ишвара, шейх Зайнулла Ишан (Расулев) в 1872 году, когда вернулся из своей поездки в Кордистан — (Мекку), во время которой он вступил в Халидийя, кордскую секту Накшбандийя, под руководство шейха Зияуддина аль—Гумушаневи. Его проповеди привлекали к нему массу сторонников. Как пишет А.Б. Юнусова: **“В 1870 году Зайнулла Расулев (в то время — Хабибуллин) вернулся из хаджа. Уже до этого он был “популярен в народе” — так о нем писал в своем донесении в Оренбургское генерал-губернаторство генерал-адъютант Крыжановский. По возвращении из хаджа Зайнулла стал считаться святым, в его поведении появились незнакомые местным мусульманам атрибуты, в частности Зайнулла-ишан ввел громкий зикр (радение) и обычай носить четки. “После его внушений многие из башкир стали предаваться шаманству, сопровождать молитвы криками, неестественными телодвижениями, доводя себя до безумного состояния,” — из того же донесения.**

19 мая 1870 года в деревне Юлдашево Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии состоялось празднование маулид-байрама, “Праздник заключался в чтении книг духовного содержания на горе около деревни в продолжении нескольких часов, затем угощение за счет богатых башкир и тептярей”, пишет Крыжановский: “...Число лиц, собравшихся простиралось чуть ли не до 3 тысяч, некоторые из Уфимской губернии”.

(см. ЦГИА РБ. ФИ — 11. Оп.1.Д. 1533, Л, 1-9)

Многим своим последователям Зайнулла-ишан раздавал письменные разрешения “к распространению своего учения”. Уже в 1872 году у Зайнуллы-ишана насчитывалось около 10 верных последователей—мюридов. Среди них — указной мулла д. Ахуново Мухамед-Садык Хабибуллин, азанчей Точневской станции Гулатовского отряда Шарафутдин Ахмедов, указной мулла д. Татаурово Троицкого уезда Учалинской волости Мухамеджан Кинжагулов и другие.

Растущая популярность Зайнуллы-ишана и его независимость, отход ли от устоявшейся среди башкир религиозной практики, а может быть

разногласия личностного порядка — так или иначе поведение Зайнуллы-ишана вызвало недовольство Абдул-Хакима Курбангалиева: “Челябинский наставник Абдул-Хаким Ишан [Духовный наставник Зайнуллы-ишана, до его поездки в Кордистан. С.Г.] порицает действия Афтах, Атауллы и Зейнуллы”, — читаем мы в донесении майора Давлетшина в Оренбургское генерал-губернаторство. (Афтах Исаков — Мулдакаевский мулла, [Г]Атаулла — Златоустовский, Зайнулла-ишан называл их помощниками”.

(ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп.1.Д.1533.Л.11-12)

“Энергия Зайнуллы-ишана была направлена на постижение знаний и развитие мусульманского образования. В 1884 году он основал в Троицке медресе, которое в 1893 году перешло на новый метод обучения. Зайнулла Расулев был в нем наставником до самой своей смерти в 1917.”

(см. А.Б. Юнусова. Ислам в Башкортостане. Уфа. 1999, стр. 80-81)

Нет никаких сомнений в том, что именно встреча митрополита Антония, в его бытность епископом Уфимским и Мензелинским в 1900-1902 годах лицом к лицу с набравшим широкий размах среди населения Башкортостана ведийско-арийским учением или джапа-йогой башкортостанского Ишвары шейха Зайнуллы Ишана (Расулева) наложила неизгладимый отпечаток на сознание православного иерарха, что создало в свою очередь, у него неверное представление о почитании Имени Бога, как ложный религиозный атавизм граничащий с языческим политеизмом.

Наше предположение о влиянии на мировоззрение митрополита Антония — учения “об Имя— Боге” башкортостанского Ишвары шейха Зайнуллы Ишана (Расулева) подтверждается и другими косвенными фактами и историческими событиями. Так, в 1913 году Россию посетил известный индийский суфий шейх Инайят Хан, который как и башкортостанский Ишвара шейх Зайнулла Ишан (Расулев) был посвящен в 4 ордена: Чишти, Накшбанди, Кадири и Сухраверди, но младше его на 50 лет. В России Хазрет Инайят Хан познакомился со знаменитым композитором Александром Скрябиным и графом Сергеем Толстым, сыном знаменитого писателя Льва Толстого.

Хазрет Инайят Хан приехал в Россию из Парижа, где он подарил несколько суфийских мелодий — “Сама” своему новому знакомому композитору Клоду Дебюсси.

В Москве, в салоне поэта и теоретика символизма Вячеслава Ивановича Иванова (1866—1949), Инайят Хан в январе 1914 года познакомился с композитором и пианистом Александром Николаевичем Скрябиным (1871-1915), который был в то время на вершине своей музыкальной карьеры. А.Н. Скрябин в этот период жизни работал над сочинением “Мистерии”, которая, по мысли ее автора включала и несла в себе идеи... и духовные стремления... разных религиозных традиций и культур, дабы затем при ее исполнении, где-нибудь в Гималаях, мистическим образом могла повлиять на дальнейшее развитие мира. А.Н. Скрябин хотел даже купить с этой целью землю в Индии, о чем велись даже переговоры.

А.Н. Скрябин несколько раз посетил лекции Инайят Хана и пригласил затем суфийского шейха в гости в свой московский дом. О тех впечатлениях, которые они произвели друг на друга мы можем узнать из Предисловия к книге Хазрат Инайят Хана “Мистицизм Звука” (М., 1998), составленного Сергеем Москалевым. Инайят Хан писал о Скрябине: **“Я нашел в нем не только прекрасного артиста, но также мыслителя и мистика. Он показался мне неудовлетворенным западной музыкой, думающим, как внести нечто из восточной музыки в западную для того, чтобы обогатить последнюю. Я соглашался с ним, я думал, что если эта идея когда-либо исполнится, несмотря на сложности,**

возникающие в начале, то такая музыка могла бы стать музыкой всего мира. Что, в свою очередь, могла бы способствовать объединению человечества во вселенское братство. Музыка для этого лучше всего, ибо она любима как на Востоке, так и на Западе.”

Впечатления Скрябина от встречи с Инайят Ханом приводятся в книге музыковеда, личного биографа Скрябина Леонида Сабанеева: “Такое величие и такое спокойствие, это как раз то, что потеряно в нашей истощенной органической жизни — культура такого рода. ... в действительности в этой музыке есть великое рвение, тут, должно быть, есть скрытые и потому ускользающие от нас элементы.”

(см. Указ. соч. Стр. 12-13)

Интересно, указать здесь на такой немаловажный исторический факт, что именно имяславцы о. С. Булгаков и о. П.А. Флоренский идеологические противники имяборцев во главе с Антонием (Храповицким) митрополитом Киевским, прекрасно знали о мистических исканиях А.Н. Скрябина. Так, о.С. Булгаков писал: “Для рассматриваемого здесь вопроса (Искусство и теургия) в высшей степени показательно и поучительно явление А.Н. Скрябина. В нем с огромной силой проявилась эта софиургийная тревога, не позволявшая ему удовлетворяться искусством как таковым, но понуждавшая стремиться за искусство, искать его преодоления. В то же время это устремление было тем ключом, из которого истекал родник его музыкальных вдохновений, потому что они рождались в неустанных поисках тем грядущей “мистерии”. Если рассматривать ее идею как творческую мечту, идеальную проекцию, она символически выражает недостижимое в искусстве софиургийное устремление (и так истолковала ее неожиданная смерть). Если же видеть здесь “проект” чуда, совершаемого искусством, причем самому художнику усваивается роль теурга или мага, тогда приходится видеть здесь типичный подъем софиургийной задачи эстетическим магизмом, причем соблазн лжемессианизма ведет к человекобожии и люциферизму (не без явного влияния теософических идей).”

(см. С. Булгаков. Свет Невечерний. Стр316, 335)

Такое же резко отрицательное отношение к эсхатологическим исканиям Скрябина занял и другой философ, священник и активный участник имяславно—исихастского движения и сторонник “умного делания” А.П. Флоренский, который без малого через 24 года прошедших с тех дней событий, в 1937 году писал из Соловецкого лагеря, где находился в заключении, в письме к своей дочери так: “Против Чайковского и против Скрябина я имею разное, но это разное, по видимому, объединяется в одном, в их ирреализме. Один уходит в пассивную подавленность собственными настроениями, другой — в активную, но иллюзионистическую магическую подстановку вместо реальности своих мечтаний, не преобразующих жизнь, а подставляющих вместо жизни декорацию, хотя и обманчивую. Но оба они не ощущают недр бытия, из которых вырастает жизнь. Оба живут в призрачности. <...> Если несколько преувеличивать, то о скрябинских произведениях хочется сказать: поразительно, удивительно, жутко, выразительно, мощно, сокрушительно, но это — не музыка. Скрябин был в мечте. Он предполагал создать такое произведение, которое будучи исполнено где-то в Гималаях, произведет сотрясение человеческого организма, так что появится новое существо.”

(см. П.А. Флоренский. У водоразделов мысли. М., 1990, Т.2, стр. 418)

Если столь резкую критику Скрябин заслужил от имяславцев — С. Булгакова и П. Флоренского, за свое увлечение восточным мистицизмом ощущаемое только в его музыке, то можно представить себе те чувства и то душевное потрясение какое испытал митрополит Антоний (Храповицкий), когда столкнулся лицом к лицу с ведийско-арийским учением башкордского Ишвары шейха Зайнуллы (Расулева) — “О имени Бога, как самого Бога” в бытность епископом Уфимским и Мензелинским в 1900 —1902 годах.

Неизвестно встречался ли Инайят Хан с башкордским Ишварой шейхом Зайнуллой Ишаном (Расулевым), поскольку должных исследований по этому вопросу не проводилось.

Теперь нам необходимо, пусть даже кратко, обрисовать те контуры духовного влияния башкордского Ишвары шейха Зайнуллы Ишана (Расулева) на политическую жизнь Российской империи и формирование идеологии суверенитета Башкордистана у своих мюридов.

Когда Ишвара шейх Зайнулла Ишан (Расулев), в 1869 —1870 годах на своем пути в Мекку, посетил Кордистан, там ширилось движение за самоопределение и суверенитет страны, главными идеологами которого была семья Бадырханов. В 1876 —1878 годах в районе Ботан в Кордистане вспыхнуло восстание кордов за суверенитет своей страны под руководством суфийского шейха Пира Сайида.

Когда башкордский Ишвара шейх Зайнулла Ишан (Расулев) посетил Кордистан во второй раз в 1882 —1883 годах во время своего паломничества в Мекку, то в это время там произошло восстание кордов за суверенитет под руководством суфийского шейха ордена Накшбандийа, Пира Обейдуллы, который после поражения восстания был вынужден уехать в Мекку, где и умер в 1883 году. Нет никаких сомнений в том, что два суфийских шейха одного ордена Накшбандийа башкордский Ишвара Зайнулла Ишан и кордский шейх Обейдулла неоднократно встречались друг с другом.

Во всяком случае именно великий Ишвара шейх Зайнулла Ишан (Расулев) был первым кто заговорил о создании суверенного Башкордистана со времени восстания башкордов во главе с Салаватом Юлаевым в 1773 —1776 годах.

Наиболее близким по духу сподвижником Ишвары Зайнуллы Ишана стал его мюрид Аллабирде Йагафаров — старшина Бурзян-Тангаурской волости Орского уезда Оренбургской губернии, который был дедушкой по материнской линии Шакиру Мутагаровичу Мустафину, который приходится уже дедом мне — автору этой книги — Галлямову Салавату. Таким образом, один мой родственник по материнской линии отца был суфийским шейхом ордена Накшбандийа и неоднократно посещал Кордистан, а другой, по моей материнской линии был мюридом первого и в этом отношении эта книга является автобиографической.

Полное имя Йагафарова было Хебат Аллабирде Йагафаров. Слово — хебат на кордском означает “работа, труд”. Народ его звал просто —Хебат Старшина. Будучи действительно старшиной Бурзян-Тангаурского рода по праву прямого родового наследования старшина Хебат Аллабирде Йагафаров неоднократно встречался с царем Александром III, а в 1913 году был в числе почетных гостей приглашенных Николаем II на праздновании 300-летия царского рода Романовых.

Вместе с этим будучи мюридом (послушником) башкордского Ишвары шейха Зайнуллы Ишана (Расулева) — старшина Хебат Аллабирде Йагафаров исполняя волю своего наставника (духовника) вел активную политическую деятельность.

Хебат старшина установил личные контакты с такими крупными политическими деятелями Российской империи как — Петр Бернгардович Струве (1870 —1944) и Павел Николаевич Милюков (1859 —1943) и по их просьбе и

пожеланиям, но строго по разрешению Ишвары Зайнуллы Ишана (Расулева) организовывает в 1905 году отделение Конституционно— демократической партии (Кадеты) Орского уезда Оренбургской губернии, куда привлек и других мюридов башкордского Ишвары шейха Зайнуллы Ишана (Расулева), таких как депутат Думы Шайшариф Ахун Матинов и золотопромышленник Ш. Рамеев. Надо отметить, что поскольку указом Царского Правительства от 11 февраля 1736 года за подписью императрицы Анны Иоанновны (1693 — 1740) башкордам после восстания 1730 —1741 годов строго запрещалось иметь свои кузницы в деревнях и заниматься добычей железной или медной руд, то башкорды были вынуждены при добыче металла записывать рудники на имя татар. Интересно указать, что этот указ царского правительства не отменен формально и поныне.

С течением времени эта фракция Конституционных демократов под духовным руководством башкордского Ишвары шейха Зайнуллы Ишана (Расулева) к 1916 году единогласно пришла к мнению о необходимости создания Суверенного Башкордистана. Идеологическую программу с призывом к созданию Суверенного Башкордистана в пределах “Русских соединенных штатов” башкордский Ишвара шейх Зайнулла Ишан (Расулев) написал на 7 страницах еще в 1910 году в возрасте 77 лет. На Курултае Башкордов собравшийся в Оренбурге, 8 — 20 декабря 1917 года, после Октябрьского путча большевиков в Петрограде, приняло участие 223 делегата, среди которых 194 человека были с решающим голосом и 29 человек с совещательным голосом. Было принято — Постановление Областного Съезда Башкурдистана: “Об утверждении автономии Башкурдистана” и принята “Резолюция об общероссийской федерации и отношении Башкурдистана к этой федерации”, в которых в основу были положены идеи башкордского Ишвары шейха Зайнуллы Ишана (Расулева).

Сам шейх, к сожалению, не дожил несколько месяцев до провозглашения Независимости Башкурдистана для осуществления которого посвятил всю свою долгую жизнь. Башкордский Ишвара шейх Зайнулла Ишан Расулев умер 2 февраля 1917 года в возрасте 84 лет и был похоронен в г. Троицке.

Широко известный в научных кругах русский востоковед в написанном им некрологе извещающем о смерти башкордского Ишвары шейха Зайнуллы Ишана (Расулева) процитировал текст из Оренбургской газеты “Вақыт”, где говорилось, что “умер духовный Царь своего народа”.

(см. Мусульманский мир. Издание Российской Академии Наук. Петроград, P.I, вып. I, 1917.)

В заключение необходимо сказать следующее, шейх Зайнулла Ишан (Расулев) жил и проповедовал учение об Имени Божиим как Самости Бога, не в Индии или Иране, где это учение является общепринятым, а в России, за что неоднократно пострадал, претерпел заключение в тюрьму и высылку из родных мест. Но несмотря на все лишения шейх Зайнулла Ишан (Расулев) никогда не терял присутствия духа и оставался верен себе и делу всей своей жизни — восстановления Суверенитета Башкордистана.

В отношении древности учения башкордского Ишвары шейха Зайнуллы Ишана (Расулева) нам хотелось бы напомнить, что джапа-йога пришла в Индию вместе с ведическими ариями, обитавшими до этого (во втором тысячелетии до нашей эры) на Южном Урале (Аркаим, Синташта). Именно поэтому, техника джапа-йоги (щод-па) в учении башкордского Ишвары шейха Зайнуллы Ишана в точности соответствует традиции Упанишад.

О мистических йогических способностях башкордского Ишвары шейха Зайнуллы Ишана (Расулева) имеется много легенд и преданий. Как рассказывал автору его дед Шакир Мутагарович Мустафин внук, Аллабирде Йагафарова — Хебат старшина Бурзян-Тангаурского рода, который в детстве неоднократно

вместе со своим отцом или дедом посещал башкордского шейха: во время молитвы из уст Зайнуллы Ишана исходил — Огонь, а когда он клал руку на Коран, то книга загоралась алым пламенем, но при этом не сгорала. Я никогда не верил в рассказы своего деде о шейхе Зайнулле, считая их религиозными небылицами, но сообщения специалистов, в частности — медиков, о наличии действительно неких мистически—магических способностей у индийских йогов, кордских суфийских шейхов и китайских врачей народной даосской медицины заставляют нас предполагать, что башкордский Ишвара и Девариши, шейх Зайнулла Ишан (Расулев — Хабибуллин) действительно обладал некими сверхъестественными способностями, которые приобрел постоянно практикуя — умную молитву, то есть — джапа-йогу.

Как доказательство возможности исхождения от человека лучей света “энергии Бога—Ишвары” мы приведем текст из рассказа К. Мазура опубликованного в журнале “Вокруг света” в 1989 году. К. Мазур пишет: “... в городе Чанша (Китай) произошла встреча, которая заставила меня поверить в чудеса, как это ни парадоксально и звучит. Крошечный зал погружен в полумрак. Маленькая хрупкая китайка, вытянув руки вперед, держит указательные пальцы друг против друга на расстоянии сантиметров тридцати. На лице выражение предельной концентрации внимания. Проходит примерно минута — и между пальцами начинает вибрировать нечто наподобие электрического разряда, причем время от времени эта “молния в руках” меняет цвет; она становится то белой, то зеленой, то красной”.

(...) Кто же эта женщина?

Ян Чуен — мастер цигуна. Этот вид древней китайской гимнастики она преподает в Центральном южном технологическом университете Чанша. (...)

Когда я попросил Ян Чуен все-таки объяснить творимые ею чудеса, она с улыбкой ответила: “... то, что вы назвали “молнией в руках”, — это лишь световое проявление психической энергии. Вначале она шла из легких — ее цвет белый, затем я выделила энергию из печени —ее цвет зеленый, ну а потом — из сердца, и цвет сменился на красный...”

(см. Указ. соч. 9, стр. 32-34. Взято с сокращением.)

Сами китайцы признают, что техника индийской йоги проникла в Китай задолго до появления там в 495 году индийского монаха Бодхидхармы.

Во всяком случае даже сами китайцы признают, что никакого влияния даосизма на индоарийскую йогу в истории не было и нет. Наоборот, это индийская йога, индийская философия и религия сильно повлияла на формирование китайской философии и религии. Если мы теперь вспомним, что сами творцы индийской йоги, ведические индоарии пришли в Индию и Переднюю Азию (Митаннийские арии — корды) с Южного Урала (Аркаим), то тогда только и сможем осознать все духовное могущество башкордского Ишвары шейха Зайнуллы Ишана (Расулева).

Курды Накшбендии и ведийские Сутра-йоги.

Имя Нахшбэнд “покрытый узорами человек” — есть ни что иное, как перевод с индоарийского языка на курдско-иранский, древнего ведийского имени — Сутра йог то есть “йог, ткущий нить имени”. Ведийское слово Sutra — “нить”, на которую нанизывают бусинки ожерелья и четок — тождественно в религиозно-идеологическом переводе курдскому слову — Нахш “орнамент-узор”, который ткут или вышивают нитью на ковре или платке.

Курдское слово бэнд, как и в башкордском означает человек, тождественно в

этом смысле ведийскому — йог.

Курдский аскет Накшбенд, как и ведийский йог, должен своими молитвами — *сутра*, установить постоянную связь с Богом, которую затем необходимо украшать — Нахш всю жизнь, постоянно поминая имя Бога каждым ударом своего сердца. Затем биение сердца должно соединится мистическим образом с биением сердца космического Адама, которое вызывает вибрацию энергии во Вселенной и производит таким образом материю разных уровней концентрации и качеств. Эта техника молитвы постепенно приводит человека к овладению бессмертием.

Интересно отметить в башкордском языке учитывая древне-иранское чередование ведийского звука: S>H, слово — hу□□у, производное от более древнего — sutra означает "разрывать, распарывать сшитую ткань".

Башкордско— кордские ритуальные и обрядовые параллели в области культуры Шах —мар

В башкордской мифологии Шах -мар, это белый дракон, царь всех змей, живет под землей во дворце обладает несметными сокровищами и волшебным посохом, питается исключительно медом, увидеться с ним считалось большим счастьем для людей что влекло затем сказочное обогащение увидевшего его человека.

После Дейеу Перейя — царя ветров, белый дракон Шах-мар является вторым и последним положительным и добрым персонажем в башкордской мифологии из драконов и змеев — Дивов, что и является в конце концов прямым доказательством наличие у башкордов культа ведийских дэвов-богов в древние времена, вплоть до эпохи реформ древневедийской религии Заратуштрой в 16 веке до нашей эры, когда по приказу пророка из новой религии был удален культ дэвов-богов, ставшие с тех пор злыми демонами у иранцев.

У кордов-езидов, как писал в своем "Кудско-русском словаре" Чаркизи Бакаев: "Шахмер, вид белой змеи, является предметом почитания у езидов."

□э□□□□□эу ,, □□□э□□

У башкордов существует ритуальный обряд — □э□□□□□эу, который затем находит свое продолжение у кордов Месопотамии.

Так, если в башкордской семье умирает человек, то в день похорон в масле жарят лепешки из пресного теста, которые обязательно должны соответствовать при разделе количеству людей участвовавших и присутствующих на поминках. Затем эти круглые лепешки после молитвенных ритуалов съедаются присутствующими.

Эти лепешки называются таба-□□□э□, а сам поминальный ритуал съедания этих священных лепешек называется — □э□□□□□эу. Как у русских выпивают стопку водки за помин души, так у башкордов Бурзян — Тангаурского рода (Баймакский район Башкордистана) на поминках поедая лепешки делают — □э□□□□□эу "поминование" усопшего.

У кордов -езидов — □□□э□□ (религ.) — освященная лепешка или кусочек ее, которые даются верующим в религиозные праздники, — пишет в своем словаре Чаркази Бака.

Башкордское: Таба-ик□э□ (меак, кордск.) и □э□□□□□эу “поминание” хлебом, и кордское — □□□э□□ есть ни что иное как прообраз просфоры в православии, которую ставят за помин души усопших во время литургии, где во время молитв в алтаре совершается мистический ритуал заклания и жертвоприношения Богочеловека, а затем и причащение людей — телом Божества!

Калас — Колач

У башкордов слово — Калас является обозначением белого хлеба — лепешки, также как и у кордов-езидов — Колоч это “большая пресная лепешка; большой пресный пирог без начинки; колоч’е □э□□ сале — новогодний пирог”.

(См. Чаркази Бакаев “Курдско-русский словарь”.)

Вследствие наблюдаемого чередования башкордского звука с > ч в кордском языке слово Калас у кордов произносится Калач. У кордов-езидов в новый год в тесто колоча кладут бусинку, а перед тем как сырой колоч поставить в печь его поверхность условно делят ножом на квадраты где обозначают имена езидских божеств и членов семьи одновременно. Когда колоч готов, то лепешку вынимают из печи, вся семья разделив на части торжественно его поедает и считается, что новый наступающий год принадлежит тому члену семьи или божеству в отмеченной доле которого находят заветную бусинку.

Здесь для историков и религиоведов самым главным является то, что корды-езиды располагая начертания имен-знаков своих божеств на лепешке — колоч совместно с именами людей тем самым как бы сохранили древнюю веру характерную для наиболее ранних этапов формирования религиозных чувств и представлений о том, что их езидские божества являются близкими членами семьи, рода, племени, а не отвлеченными абстрактными философскими понятиями.

Этот же обряд существовал и у древних башкордов. В тесто, из которой готовили калас клали монетку или кольцо, а затем выпекали в печи. Во время праздничной трапезы тот человек кому выпадает кольцо или монетка в его доле каласа, по поверьям башкордов обязательно жениться или выйдет замуж или у него родиться сын, дочь или внук, одним словом его ждет удача.

К сожалению, после Второй мировой войны 1941 — 1945 года во время которой погибло исключительно огромное количество башкордов этот обычай стал понемногу забываться, а позднее и подменяться.

Так, по воспоминаниям Шакира Мутагаровича Мустафина — Ягафарова отца моей матери (Баймакский район, род Бурзян — Тангаур) этот башкордский обычай проник и к татарам поселившимся в Башкордистане. Начинаящий драматург Мирхайдар Файзи в середине 30-х годов прошлого (20) столетия был клубным работником в Баймакском районе Башкордистана. Желая жениться решил выбрать невесту и собрал на торжественный ужин, в своем доме в деревне Юлук, молодежь. По башкордскому, иранскому обычаю татарин Мирхайдар Файзи положил золотое кольцо, только не в калас, а в появившееся в то время новое блюдо — пельмени, по случаю чего в общем-то и были созваны гости.

Пельмень с золотым кольцом попал в тарелку Аитовой Салихи сестра которой Аитова Роза долгие годы преподавала математику в семилетней школе, где вместе с ней работал и мой дедушка учитель — математики, а также в годы войны (1939 — 1946 г.) училась моя мать.

Хызыр — Ильяс: Хьдр Наби

В башкордском календаре период с конца февраля месяца вплоть до середины марта называется древним именем Акман-Токман. В это время на Южном Урале наблюдаются сильные бураны, пронзительные ветры и мощные снегопады.

В древности башкорды Урала верили, что во время Акман-Токмана ради спасения заблудившихся людей от гибели во время бурана им навстречу для указания пути выходит мифический герой — волшебник и Спаситель Хызыр Ильяс.

Имя и культ башкордского мифического Спасителя людей : Хызыр Ильяс, который в марте во время Акман-Токмана выходит на помощь заблудившимся странникам встречается также у кордов Месопотамии где его называют: Хьдр Наби. Вследствие чередования башкордского звука з > д в иранских языках, имя Хызр корды произносят как — Хьдр. Интересно и другое башкордско-кордское совпадение в области культа: так, корды во второй декаде февраля, когда полнолуние приходится на пятницу ежегодно справляют Праздник Хьдр Наби, которого почитают Защитником людей и особенно влюбленных.

В целом у кордов Месопотамии культ Хьдр Наби почти полностью соответствует культу Георгия Победоносца в христианстве.

Алас — Алав

Алас — это башкордский обряд очищения проводимый весной для чего люди разводят костры и затем несколько раз перепрыгивают над полыхающим пламенем. Этот обряд имеет как исконно кордское название, производное от Алав “пламя”, так и исконно кордское происхождение, поскольку именно корды во время своего национального праздника Навруза символизирующего освобождение кордского народа в древности от злого Ажи-Дахаки разводят костры и затем с разбега перепрыгивают через его полыхающее пламя — Алав.

Во время празднования Аласа, башкорды Зауралья проводили обряд очищения — Шам, для чего обкуривали каждого человека дымом можжевельника или сосновых веток (священные деревья у башкордов).

Слово — Шам, которым назван обряд прохождения человека через дым от огня ветвей сосны, также имеет исконно кордско-иранское происхождение и этимологию. Так, на языке кордов, диалект курманджи слово — сосна звучит — шам. Хорошо известно, что предки кордов — мидийцы, как это изображено на барельефах Персеполя во время богослужения Ахура Мазде держали в руках — ветви можжевельника и сосны — Шам. У башкордов рода Бурзян сосна является родовым деревом.

Башкорды и татары

Башкорды, как мы показали выше, издревле почитают Уральские горы, как тело своего прародителя — Первочеловека Урал-батыра, который мыслился в эпоху фетишизма и оборотничества оживающим весной с прилетом его небесной супруги лебедя-Хомай дочери царя Солнца — Самрау. Такие реки, как Идель (Белая и затем Волга — Ра), Нугуш, Яик (Вахви — Даитья) почитались детьми Урал-батыра. А что же думают по этому поводу соседние народы, например казанские татары, потомки татаро-монгольских орд Чингизхана пришедших в 13 веке с Алтая и Монголии и осевшие на исконной земле башкордского родоплеменного объединения Буляр — Булгар.

В связи с этим интересно одно наблюдение о повадках казанских татар, которое приводит С.И. Руденко в своей книге “Башкиры”. Так, он писал:

“Почитание духа горы, ее хозяина, было обязательным, неисполнение обета или проявление неуважения влекло за собой месть духа. Башкиры рассказывали И.И. Лепехину (1802г., ч.2, стр.3), какие последствия влечет за собой неуважение к горе Тура-Тау: “Один татарин, презирая сие освященное место и в возмездие башкирскому заблуждению, на горе напакостил, но сия попытка даром ему не прошла; ибо весь его род в короткое время вымер. Мор начался с его сына, который умирая видел разных хищных зверей, сходящих с горы и готовящихся терзать его тело и всего семейства. Другой, гоняся за лисицею без всякого обету и в посмеяние забравшиеся на гору, растерзан был пегим медведем.”

(см. С.И. Руденко. Башкиры. М.-Л. 1955, стр. 318)

Знаменательно то, что такую нелестную оценку татарам дают не башкордские, а русские историки С.И. Руденко и И.И. Лепехин.

Еще более грустную и печальную характеристику казанским татарам, жившим всего 400 лет тому назад в состоянии варварства и средневековой дикости, дал Эвляя Челеби посетивший Башкордистан — Хешдекистан в 1666 — 1667 годах. Вот, что османский путешественник и дипломат писал о татарах и, отдельно — о башкордах — хешдеках в своей книге “Сайахат-Наме”: **815 “Татарский народ первоначально пребывал в областях Чин и Мачин, Хатай и Хотан, Фагфур и Махан. Прибыв сюда, он поселился на землях этого города (Сарай). 816 Этому народу, татарам, неизвестны разрешение, запрещение и тому подобные вещи. Все у них дозволено: так что, какая бы ни была живая тварь с текущей в жилах кровью, они ее несомненно едят. А хлеба они не едят — если случится им поесть хлеба, то он у них прилепает к желудке, и они умирают. Еда, которую они больше всего любят, — это конина. Некоторые из татарских племен варят конину, некоторые же потребляют ее сырой, выпустив кровь.”**

Как видим в описании Эвляя Челеба представителя другого, не башкордского этноса, казанские татары являются — символом всего некультурного в человеке.

Поскольку казанские татары не то что не умели сеять хлеб, а просто физически и физиологически не могли потреблять хлеб и мучные изделия в пищу как любой дикий этнос, то и такое исконно башкордское мучное блюдо как — Сак-сак, не может считаться “татарским”, так как только башкорды в Уральском регионе являются этносом умеющим разводить пчел и добывать мед, а татары нет. И вообще, башкордский мед известен на весь мир, а никакого татарского меда никогда в мире не было и нет. Говорить о том, что, якобы казанские татары 300 лет тому назад умели сеять хлеб, разводить пчел и добывать мед, это значит напрямую отрицать как средневековые источники, так и самую историю развития человечества.

Даже само название — казанские татары, наподобии — молдавские, румынские цыгане, московские армяне, афро-американцы доказывает, что татары не являются коренным населением Волжско-уральского региона, а пришли на эту землю из Монголии в 13 веке, когда здесь уже существовали древнебашкордские города с иранскими именами — Сувар, Биляр, Болгар (Боргар), БьРахим.

Теперь посмотрим, что говорил Эвляя Челеби о башкордах-хешдеках — древнем автохтонном населении Урала. Самое главное это то, что как писал Эвляя Челеби башкорды-хешдеки поклоняются древним царям Ирана, чьи имена известны уже по Авесте, чем и доказывается иранское происхождение башкордов Урала и, миграция с Урала на юг в Иран древнеиранских племен во втором тысячелетии до нашей эры.

Другим немаловажным фактом является то, что Эвлея Челеби называет башкордов Урала древним иранским иенем Хьш-дек “хешдеки”, кстати до настоящего времени являющегося названием башкордов в языке казахов.

Эвлея Челеби писал: 825 “Что касается народа хешдек, то он ест конину и пьет бузу, кумыс, талкан и язма. Вследствии приятности воды и воздуха здесь множество влюбленных обоих полов; все влюбляются страстно. Как у мужчин так и у женщин для этого множество поводов.

На головах все здесь носят островерхие шапки, однако они не похожи на татарские шапки. Они носят островерхие колпаки на особый манер. А женщины из народа хешдек и христиан Москвы разгуливают с открытыми лицами.

825 Гробница шахиншаха Менучехра сына Пешенга сына Иреджа сына Афридуна. (Иранские цари “Авесты”). (...) Он, Менучехр, был великий падишах — царствовал сто двадцать лет и достиг семисотлетнего возраста.

Он похоронен в гробнице с зеленым куполом вне города Казани. (..) Вместе с этим Менучехром, поблизости от него, погребены:

- 1) Гробница Тура сына Феридун шаха ...
- 2) Гробница Пешенга сына Тура ...

834 Таким образом, ведя легкую жизнь, осматривали мы эту страну. А в сем городе Мужик имеется 4-5 раз по 100 тысяч человек правоверного и единобожного народа Хешдек”.

Все эти факты свидетельствуют о том, что башкорды это иранцы и издревле с эпохи индогерманского единства (II тысячелетие до нашей эры) обитают на Урале, тогда как казанские татары являются пришлым этносом и уже на уровне мифологии стоят вне рамок самой индоиранской, германо-греческой культуры.

Этноним Торок — Турок — дурак

“...разыскивать и создавать те исходные и основные схемы, на которых должна строиться его жизнь и мирозозерцание, для тюрка всегда мучительно, ибо это разыскивание всегда связано с острым чувством отсутствия устойчивости и ясности. Потому-то тюрки всегда так охотно брали готовые чужие схемы, принимали иноземные верования...”
князь Николай Трубецкой.

В санскрите слово — **дур**, как и в кордском имеет значение “**далекий, отдаленный, дальний**” и в целом, это чисто индоевропейское слово, что находит подтверждение, например в английском — **dark** “**темный**”, в иранском — **тэ□□** “**□□□□□□**”. В кордском языке слово того же корня — **дору**, означает “**двуличный, лицемерный**”, а слово **дорути** “**лицемерие, двурушничество**”. Окончание — **ок** в слове **турок** является суффиксом — артиклем — **эк**, показателем единственного числа в кордском языке, восходящего к общеиранскому числительному — **йэк** “**один**”. Таким образом, древнее индоевропейское слово — **турок дур + ак**, обозначает человека весьма отдаленного от норм человеческого образа жизни. Интересно отметить, что ведийско-кордское слово — **дур** “**далекий, темный**” находит свое полное соответствие в русском — **дурак, придурок** — **турок**. Вследствии чередования ведийского **д > т (d>t)**, как например: **думан > туман, димер — тимер**.

- 1) **дагэр** (курдск.), **□э□э□эү** (башк.) — спуск. поворот,
- 2) **демэк** (курдск.), **□□□э□** (башк.) — значит,
- 3) **дэбаг** (курдск.), **□□□□k** (башк.) — ящур,

- 4) дэмаг (курдск.), □□□□k (башк.) — небо
- 5) дэмырчи (курдск.), тимерсе (башк.) — кузнец,
- 6) дэрэнг (курдск.) — поздний, □э□э□ (башк.) — глубокий
- 7) дэсмал (курдск.) — платок, □□с□□□□□ (башк.) — полотенце
- 8) дор (курдск.), □□□э-□k (башк.) — вокруг, около
- 9) дошэк (курдск.), □Y□э□ (башк.) — подстилка, перина
- 10) дошлик (курдск.), □Y□□□к (башк.) — надгрудник
- 11) дуз (курдск.), □өз (башк.) — прямой, ровный
- 12) думан (курдск.), томан(башкирск.)
- 13) дьж (курдск.), тыш(башк.) — внешняя сторона
- 14) дьзгин (курдск.) — повод, □□з□□□ (башкирск.) — поводья,
Слово — дурак, стало звучать — турок > торок > турки.

"...заимствую этот плод чужого духа, тюрк сразу упрощает его, воспринимает статически, в готовом виде, и, превратив его в одно лишь незыблемое основание своей душевной и внешней жизни, раз и навсегда мумифицирует его, не принимая никакого участия в его внутреннем развитии. Так, турки не дали исламу ни одного сколько-нибудь крупного богослова, юриста или мыслителя: они приняли ислам - как завершённое данное..."
князь Николай Трубецкой.

История познакомила тюрко-татар с пятью мировыми религиями: зороастризмом, иудаизмом, буддизмом, христианством, исламом - но не в одной из них тюрко-татары не сделали никаких успехов. Даже тюркский суфий Ахмад Йасави учился у курдского (иранского) шейха Йусуфа ал-Хамадани ал Бузанджирди (1049-1140).

Теперь сравните и посмотрите насколько сильно отличается от тюрко-татар характеристика умственных и духовных качеств башкордов, данная в энциклопедии "Брокгауз-Ефрон":

"...и на работе они башкиры, хоть и не споры, но трудолюбивы, предусмотрительны, находчивы, а главное - аккуратны. Вообще, ум их отличается живостью и подвижностью, как и весь их характер; оттого они чувствуют большую склонность к такого рода занятиям, где требуется не одна механическая привычка и рутина, а разнообразие приёмов и личное соображение..."

- "...Образование у башкир чрезвычайно распространено, что заслуживает особого внимания, если вспомнить бедственное экономическое положение этого народа. Разорённые, почти полудикие башкиры оказываются грамотнее многих русских мужиков, так как большинство их (башкиров) умеет читать и писать..."

- "... Одна мечеть в 11 округах Казанского учебного округа - приходится на 633 мусульманина; кроме того, в отличии от наших церкви - школа у мусульман, не только существует при каждой мечети, но сверх того, множество школ устроено и отдельно от них..."

(Энциклопедия Брокгауз-Ефрон.
Статья: Башкиры.)

Все психологические наблюдения за ментальными и духовными способностями, качествами башкордского этноса показывают, что у башкордов чрезвычайно развито чувство индивидуальной личности, как и у всех индо-германских народов, в противоположность тюрко-татарам, живущим в настоящее время понятиями

первобытного коммунизма и общественной собственности.

Все эти духовные качества и достоинства башкордский народ унаследовал от своих предков — индоираноязычных Сако-Массагетов, в среде которых более 4-х тысяч лет тому назад родился пророк Заратуштра.

Еще С.Ф. Ольденберг касаясь духовного облика саков писал: "...В стране Заратуштры не было философов, не было не метафизического глубокомыслия, ни жажды избавления от мировой скорби. Но там был крепкий народ, полный здоровой жизнерадостности, привыкший устраивать и отстаивать своё существование в трудах и борьбе...".

ИНДО-ГЕРМАНСКИЕ ИСТОКИ БАШКОРДСКОГО ЭТНОСА

Борзян

Этноним рода Борзян крепко связывает происхождение Башкордов с индо-германским этносом. Само имя — *борзян* на древнеперсидском языке, как и в современном курдском, диалект Сынеи) означает — *Огонь, пламя*.

Крупное родоплеменное объединение в составе современного курдского народа носит древнее авестийское имя - Борзян.

Башкордское племя Борзян, обитающее на Южном Урале (где более 4-х тысяч тому назад жили ведические арии) — считает своими мифическими предками двух братьев: Монаша и Ямаша. Надо отметить, что до настоящего времени уральские борзяне подразделяются на два лагеря, первая — ветвь Монаша, вторая — ветвь Ямаша. Существует также две деревни носящие эти древние имена — Ямаш и Монаш в Баймакском районе Башкордистана где обитает род Борзян. Башкордское имя Монаш восходит к ведийско-арийскому имени мифического прародителя человечества — Манушу (Манушчихру — по Авесте).

У ведических ариев - Мануш почитался сыном солярного божества Вивасванта и братом Ямы (Ямаша), Мануш считался первым человеком, жившим на Земле, а Яма (Ямаш) первый человек, который умер, и поэтому Мануш почитался царём живых, а Яма (Ямаш) царём загробного мира. Слово Мануш, на санскрите означает "рождённый Ману". Следовательно Ямаш — "рожденный от Ямы". Отцом Ямаша и Монаша согласно башкирским генеалогическим древам (шежере) являлся Эллаер, его отцом Тимер- Карабуга, его отец Баш-курд, его отец Борангул, его отец Туйнэ-бий, его отец урал-бий, его отец Бикан-бий, его отец Бурзян-бий — родоначальник всего башкирского племени Борзен.

Ведийско-арийское божество — Мануш сохранилось и в германско-скандинавской мифологии; где Земля породила бога Туисто, а его сын Манн (Мануш) стал прародителем рода германцев - ингевонов, истевонов, герминионов (упоминаемых Тацитом). Таким образом становится ясно: Туисто у древних германцев тождественен божественному Прародителю Туйне-бию у башкортов рода Бурзян.

(Автор этой книги, башкорд рода Борзян — восходит к ветви Ямы-Ямаша).

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО БАШКОРДСКОГО РОДА БОРЗЯН

Первопредок Бурзян-бий [Бурзян - Огонь, авестйск. яз.] ->
Бикан-бий -> **Урал-бий** [Урал - Weralt "мир" германск. яз.] -> **Туйнэ-бий**
[Туисто - первопредок германцев, отец Мануша] ->
Бурангул-бий [Боран - Бэрии (кордск.-море) - Varuna (Варуна)] -> **Башкурд** ->

Азербайджанцы живущие возле Ирана и знавшие, что в иранских языках слово — турок (дурак, русск.) является ругательным и нарицательным, были очень опечалены этим.

“Возьмем философов Греции, например Платона.
Он отвлек инстинкты от полиса, от состязания,
от военной доблести, от искусства и красоты,
от мистерий, веры в традицию и предков... Он был
обольстителем nobles, его самого обольстил Roturier
Сократ... Он отрицал все предпосылки “благородных
греков” старого закала, ввел диалектику
в повседневный обиход.”
Фридрих Ницше

Заключение

Анализ башкордской мифологии позволяет нам сделать ряд теоретических выводов как общего, так и частного порядка. Отныне, под термином башкордский миф “Урал-батыр” следует понимать древнюю индогерманскую систему религиозных, социальных и этических взглядов, которые имели, проповедовали и поклонялись в IV — II тысячелетии до нашей эры жившие тогда на Урале ведические индоиранцы далекие предки современных башкордов и кордов Месопотамии.

Обычно под “философией” подразумевают — рассуждения логического характера, тогда как и логика и философия являются на самом деле только маленькими частицами — искорками в бескрайней сфере духовной жизни человека, которая в свою очередь не всегда следует логическим законам и часто довольно трудно поддается и самому философскому осмыслению.

В древности, когда не существовало никаких абстрактных наук для человека философией жизни являлась — Мифология.

Первоначально мифы представляли из себя этиологические повествования объяснявшие древним людям происхождение и природу мира, судьбу человека. Будучи тесно связан с обрядами и ритуалами во время исполнения которых по мысли древних людей человек вступал в связь (Religio) с Верховным Божеством, миф превращался в “произносимый — раскрытый обряд” и благодаря этому своему качеству сумел сохранить следы древнего фетишистско-оборотнического мышления и, наиболее явные черты коллективно-родового подсознания характерные для эпохи первобытнообщинной формации. По этой причине изучение мифов разных народов помогает ученым — этнографам установить степень родства и близость различных этносов.

Башкордский миф “Урал-батыр”, как и миф “Торна-Хаубен”, как показала историческая этимология этих башкордско-скандинавских имен были созданы предками башкордов в эпоху индогерманского единства VI — III тысячелетия до нашей эры на Южном Урале.

Древнее родство башкордов Урала с индогерманскими народами доказывает и подтверждает с другой стороны такой знаменательный факт, что сам этноним башкорд продолжает сохранять память о ведийско-арийском племени Куру, некогда обитавшем на Южном Урале (Аркаим) и от которых происходят митаннийские арии, являющиеся предками современных кордов Месопотамии.

Все эти историко-этнографические сведения, фонетические и лексико-грамматические особенности башкордского языка позволяют нам, после проведенного исследования, сделать вывод, что именно башкордская мифология лежит в основе зарождения и формирования как древнеиндийской, так и древнегреческой философии. Именно, в башкордском эпосе “Урал-батыр” уже имеются все предпосылки философской мысли, которые затем получили свое

дальнейшее развитие и логическое продолжение в Упанишадах, и попытки рационального объяснения в натурфилософии древних греков. Здесь, в первую очередь, необходимо указать на главный принцип к которому пришла башкордская мифология — это деления всего бытия: материального, социального, “духовного” представленного в эпосе как тело усопшего Урал-батыра на равноценные четыре части.

Этот главный древнебашкордский принцип деления на четыре части всего бытия, в котором в эпоху фетишизма, оборотничества и анимизма башкорд не различал и не отделял социально— идеальных категорий от материально — физических аспектов живой природы, хронологически значительно позднее встречается в Пуруша — сукте, где впервые упоминается о делении на четыре класса: брахманы, кшатрии, вайшья, шудры всего древнеиндийского общества после того как пришедший с Урала род ведических ариев Куру подчинил себе все туземное население полуострова Хиндостан. Этот же четвертичный принцип деления положен в основу социальной иерархии у современных кордов-езидов, где продолжают сохраняться такие четыре родоплеменных класса как — пиры, шейхи, кавалы, мюриды, что полностью соответствует делению древнего ведийского арийского общества как это отображено в Пуруша — сукте. Касаясь этого вопроса С. Радхакришнан писал: **“Чтобы понять тот естественный путь, который привел к возникновению этого института, мы должны вспомнить, что завоеватели — арийцы отличались по крови и расовому происхождению от побежденных племен. Все древние арийцы принадлежали к одному классу, каждый был жрецом и солдатом, торговцем и землевладельцем. Не было привилегированного сословия жрецов. Усложняющаяся жизнь привела к разделению арийцев на классы. (...) Брахманы — это не жречество, давшее обет поддерживать застывшие доктрины, а интеллектуальная аристократия, которой доверено формирование возвышенной жизни народа. Цари, ставшие покровителями ученых брахманов, — это кшатрии, или князья, которые установили порядок правления тех дней. Слово “кшатрия” происходит от термина “кшатра” — “правление, господство”. Оно имеет одинаковое значение в Ведах, Авесте и в персидских надписях. Остальная часть арийцев образовала народ, называвшийся — вайшья. Первоначально зависевшее от рода занятий; это деление вскоре стало наследственным.”**

(См. Индийская философия. М., 1956, стр.90)

Здесь необходимо сделать башкордско-германское примечание, поскольку для многих читателей вопрос о тождестве социально-мифологических категорий и институтов с материально- мифологическим бытием в мышлении древних ведических индогерманцев остается абсолютно темным и непонятым. Поэтому следует внести ясность в этот вопрос и показать механизм этого фетишистско-абстрактного мышления на примере социальных институтов индогерманцев. Так, в английском языке слово — Ray “луч, вспышка света” соответствует и восходит как ведийско-арийскому — Raj “сверкание, сияние божества”, так и имени главного божества в башкордской мифологии — Самрау. Это слово — Ray, Raj в целом описывающее — природное, физическое явление в последующую эпоху расслоения индогерманского общества на четыре класса — варны стало названием племенных вождей: у ведических индоариев — Rajan “царь”, у латинян — Rex, у предков французов — Roi, в английском — Reign.

Однако, напрасно искать в ведийской, а затем и в латинской, английской мифологиях персонажа по имени — Ray, его там нет, тогда как в башкордском эпосе “Урал-батыр” такой персонаж носящий фетишистско-материальное название природного феномена — “вспышка молнии” или “блеска луча Солнца” по

имени Самрау имеется. Этим собственно и доказывается необычайная древность башкордской мифологии, поскольку на этом примере видно, что эпос “Урал-батыр” создавался в эпоху когда предки башкордов, как и всех индогерманцев еще не умели мыслить и обобщать свои наблюдения и жизненный опыт в абстрактных категориях.

Теперь для пущей убедительности возьмем еще один лексический пример.

Так, имя верховного духовного лица у англичан — реег, и у курдов — Пир, в немецком языке звучит как — uber “высший” и восходит в своем историческом генезисе к древневедийскому имени бога Варуны, почитаемого ведическими индоиранцами как — Владыка Мировых Вод и хозяин космического закона — Риты. В курдском языке слово этого ведийского корня — war, означает “стоянка”, а в древне исландском — vor, и в древнеанглийском — woori “береговая насыпь” или “дамба у моря”. В башкордском языке слово того же индогерманского корня — йар означает — “берег реки, моря”, и как видим значение этого слова в исландском, английском, санскрите, башкордском языках совпадают, но попробуйте найти теперь в мифологии этих индогерманских народов персонажа с этим именем, и нигде, кроме башкордского эпоса и ведийско-арийской религии божества с таким именем нет.

В эпосе “Урал-батыр” бог Варуна это Ворона — живая птица-фетиш, тогда как в ведийской мифологии бог Варуна представляет из себя уже — абстрактное, отвлеченно — обобщающее начало, чем еще и еще раз доказывается тот факт, что башкордская мифология древнее мифологии Риг-Вед и создавалась людьми в эпоху с более чем архаичным мышлением.

Связь времен сохраняется в непрерывном исполнении ритуалов, и в связи с этим необходимо помнить, что несмотря на то, что протоиндоарии уже около четырех тысяч лет покинули Южный Урал (Аркаим) и поселились в Индии и в Передней Азии. Современные башкордские женщины в деревнях во время весеннего таяния снегов справляют обряд кормления Ворона. Нет никаких сомнений, что в основе ведийско-индийской философии лежит более древняя архаично-фетишистская мифология, которую исповедовали ведические индоиранцы в эпоху своего обитания на Южном Урале, Западной Сибири и Алтае, тогда — когда каждое божество “Риг Веды” отождествлялось напрямую с определенными силами природы.

Ведийские арии и иранцы имеют общее происхождение и обнаруживают огромную близость и сходство. Это положение подтверждается тем фактом, что Авеста стоит ближе к “Риг Веде”, нежели Веды к древнеиндийскому эпосу, составленному и записанного на санскрите. Ведические арии пришли в Индию через Пенджаб с территории Южного Урала, пересекая просторы Средней Азии, что подтверждает ярко выраженная преемственность между мифологией башкордов Урала и религией “Риг Веды”.

Царь ветра и бури в башкордской мифологии — Дейеу Перий, имя которого происходит от общего праиндо-европейского корня — div “светится”, “сверкать” стал почитаться в “Риг Веде” как божество Неба. Дъяус — это божество не только у индоиранцев, но также и всех индо-европейцев: в Греции его звали Зевс — deyo, dzoe; в Италии Юпитер — Jupiter, от Diespater “отец дня”, у древних германцев — саков, ютов, англо, готов — Тий или Тор.

Все эти индогерманские имена и названия — “луч света” произошли от древнебашкордского междометия — Зыйт (Дыйт) “быстро скользнуть”, что вполне верно и точно согласуется с теорией немецкого ученого Х. Узенера о “богах данного мгновения”. Вследствие чередования звуков z — d в иранских языках изначально башкордское междометие — Зыйт “ускользающий, сверкнувший” стало названием бога света и неба.

Следующее и возможно более древнее божество — фетиш башкордской мифологии птица — Ворон в “Риг Веде” стал почитаться хранителем Мировых Вод и Космического закона Риты, а также и божеством неба наравне с Дъяусом.

Свои функции хранителя космического закона Риты (□э□) бог Варуна в “Риг Веде” унаследовал с эпохи башкордского мифа “Урал-батыр”, когда ведические арии жили на Урале знали и почитали его как живую птицу — Ворон. Самое ведийско-арийские имя бога Варуны происходит от корня — вар “покрывать, охватывать” и точно соответствует курдскому слову — var “стоянка на ночь во время кочевья”.

Ворон — это перелетная, а постоянно живущая птица на Урале и поэтому символизировал для древних башкордов — зиму, смерть, ночь, за которыми всегда следуют — весна, жизнь, рождение. По этой причине в системе мироздания древних башкордов — иранцев, а также ведических индоариев постоянным спутником бога Варуны является Митра — бог Солнца. Это древнее ведийско-арийское имя до настоящего времени продолжает сохраняться в башкордском языке в слове — “Михрбан” от среднеперсидского — Мих “Солнце”, авест. — Митра

В “Риг Веде” бог Митра почитается глазом Варуны, из чего видно, что бог Солнца в эпоху обитания индо-ариев на севере почитался всего лишь атрибутом Севера, которое по закону Ворона, хранителя космического “порядка” Риты (□э□), то исчезает на шесть месяцев в году, то появляется на шесть месяцев снова на небе. Дожди, которые на Южном Урале исчезают зимой, как Солнце в Заполярье на шесть месяцев с небосвода, по мысли древних башкордов подчиняются хозяину космического закона Риты— Ворону, который не улетает с другими птицами с наступлением заморозков и холодов, а остается с людьми на Севере и при этом питается падалью и мертвечиной. Это архидревнебашкордское представление нашло свое продолжение и в мифологии “Риг Веды”, где в гимне I 156, 3 говорится, что Вишну — зародыш Риты, что он дождь: “По рождению — древний отпрыск (Вселенского) закона.”

С этой точки зрения и Солнце и Дождь являются атрибутами не перелетной птицы Севера ворона — Варуны. Имя ведийского бога Вишну в три шага, покрывающий Вселенную (весной, летом, осенью) происходит от курдского корня — wэ□ “облетать”, “опадать”, “осыпаться”, тождественный башкордскому — “йеуеш” “мокрый”, □э□□□ “молния” и английскому — wash “мыть” с первоначальным значением — мочить, облить водой.

Если ведические арии сохранили память о своей северной, арктической родине в виде мифа о Полярной Звезде — Дхрува, висящей прямо под головой смотрящего человека, в центре неба, вокруг который движутся Семеро Риши, что действительно можно наблюдать только на Арктическом севере, но нельзя увидеть и придумать на территории Индии, то у башкордов воспоминание об исчезновении Солнца на небе зимой на Севере сохранилось в виде мифа о погибшем богатыре Суре, чей сын Торна — Хаубен (Трита Аптья) освобождает мир от космического змея водных глубин.

Мифический образ Сура-батыра проник и в религию “Риг Вед”, где Сурья почитается богом Солнца чему посвящено несколько десятков ведийских гимнов.

Башкордский бог Торна — Хаубен прекрасно известен в германоскандинавской мифологии под тем же именем Тор или □□У „ □□У “свет” от ведийского — div “сверкать”. В современном итальянском языке слово Banя (банья) означает — “окупаться в воду”, и, таким образом, дословный перевод этого “смешанного”, а на самом деле — просто древнего слова— предложения Тор — Хаубен будет — “Свет окунается в воду”, что и делает каждый год прилетающий с юга на Урал Журавль — Торна, почитаемый главным божеством в

башкордской мифологии. Мифический Торна — Хаубен важен и ценен для историков древней праиндо-европейской религии тем, что его образ символизирует эпоху индогерманской общности, продолжая сохраняться в мифах германских народов и у башкордов Урала. Вместе с этим, образ Торна — Хаубена известный в “Риг Веде” как Трита Аптья “Трита водный” и в Авесте как богатырь — Траэаона постепенно исчезли из религии брахманов Индии и зороастрийцев Ирана, поскольку основой культа журавля у башкордов Урала является весенний дождь вместе с которым Торна — Хаубен появляется, сверкая молниями в небе Башкордистана. В Индии дождь не прекращается в зимнее время и, тем самым как бы исчезла сама основа культа Трита Аптии на земле Индостана, куда пришли ведические арии, покинув свою прежнюю уральскую прародину Аркаим.

В религии брахман место древнего башкордско-германского божества Торна — Хаубена занял Индра, ставший затем самым популярным божеством в “Риг Веде”. Как и Торна — Хаубен у башкордов и Тор у скандинавов, Индра является богом дождя и атмосферных явлений, которому подвластны гром и молния. Победив змея — демона Вриту бог Индра изгоняет Мрак и Тьму и начинает править небом и землей. Иными словами, в ведийской мифологии божество Индра совершает подвиг (убийство демона Вритры), который у башкордов в мифах совершил Торна — Хаубен, у скандинавов — бог Тор, а в Авесте у иранцев богатырь Траэаона свергнувший дэва Ажи Дахаку в царствование которого по преданиям и возникли племена кордов. Близость башкордской и германской мифологии проявляется еще и в том, что древний бог огня у скандинавов: Один — wooden носит имя производное от башкордского слова ут “огонь” и утын “дрова”, тогда как бог Самрау у башкордов Урала в свою очередь носит имя производное от древнеанглийского — гау “луч света, путь, дорога”.

Если башкордский бог Торна — Хаубен известный как Трита-Аптья постепенно исчез окончательно из ведийской религии, то другое древнебашкордское божество Хомай — “богиня живой воды” стала почитаться в индоиранской религии эпохи “Риг Вед” в качестве опьяняющего напитка, — Сомы дающего бессмертие, аналогичного Хаоме в Авесте.

Наличие этого индоиранского божества у башкордов Урала подтверждает и подчеркивает чрезвычайную древность культа Хомай — Хаомы: Сомы, который проникнув вместе с ведическими ариями в Индию, получил новый стимул для своего развития. При этом уже налицо наличие расхождений ведийского Сомы с богиней священного напитка жизни — Хомай в башкордской мифологии, например, если в эпосе “Урал-батыр”, а затем и в предании “Акбузат” богиня Хомай предстает как антропоморфное существо женского пола, то в “Риг Веде” бог Сома не персонифицируется. Так, С. Радхакришнан писал, касаясь этого вопроса: **“Сома персонифицируется не полностью. Растение и сок столь живо предстают перед поэтическим умом, что обожествлять их ему не так легко. Исполнение обращенных к Соме гимнов было приурочено к тому времени, когда сок выжимали из растения.”** (См. Указ. соч., стр. 66). Антропоморфный облик и женский род божества Хомай в эпосе “Урал-батыр” свидетельствует о чрезвычайно древности башкордской мифологии, в которой культ многих богов восходит к более ранней эпохе матриархата.

Изучение башкордской мифологии показывает, что ведийская мифология исторически первоначально зародилась на Южном Урале, а в Индию была привнесена древними предками современных кордов Месопотамии и башкордов Урала индоарийским родом Куру из племени Бхаратов “поддерживающие” священный Огонь, названный в Авесте у иранцев — Борзен Михрбан.

По преданиям ведийский род Куру ведет свое начало от бога Сомы — Хаомы, как и башкорды Урала, считающие себя потомками Урал-батыра и Хомай.

На основе ведийской мифологии и религии, которую исповедовали пришедшие с Урала индо-арийское племя Брахатов куру, позднее сформировалась и возникла древнеиндийская философия Упанишад, исторически являющейся заключительной частью Вед и потому названная Вед-анта, то есть — “окончание Вед”.

С Веданты начинается так называемый первый — Ведийский период (1500 год до н. э. — 600 год до н. э.) древнеиндийской философии, который длился до 567 г. до н. э., даты рождения просветленного (бодхи) мудреца (муни) из рода Саков (Сако-масагетов) Сиддхарты Гаутамы, более известной под именем Будда Сакьямуни.

Философия Веданты в целом посвящена натуралистической интерпретации древних ведийских божеств, которые пришли в Индию с далекого Урала вместе с племенами Куру, и поэтому с научной и исторической точек зрения можно считать, что Упанишады являются философским осмыслением древнебашкордской философии.

Сама диалектика развития религиозно-философской мысли наблюдается, судя по упоминанию древнебашкордских имен богов, уже начиная с гимнов Риг-Веды:

1. Дейеу-Перий — Дъяус Питар — наиболее древнее существо Неба.
2. Карга — Ворон: Варуна — божество Космического закона Риты.
3. Торна — Хаубен: Трита-Аптя — Индра божество эпохи завоевания Индии.
4. Праджапати-Брахман □ө□ө “почка” — божество, завершающее три предыдущие стадии развития религиозной мысли.

Как и в древнебашкордской мифологии в древнеиндийской мифологии первоосновой творения признается — Вода позднее этот принцип будет проповедовать и древнегреческий философ Фалес. По Ригведе — вода это первоначальная материя, из которой все порождается и постепенно получает свое развитие. В Упанишадах это древний принцип подвергается переосмыслению. Позднейшие мыслители Упанишад различают уже пять элементов — воздух, воду, огонь, землю, эфир, которые в башкордской мифологии представлены как художественные образы: Самрау — свет, Хомай — вода, Урал — земля, Азрака — темная бесконечность, мрак, Посох — дерево. Физический мир вещей возник — как это показано в башкордском эпосе “Урал-батыр”, а затем логически объясняется в Прашне упанишаде, — из взаимного проникновения различных видов материи друг в друга. На этом принципе была позднее построена философская концепция древнегреческого мыслителя Анаксагора.

Первоначально древние башкорды различали три стихии: Огонь — Самрау, Вода — Хомай, Земля — Урал, поскольку все другие персонажи не получают в эпосе “Урал-батыр” своего дальнейшего развития. Это заметно из того, что при изложении и их характеристики другие божества стихий описаны весьма расплывчато и туманно.

Этой же теории о первоначальности только трех элементов придерживается наиболее древняя из упанишад — Чхандогья упанишада. Основное различие между башкордской философией и мыслителями Упанишад в понимании структуры эволюции первоматерии кроется не по онтологическому вопросу, а по методу объяснения принципа этой эволюции первовещества — огня, воды, земли, дерева, металла. Так, в башкордском эпосе “Урал-батыр” за основу был взят принцип диалектический, понимаемый как органическое сочетание первоэлементов путем их вступления в священный брак (Самрау + Кояш = Хомай; Урал-батыр + Хомай = три сына, ит.д.) в Космосе до сотворения земли после

смерти Урал-батыра в начале времен и разделения всех сфер бытия: физического и социального на четыре части.

В Упанишадах за основу был взят метод механистический, что в целом свидетельствует о начале развития у ведических ариев — технических знаний, когда необходимое качество вещи при изготовлении достигается путем требуемого сочетания первоэлементов, например, глины, а затем и жара огня в печи для обжига. Но в целом, две философские системы и башкордская и древнеиндийская полностью совпадают друг с другом понимая возникновение физического мира как — порождение трех-пяти изначальных, космических Первоэлементов: огонь, вода, земля (дерево — воздух).

Касаясь принципов сочетания космических первоэлементов, то следует отметить, что башкордская натурфилософия известная нам по эпосу “Урал-батыр” понимает этот принцип как некую череду священных браков, где каждый Первоэлемент представлен — субстанционально, как художественно-мифический образ. Благодаря этому диалектическому методу все первоэлементы сохраняют свою частную субстанциональную индивидуальность не растворяясь в общей сфере физического бытия. В башкордском эпосе — общее функционирует как частное: боги вступают в брак друг с другом как люди; а частное равноправно воспроизводит общее. Люди на земле являются порождением космических богов.

В целом, башкордский эпос “Урал-батыр” есть философская концепция, где принцип возникновения бытия из сочетания Первоэлементов представлен как священный брак богов между собой.

Чтобы понять всю глубину древнебашкордской философской концепции о принципах зарождения бытия необходимо указать, что подобный башкордскому, диалектический метод равноправного сочетания общих и частных форм, субстанций или сфер бытия мы находим в индогерманской философии только у греческого философа Плотина, то есть на самом последнем этапе развития всей системы античной философии. Как известно основу неоплатонизма как натурфилософского учения составляет тонкий синтез диалектического метода и мифологии, где божество, демон или герой (батыр) рассматривается и понимается как — идея, данная в своем художественно — телесном образе. Этот вопрос в истории мировой философии был детально рассмотрен (и изучен) русским философом и филологом А.Ф. Лосевым, который писал об этом так: **“По Плотину, это (сочетание диалектики и мифологии) можно сделать только так, что мы сначала берем любую категорию из общедиалектического процесса и рассматриваем ее в свете всех прочих категорий. Ведь Единое есть исток всех категорий. Значит, если мы хотим данную категорию рассмотреть в свете Единого, мы должны применить к ней все основные категории обще диалектического процесса. Так, мы берем ум и рассматриваем ум как единое, как ум, как душу, как тело, как самый космос. Получаются едино-раздельное бытие, интеллигенция, умная материя, умное тело и космос. Или мы берем душу и рассматриваем душу как единое, как ум, как душу, как тело, как космос (получается становящееся творчество, ощущение, оживотворение, физическое тело со своей собственной морфологией) и т.д. Возникающие конечные идеи в каждом таком рассмотрении будут идеями, развитыми и рассмотренными с точки зрения единопорождающего лона, то есть Символами. Пробегая ряд, составленный из этих конечных пунктов развития каждой диалектической ступени, мы получим ряд, который уже нельзя будет назвать только диалектическим (...). Этот ряд будет символическим. У Плотина таковым и является ряд, ...**

1. Кронос, Афродита, Эрос;
2. Зевс, Афродита, Эрос;

3. Порос, Пеня, Эрос.

Диалектика дала Плотину идеи, мифология — образы. Но когда Плотин рассказал нам об Эросе, то это значит, что 1) он взял диалектическую идею ума (...) и, под руководством народной мифологии о космогоническом Эросе, применил к этому уму все главные диалектические идеи: он рассмотрел ум как единое — получилось некое едино—раздельное бытие; он рассмотрел его как душу — это стало живым существом; он рассмотрел его как тело — оно приобрело телесный облик; он взял его как выразительную энергию, изливающуюся вовне, (...), — и вот — перед нами платиновский образ интеллигентного Эроса.

...Прибавим к этому еще и то, что конструирование всех основных категорий в недрах каждой из них должно коснуться и самого метода конструирования. Тут то и залегает подлинный синтез диалектики и мифологии как именно методов. Диалектический метод, как мы знаем, заключается в полагании чего-нибудь, в его отрицании (или проведение границы) и отрицания этого отрицания (или новом утверждении). Но это только первая, наиобщая и самая отвлеченная структура метода мысли. Возьмем этот синтез, это единство (вернее, единение противоположностей) — как единое, как ум, как душу, как тело, как выразительно изливающуюся энергию, и мы получим на этих путях то, что Плотин называет — Браком. (...) Брак — это тоже некое единство противоположностей, то есть тоже какая-то модификация первоначальной отвлеченной триады. (...) ...теперь стало совершенно понятным, почему Плотин говорит уже не о становлении Зевса в Афродите, но именно о браке Зевса и Афродиты, хотя отношение между “умом” и “душой” как диалектическими категориями есть именно отношение становления: душа есть становление ума. Сказать же, что Афродита есть становление Зевса или Кроноса, это значит понять отношение между двумя мифами чисто диалектически, так же как если бы мы говорили только о браке между Зевсом и Афродитой, это значило бы понять отношение между двумя мифами чисто мифически.

Мы же должны понять это отношение не диалектически и не мифологически, но символически. Поэтому мы утверждаем одновременно, и что Зевс вступает в брак с Афродитой, чтобы породить Эроса, и что это есть становление ума и души в едином софийном синтезе.

Так диалектика и мифология сливаются у Плотина в диалектическую мифологию, или сферу символа.”

(см. А.Ф. Лосев. История античной эстетики. Т.6, стр.581-582)

Эта концепция зарождения Вселенной из чистого надмирового ума понимаемого как Божественный свет — Самрау, порождающий Душу Мира — Хомай, которая вступает в брак с землей — Уралом, да и сам метод наполнения идеальных категорий диалектики художественным содержанием мифологии, задолго до эпохи Плотина был хорошо известен древним башкордам, которые используя принцип формально-методологического тождества мифологии и диалектики сознательно, или чисто интуитивно создали удивительный исторический памятник человеческой мысли — башкордский эпос “Урал-батыр”. Это первый вывод!

Спорить о древности башкордской мифологии, от которой берет свое генетическое начало ведийско-арийская мифология перед эллинистической философией Плотина, здесь нет необходимости. Но тем не менее следует указать на особую форму архаичного мышления людей той эпохи в среде которых и был создан башкордский эпос.

Так, в отличие не только от эллинистической философии Платона, но даже и самой древнегреческой мифологии в башкордском эпосе “Урал-батыр” нет такого божества любви или демона как — Эрос, несмотря на то, что исторически само имя Эрос происходит из кордского, читай древнебашкордского корня — йар “любовь”. Это свидетельствует с свою очередь о том, что эпос “Урал-батыр” создавался в эпоху родоплеменной формации, когда древние люди не имели опыта личной жизни, не отделяли субъективных чувств от общественных требований и вступление в брак считалось не личным выбором, а общинно-родовой потребностью и обязанностью каждого члена племени.

Исключительная древность башкордской философии построенной на синтезе диалектики и художественных образов мифологии, подтверждается еще и тем, что впервые задолго до Упанишад и философии Платона в эпосе “Урал-батыр”, в монологе Ворона было изложено учение о Предвечных идеях данных как Космический Закон — Рита, от башкордского слова — Рят “порядок”. Это становится видным из того, что учение Платона о Предвечных Идеях по духу стоит ближе не понятию Кармы в Упанишадах, а своими корнями восходит к более древней концепции космического закона — Риты, которую исповедовали ведические арии, пришедшие в Индию с Урала, в ту эпоху, когда на свете не было не только Платона, но и не существовало самой Греции. Следовательно, учение Платона о Предвечных Идеях имеет с ведийской концепцией Космического Закона — Риты, пронизывающий собой весь мир, не типологическое сходство, а генетическую близость, которая восходит к праиндогерманскому понятию — *Amor Fatum* “любовь к року”. Это не философское, а мифологическое понятие, которое излагает Ворон в своем монологе в эпосе “Урал-батыр” и прорицают Норны в своей речи к Одину в скандинавской мифологии.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что учение о Космическом законе — Рят, правящей миром, о котором учит Ворон в своей речи в башкордском мифе “Урал-батыр” исторически более древнее и предвосхищает доктрину Кармы в Упанишадах и философскую концепцию Платона о Предвечных Идеях.

Вместе с этим монолог Ворона в эпосе “Урал-батыр” наглядно демонстрирует насколько сильно вера в Судьбу у древних башкордов совпадала до мельчайших деталей с верой древних скандинавов в Рок, который, судя по имеющимся у нас мифологическим источникам для германцев являлся не просто Понятием, а Чувством грозной природной стихии — управляющей всей Вселенной. Арифметическое деление всего мира на четыре части в эпосе “Урал-батыр” позволяет нам сделать заключительный в нашем анализе башкордской мифологии вывод о том, что древние башкорды задолго до Пифагора и индийской системы Санкхья — осознали онтологическую природу арифметического числа, говоря другими словами, предки башкордов весьма близко подошли к пониманию, что в основе природных, биологических и социальных явлений лежит некая математическо-числовая регулярность.

Башкордская мифология исповедует концепцию, где Вселенная, родившаяся из тела мертвого Урал-батыра, является вечной, и цифра — 4, по сыновьям Урала, является неким Законом, регулирующим все изменения, которые непрерывно совершаются в вещах, состоящих из четырех первоэлементов: земля — Урал, вода — Хомай, дерево — посох, свет — Самрау.

В эпосе “Урал-батыр” на уровне мифологии исторически задолго до Пифагорийцев было предвосхищено учение о божественной декаде, основу которой составляет совершеннейшее число — 4, делившее все ведийско-арийское общество на четыре касты: 1) Брахманы, 2) Кшатрии, 3) Вайшья, 4) Шудра. Это древнее деление всего общества, известное в эпосе “Урал-батыр” на

четыре группы продолжает сохраняться до настоящего времени у совр. курдов — езидов Месопотамии: 1) Пир, 2) Шейх, 3) Кавал, 4) Мюрид, и это является доказательством того положения, что именно башкордская мифология, учитывая исторический факт прихода ведических ариев в Индию с Урала — стала единым источником происхождения древнеиндийской, так и древнегреческой системы философии.

В новой западно-европейской философии древнебашкордское учение о “божественной Четверке” впервые в полной мере было раскрыто Шопенгауэром в его монументальном труде “О четвероюм корне Закона достаточного основания”, где касаясь вопроса о познании сознанием наших представлений о материальном мире немецкий мыслитель писал, что наш разум обладает немногими видами познания: **“...число, которых можно свести к четырем, ибо оно соответствует четырем классам, на которые распадается все, что может стать для нас объектом, следовательно, все наши представления”**. (См. А. Шопенгауэр. “О четвертом корне...” М., 1993 г., стр. 24).

Гениальность Шопенгауэра заключается в том, что выделив четыре различных уровня действия Закона достаточного основания, впервые изложенный не в Упанишадах или в учении Аристотеля о четырех причинах, а в башкордском эпосе “Урал-батыр” — немецкий философ затем применил этот Четвероюмкий принцип для изучения связи и отношений причины со следствием: 1) в материальном мире, 2) в логике, 3) в математике, 4) в психологии. Продолжателем Шопенгауэра и предшественником иррационалистов в западной философии стал Э. Гартман.

Но более всего волюнтаристский дух речей Ворона из эпоса “Урал-батыр” проявил себя в философии другого немецкого мыслителя — Фридриха Ницше. Слова Ворона, хранителя Космического закона — Риты из башкордского мифа: “Если сильный за слабым охотиться перестает, если матерью рожденный ни один не будет умирать” — на несколько тысячелетий, предвосхищают слова Ницше: “Падающего толкни”, ставшие к настоящему времени идейным Символом современного экзистенциализма.

Безусловно, с началом научного осмысления философского наследия башкордского народа, дошедшего до наших дней благодаря эпосу “Урал-батыр”, многие ранее преждевременно установившиеся взгляды на истоки происхождения философии у индогерманских народов будут отвергнуты как неверные и исчезнут.

Острая необходимость признать башкордско-уральский, северный эпос “Урал-батыр” идейный Первоосновой древнеиндийской философии, диктуется еще и тем, что очень часто крупные и известные ученые, не уделяющие достаточного времени изучению вопроса древних индо-ирано-башкордских генетических связей, совершают подчас ряд нелепых, курьезных и весьма досадных ошибок. Например, Г. Н. Бонгард-Левин, несмотря на исконно индоевропейское происхождение имени бога Вишну, пишет так: **“В настоящее время большинство ученых соотносят Вишну с аборигенным, неарийским населением страны, видя в нем туземное божество, которое со временем вошло в пантеон “Риг Веды”. Здесь оно упоминается около ста раз; ему посвящено пять отдельных гимнов (в одном из них он фигурирует вместе с Индрой”**. (См. указ. автор. “Древнеиндийская цивилизация”. М., 1980 г., стр. 272).

Вздорность подобного псевдонаучного положения заключается в том, что бог Индра вместе с которым упоминается бог Вишну, является божеством эпохи завоевания Индии, когда ведические арии уничтожали аборигенов — дасью и даже не включали автохтонное темнокожее население полуострова Индостан в состав своих четырех каст — варн.

Наличие пяти гимнов богу Вишну уже в Ригведе является самым лучшим доказательством, что имя этого индоевропейского божества происходит от санскритского корня — Виш “входить”, тождественного с английским глаголом — wash “мыть”, с башкордским — ҫыҫ “замачивать”, кордским — wash “опадать” и шуштын-шо “мыть”. Неспроста бог Вишну в индуизме отождествляется с водой — Нараяной.

Вода слетает —wəш (кордск.) каплями дождя с небес и войдя — виш (санскр.) в землю воплощается своей влагой — ҫыҫ (башк.), и видевшие это ведические арии, стали поклоняться богу дождя и воды — Вишну через его аватаров — посредников. Здесь надо обратить внимание на то, что само санскритское слово —аватара “спуск, нисхождение” произошло из древнего кордско-башкордского языка, где слово — ауа, ава означает: “заходить, закатываться” (башк.) или — Ро ава “закат солнца” (кордск.), а второе слово — ҫыҫ (башк.) и — Торьн (кордск.) означает “господин, вождь” — Божество и в дословном переводе с башкордского, не считая кордского слово — аватара, означает ҫыҫ ава “вождь упал” (на землю).

Наиболее же древними аватарами бога Вишну являются две живности, носящие имена исконно индоиранского происхождения. Первая — это черепаха, чье имя на санскрите — курси, почти идентично близкородственному кордскому названию черепахи — куси, а вторая аватара — рыба, в санскрите — маться, а в кордском — меси, а откуда и произошло древнеперсидское название предков башкордов— массагеты “рыбачьи саки”, то есть — саки, занимающиеся рыбной ловлей на море. Дождь, изливаясь на землю, материализуется, становится аватарой в траве, и деревьях именно поэтому касты, занимающиеся земледелием — Вайшья и коневодством — кшатрии, особенно почитали Вишну — Нараяну, тогда как высшая каста ведийско-арийского общества —Брахманы в культуре Вишну — не нуждались.

Брахма “раздувание и распухание” (башкордск.) порождает дождь — ҫыҫ (кордск.), который слетает wəш (кордск.) с неба и, становясь богом Вишну обходит в 3 гигантских шага всю Вселенную и, проникая — виш (санскр.) во все живое, воплощается и становится аватарой на земле. В эпосе “Урал-батыр” все это живое, произрастающее от дождя на севере, символизирует посох Урала, который он добыл у змеев глубоко под землей. Здесь просматривается древний ведическо-арийский культ Змей нагов, бывший особенно распространенным на северо-западе Индии, то есть на той территории, куда первоначально ворвались ведические арии и полностью вырезали и уничтожали все местное темнокожее население. Следовательно, сам культ змей — нагов, распространенный среди ведических ариев Сев. Индии, к тому же сохранившийся у кордов — езидов в виде почитания белого змея — Шахмера известного и у башкордов Урала, не сможет считаться каким-то там дравидийским культом, поскольку эти дравиды — дасью в Северной Индии были просто истреблены до последнего человека. В башкордском эпосе “Урал-батыр” неоднократно подчеркивается, что этот чудесный посох Урала сделан из дерева, тогда как в кордском языке посох из дерева называется Шьв, а также— “ветка, прут, тонкая палка”. Слово того же корня — Шьвдар в кордском языке означает — палка.

В связи с этим интересно отметить, что уже древнеиндийский лингвист Панини (IV — V до н. э.), по словам Бонгард-Левина: “...приводит отсутствующее в других текстах слово “шивака”, означавшее либо адепта шиваизма, либо изображение Рудры — Шивы.. Патанджали (II в до н. э.) уже свидетельствует о наличие ритуальных статуй Шивы.

На развитие его культа в эпоху Панини указывает и то, что в труде этого известного грамматика назван расположенный где-то на севере страны “город Шивы” (Шивапура). (См. указ. соч., стр. 294).

Посох или позднее металлический жезл являлся в эпоху Панини символом бога Шивы, а позднее в средние века его сменил трезубец. В Шиваизме царит культ деревьев и бог Шива часто сам принимает форму дерева. Так, в XII книге Махабхараты повествуется как Брахма в момент сотворения Вселенной оказался бессильным перед стихией Хаоса и обратился за помощью к богу Шиве, который тогда создал Данду — палку (кордск. — дар). Чтобы противостоять злым асурам, боги-дэвы совершили жертву, во время которой из пылающего пламени огня родился меч — кханда, которым бог Шива истребил всех демонов, а затем вручил его богу Дождя — Вишну, от чего во время грозы на небе и блистает дождь. Дровами — шьв (кордск.) ведические арии разжигали священный огонь, которому приносились кровавые жертвы и со временем люди, видевшие прямую связь огня с дровами, перенесли разрушительные функции пламени огня на дрова — Шиву и, именно поэтому бог Шива изображается карателем всего живого и пожирателем сырого мяса.

Все эти качества и деяния ведийского бога Шивы описываются в более древнем башкордском эпосе как подвиги с посохом Урал-батыра и поэтому совсем непонятно, когда Г. М. Бонгард-Левин пишет: “По-видимому, “неарийский” Шива был популярен именно в этих двух районах [Вакихи-Сиби: северо-западная Индия и Прачья “Восточная сторона. — Прим. С.Г.]; позднейшая же традиция ввела его в число ведийских божеств полностью совместив с Рудрой”. (См. указ. соч., стр. 293).

По этому поводу следует заметить, что это неверно, во-первых, потому что “позднейшее время”, когда индо-арии завоевали Индию и стали оседлым населением в отличие от башкордов Урала и кордов Месопотамии, развитие получала не ведийская кочевая традиция справления богослужения кое-как и где угодно, а традиция Брахман, где было строго кодифицированы правила жертвоприношения, вследствие чего Дерево для дров священного костра, по логике обряда, просто обязано было стать божеством и органично войти в высшую Триаду: Брахма (почка) —> Вишну (дождь) = Шива (Дерево, порождающая почку — Брахму каждую весну — Вишну). Во-вторых, наличие самого слова — Шьв в удаленном от территории Индии кордском языке еще и еще раз доказывает, что имя бога Шивы зарождалось на севере — на Южном Урале, когда древний ведийско-арийский язык еще не распался на древнеперсидский язык Авесты и индо-арийский язык гимнов “Риг Веды”.

Именно на севере, на Урале, где некогда жили индо-арийские племена весной на деревьях набухают почки “□□□□” и происходит, как считали ведические арии, зарождение — Брахмы, затем идут дожди — Борани (кордск.), капли которого сыпятся — Wэ□□□□ (кордск) как бог — Вишну и затем все палки — деревья — Шьв (курдск.) оживают и ветви — Шьв дают побеги — Шьв и начинают распускаться листья и постепенно оживать.

Все три божества: Брахма — Вишну — Шива образуют трицу — Тримурти, которому в иранской Сако-Массагетской мифологии соответствует триединое — “Се” — существо: Семург — Птица покрытая рыбьей чешуей и головой собаки, символизирующее собой три стихии — воздуха (птица), земля (собака), воду (рыба). Слово — “Се” в кордском языке означает — 3, а слово — “Мург” восходит к кордско-скандиновскому — мьрьд — Эмир “человек, существо, живность”. Собакоголовые рыбы Готы, именно так расшифровывается этноним Сако-Массагеты, являются предками иранцев-башкордов и немецкого племени готов, от которых берут начало скандинавские народы: шведы — норвежцы — датчане,

англы, бургунды. Теперь становится понятным, что Сако-Массагеты — это союз ирано-германских племен. После ухода большей части саков — иранских племен в Переднюю Азию, древнегерманское племя Готов вплоть до V века продолжало жить в Северном Причерноморье. В 258-ом году Готы — Гауты захватили Крым, до этого принадлежащий Византии. Крымские готы-немцы исключительно долго смогли сохранять свой язык на протяжении более чем 13 веков. Так, в XVI веке фламандский купец Бусбек встретил в Константинополе одного крымского гота и записал у него 68 готско-немецких слов. Лишь только в XVIII веке крымские готы-немцы окончательно растворились в местном населении.

Возвращаясь к древневедийским богам, следует сказать, что: Брахма, Вишну, Шива образуют Тримурти наподобии православной Троицы: Отца и Сына и Святого Духа — и их Триаду, то есть Священное собрание вместе вербально символизирует священный возглас — слог “Аум”, который в башкордском языке так и переводится — “собрание”, сход, либо сходка по делу всем членам общины, деревни, колхоза по какому-нибудь важному делу, событию. В этом смысле башкордское слово — ә□ә (аум) семантически полностью тождественно ведийско-английскому слову — Summit “встреча — сходка”.

Субстанционально-энергетическое бытие Тримурти: Брахмы — Вишну — Шивы выглядит следующим образом: varuna — Небесный Океан — Борани (кордск.) изливает — wә□□н (кордск.) Дождь, который оживляет все мертвые деревья — Шьв (кордск.) через их почки ,, □ө□ө (башкордск.), а у кордов слово — Бар “Плод”. Кордско-башкордское Борани “Дух — Ураган” тождественно ведийскому varuna, который в башкордском эпосе “Урал-батыр” олицетворяет птица Ворон Хозяин Космического закона — Риты. Отношения и субординация внутри самой структуры Триады: Брахма — Вишну — Шива строятся по типу отношения семени к растению и эта аналогия напоминает православно-христианское учение о Святой Троице: Отце, Сыне и Святом Духе.

Как писал А. Ф. Лосев: “...чисто диалектическая православная точка зрения, которая 1) признает существенное своеобразие каждой ипостаси, не внося никакого субординационизма и признавая их абсолютно равночленными, и которая 2) в силу этого своеобразия ипостасей утверждает, что Дух Святой не может находиться в одинаковых отношениях и к Отцу и Сыну. От Отца он “исходит”, как и в физических вещах их реальная жизнь зависит прежде всего от того, чем собственно, какую именно вещь является данная вещь. Но от Сына Он не может исходить, так же как в физической вещи ее реальная жизнь не может зависеть от структуры подобно зависимости от самой структуры. Лучше всего взять аналогию с растением.(...) Явно, что жизнь исходит из семени и корней, а не от дерева, вернее от того жизненного заряда, который заложен в семени. Сказать же, что жизнь растения происходит как от семени, так и от его структуры, это значит или принизить и лишить субстанциональности структуру растения — тогда получится агностический дуализм между самим растением и его живыми силами, — или лишить субстанциональности эту самую живую силу и тогда — получается только одна фактическая структура растения сама — сама по себе, т.е. обнаружится рационалистический механизм и позитивизм. Дух Святой исходит от Отца. Но исходить от Сына — значит исходить из Слова, из Разума, т. е. это значит уже не просто исходит, но выводится, быть выведенным. Растение, конечно, происходит из семени, но его невозможно разумно вывести из него.” (См. А. Ф. Лосев. “Диалектика мифа”. М., 1990, стр. 514).

В ведийско-арийской философии племени Куру отцом является Варуна, его Дух — Вишну, а сын Дерево — Шива на ветвях которого каждую весну на Урале

рождаются почки “□□□□” — Брахма. Дождь — Вишну от Дерева — Шивы не зависит, а проистекает от Небесного отца — Варуны: □□□□ (курдск.). Смена одной субстанции другой внутри Космической Триады, а более точнее Четвериады — Варуны — Вишну — Шивы Брахмы или Бурана — зимой, дождя — весной, почек — □□□□, на деревьях — шив по ведийско-арийским представлениям происходит по Вселенскому закону Рите — Року — Фатуму.

Интересное наблюдение о связи представления о Роке со временем у древних латинян оставил П. Флоренский, который писал: “В латинском языке (...) — **Fatum**, — Судьба, Рок — происходит от **fa-to-r** или в более обычной форме **for, fatus sum dari**, т. е. от корня **fa** (санскритское **bha**), опять таки означающее “говорить”. **Fatum** — опять таки изречение. (...). По римскому верованию боги — а среди них Юпитер, в особенности, устанавливают своими речениями, открывающими людям их волю и называемыми **Fatum** или **Fata**, устанавливают участь людскую: что бог сказал, то и есть участь **fatum**, ...” (Стр. 532) (...). Римское **Fatum**, как и наше “Рок” сплетается с идеей времени. Как и время **Fata** ведут участь в твердо определенном порядке, так что можно говорить о “**fatarum ordo**” и о “**fatorum series**” как необратимо и не возвращаемо вспять **Время**”. (См. П. А. Флоренский. “Столп и Утверждение Истины”. М., 1990, т. 1 (II). Стр. 532 — 533).

В эпосе “Урал-батыр” — Ворон именно — Изрекает (Рок — Fator) учение о Рите.

На Урале только одно дерево — Шьв порождает себя в миниатюре, это дерево — дуб, называемое башкордами и □□□ “вечный, безмерный, необъятный” (сравните с английским — **immens** с тем же значением) на ветвях — Шьв (кордск.), которого каждую весну — Вишну рождаются — желуди и именуемые башкордами — □□□□□□□□. Башкордское слово желудь — □□□□□□□□ состоит из двух ведийско-арийских слов — сат “чистая субстанция”, русское — суть (чего-либо) и другое слово — лока “путь, пространство, мир”, область”. И наряду с такими ведийскими словами как “Джана+лока, Тапа+лока, Махар+лока; Брахма+лока — означает на санскрите состояние бытия (божественное, человеческое). В конце концов существует самостоятельное слово — Сатьялока “□□□□□□□□” в санскрите, означающее — Истинное Пространство.

В башкордском языке слово — лока стало аффиксом — □□k, посредством которого образуются существительные, обозначающие абстрактные понятия, а также — концентрацию чего-либо или качества в определенном месте.

В кордском языке от этого санскритского слова — Сат “чистый”, “истинный” родилось новое слово — Садьк “искренний, чистосердечный”, где суффикс — ik является показателем единственного числа имен существительных.

Если на Урале ведические арии видели как из дерева — дуба весной порождается почка: □□□□ — Брахман, которая разбухая дает рост желуди и тем самым через растение порождает и раздвигает пространство — акашу (k□□ — зима, башкорд.), то придя в Индию ведические арии заменили поклонение дубу поклонением Смоковнице „ □□□□□□□□, чьи плоды — Бар (кордск.) символизировали — Сатлаук, Сатьялоку — желудь или “чистое пространство”.

В Упанишадах — Брахман сравнивается со смоковницей, которая не растет на Урале. С этой стороны получается путаница, поскольку не смоковница, а дуб порождает желуди, называемые башкордами и сейчас — □□□□□□□□.

Катха упанишада: (3, 1). Наверху — корень, внизу — ветви, это вечная смоковница. Это чистое, это Брахман, это зовется бессмертным. В этом утверждены все миры, и никто не выходит за его пределы. Поистине, это — То.

Тайтирия упанишада: Раздел блаженство Брахмана. (I глава). 3. Поистине из этого Я (Брахмана как Атмана) возникло пространство (акаша), из пространства — ветер (буран), из ветра — огонь (□э□□□ — молния весной), из огня — вода (дожди весной, летом, осенью), из воды — земля (ер — ир; земля — мужчина), из земли — трава (по весне), из трав — пища, из пищи — человек.

(Перевод А. Я. Сыркина. Примечание С.Галлямова)

Все эти ведийско-арийские, кордские имена и этимологические сопоставления с башкордским языком лишней раз подтверждают факт древнего исхода ведических ариев в Индию с территории Южного Урала, где они видели как после зимы — k□□ (башк.) из почки — □ө□ө (башк.) рождается желудь — □э□□эу□□ (башк.), из которого и получает свое развитие “чистое пространство” — Сатьялока (санскр.).

Из древней истории мы знаем, что часть ведических ариев в II-ом тысячелетии до н. эры, отделившись от основной массы ариев, идущих через Гиндикуш и Пенджаб в Северную Индию, двинулись в противоположном направлении и, преодолев на своем пути Иранское нагорье, вошли с северо-востока в Междуречье Тигра и Ефрата (как это сделали ранее до них Шумеры) и основали в центре Передней Азии государство Митанни. Из всех имеющихся иранских языков только язык кордов рода Зангене напрямую восходит к древнеиндийским языкам, и это позволяет нам сделать вывод, что именно корды и являются потомками ведийско-арийского рода Куру, которые пришли как митанийские арии на юг с далекого для Передней Азии Севера с территории Южного Урала (Башкордистан — Уттару Куру). Это научное открытие позволяет нам сделать следующий вывод о том, что именно ведийско-арийская мифология и психофизические упражнения и техника йоги лежат в основе кордской религии, более известной в истории под названием — Халдейская философия, впоследствии оказавшая самое глубокое и решающее духовно-идейное влияние на взгляды древнегреческих мыслителей Пифагора и Платона, создавших две самые известные школы античной философии названные в их честь: Пифагорейство и Платонизм.

Вторжение митанийских ариев на территорию Передней Азии и Ближнего Востока в начале II-го тысячелетия д. н. эры совпадает с началом упоминания в ближневосточных клинописных источниках того времени двух этнонимов: кочевников — Хап-бири или Ап-бири и мореходов — Пелестин или Палештум. С точки зрения лексики кордского индогерманского, митанийско-арийского языка эти два слова: Хабири и Палестин означают “Народы моря”, которых по всей видимости и потеснили пришедшие с севера ведические арии. Из этого следует, что теперь необходимо говорить о вторжении огромной массы индогерманских племен с севера-востока (Иранское нагорье) и с севера-запада (Балканы) на территорию Ближнего Востока. Этноним Ха-бири в целом является исконно индогерманским, так: в башкордском слово — h□□ “вода”, давшее затем в название — море, в исландском — h□F, в датском — hav, норвежском — hav — в языках, тех народов, которые сами переселились на запад с Урала в эпоху раннего энеолита.

Слово — “бер” в кордском, индогерманском языке означает — “весло, лопата”. Эти два индогерманские слова и являются основой древнего этнонима — Хабири, которые, отделившись от земли своих предков — Ура Халдейского (Кордистан), перешли реку Ефрат. В современном кордском языке слово — □□h□ — (англ. — jew) имеет два значения: 1) отделившийся и 2) еврей — Хабиру.

В составе 12 колен Израилевых имелся род Дану от Дана сына Иакова от Валлы служанки Рахили, само рождение, которого от прислуги указывает на прямую связь с инородным этническим элементом и, возможно, в мифологической форме сохраняет воспоминание о знаменитом браке кордско-Митаннийского царя Маттивазы на дочери Хеттского царя Шуппилумы, состоявшийся в XIV веке до нашей эры.

Хетты были особо дружны с критянами — пелазгами и лелегами этнически близким этносом современным кавказским народам абхазо-адыгейской языковой группы: абхазы, кабардинцы, абазины, шапсуги, убыхи, адыги, лазы, лезгины, леки.

Имя Дану происходит от ведийского — danu “влага” и этимологически это имя сопоставимо с мифическим именем греков — Данайцами.

Вполне возможно, что и другое имя греков — Ахейцев, обитавших в Микенах и совершавших дальние походы по морю — Хав (исланд.) на лодках под парусом — Баск (кордск.) или на веслах (Ro — исландск. — Бер, кордск.) произошло из башкордско-индогерманского слова — понятия: Хыу —Хав: Вода — Море, Небесный Океан — Варуна (санскр.) ऋषि (кордск.). В “Риг Веде” Дану — это мать водного чудовища Вритры, от которой произошли — Данавы. Этноним Хабиры точно воспроизводится в имени мифического гиперборейского мага и жреца — Абариса, который, сев верхом на стрелу-весло, взлетая, совершал путешествия по Небесному Океану Varuna — ऋषि. К этому следует добавить, что вороны, которым как живым богам поклонялись все индогерманские народы, в зимнее время при холоде постоянно сидят на ветках деревьев — Шьв (кордск.), растущих возле жилища человека.

Такие индо-европейские слова как — барка “крупный парусный корабль”: англ. — bark; голл. — bark; немец. — bark; средне нижн. немец. — barse; латинское — barsa и греческое baris восходят к курдскому корню — “бири”, давшему имя — Абарис, который летал по небу на полученном от бога Аполлона стреле — весле.

В башкордском слово — Бире означает “речных, озерных чертей”.

Другой этноним — Пелестин или — Палештим восходит к кордскому слову — пел “волна” и ведийско-арийскому — stha “стоящий”. Кордский этноним — Пелестин “волна стоящий” начинает упоминаться с XV века до н.э., когда произошло так называемое новое возвышение Кносса (киназа — совет, башк.) на Крите (1450 — 1400 гг. до н.э.) и критяне, высадившись на ближневосточном побережье, основали свои колонии — Газа, Аскалон, Экрон (и др.) и оттеснив прежних жителей Ханаана, утвердились в названной по их этнониму земле — Палестине. В известном смысле русское слово — Волна полностью соответствует кордскому слову — Пел с тем же значением. После битвы при Кадеше Хетское царство ослабело и Ахейцы — пелесат смогли совершить морской поход на Трои и окончательно разрушить этот город.

Ко всему этому необходимо добавить, что в Библии в Ветхом Завете повествование ведется как бы от имени митаннийских ариев, то есть народа, который вышел из Ура Халдейского, переправился через Ефрат и проник на Ближний Восток и Египет, как это на самом деле совершили хурриты — матиены, известные в истории под именем — Хека каз ут или, по-гречески — Гиксосы, основавшие в дельте Нила свою столицу Абарис.

Именно Гиксосы: хуррито-матиены и были изгнаны позднее из Египта фараоном — Пирауном Яхмасом I, который сумел захватить их южный форпост в Египте, город Абарис — Аварис, располагавшийся на берегу Нила.

Этническое происхождение народа и языковая принадлежность того же самого народа как учит нас история — явления часто далеко совсем не

идентичные. При изучении каждого языка следует искать следы древнего праязыка — основы. Так, древнекордское слово „ □э□□ “прежде, давно, в начале”, в санскрите — Пураны, в башкордском языке — борон “издревле, в начале” встречается в Ветхом Завете в форме — Берешит “в начале”; кордско-ведийское слово — Сат “чистый” — Садык в Библии — Садок “Праведный”, от которого и происходит название секты саддукеев — садокидов, исповедующих идентичное по своей сути учение древнеиндийской философии — локаяты. Другое религиозно-философское учение суфизм — его название и сама концепция способности человека посредством молитвы созерцать Бога в облике огня и света, проник на Ближний Восток вместе ведическими-митаннийскими ариями в начале II тыс. до н. эры.

Название — суфизм происходит от ведийского — Сутра “нить, сучить” и происходит от ведийского глагола — Su “выжимать, тянуть”. В обществе ведических ариев считалось, что риши (дэвариши) ткнут ткань гимна нитью стихотворных ритмов, отчего и берет свое название — Сутра, давшее также слово — Суф, “плащ суфия”. То что митаннийские арии занимались йогой доказывается тем, что особым и глубоко специфичным йогическим термином — kaivalya — kevala их потомки корды — езиды называют особый класс своих священнослужителей — кавалов. Слово — Суф “шерстяной плащ — накидка” встречается и в Ветхом Завете, где им назван умеющий разгадывать сны — Йосуф (Иосиф), которому отец Иаков подарил “разноцветную одежду”, тем самым выделив среди других своих детей.

И последнее!...

Касаясь генетической близости башкордского эпоса “Урал-батыр” и шумерского “Сказания о Гильгамеше” следует заметить, что шумеры никуда не исчезли, а смешались и слились с куртиями—кутиями, являющиеся как и митаннийские арии предками современных кордов Месопотамии и, аккадцами, о чем И. М. Дьяконов описывая этническое сближение шумеров с вавилонянами (калду-кардуниаш) писал так: **“Этот процесс нельзя рассматривать как вытеснение одного народа другим: по своей культуре и в значительной мере по своему антропологическому типу позднейшие вавилоняне продолжают линию развития шумеров. Это не другой народ, а тоже самый лишь изменивший язык, и его история является продолжением Шумера”**. (См. сб. “Народы Передней Азии”. 1963 г. И. М. Дьяконов). Ст. Аккадцы”. стр. 47).

Сами Шумеры пришли в Месопотамию с северо-востока в V — IV тысячелетиях до нашей эры, преодолев на своем пути к долинам рек Ефрата и Тигра, горы Загроса, располагавшиеся в самом центре Кордистана. Родство шумеров с северо-восточными для междуречья регионами Ирана и Средней Азии, доказано надежными археологическими параллелями в их материальной культуре. Этноним Кутий соответствует этнониму башкордского рода Катай. Нет никаких сомнений, что для шумеров — выходцев с северо-востока Ирана и Средней Азии было гораздо легче смешаться и продолжить свое существование с генетически близкими им предками современных кордов — Кутиями, жившими в долинах Загроса. К этому выводу нас наводит и следующий исторический факт, так, ассирийцев, бывших граждан Ассирийской империи в настоящее время в мире насчитывается около 1 миллиона человек, тогда как кордов — потомков Кутиев Загроса в настоящее время исчисляется около 40 миллионов. Из этого следует, что в самой Ассирийской империи (XIV — VII в.в. до н. э.) предки кордов составляли большинство. Сами Кутии известны в истории Междуречья с III тысячелетия до нашей эры, где они жили по соседству с Шумером и шумерами задолго до возникновения Ассирийской державы. Имена шумерского царя Шульги и его сатрапа Зарикума, которые освободились от владычества Кутиев,

сохранились в башкордском эпосе “Урал-батыр”. В отношении родства башкордов Урала, особо искусных в добыче руд и обработке металла, кордов — Кутиев Месопотамии и эпоса “Урал-батыр” с шумерами необходимо сказать следующее: — если нет никаких сомнений, что Пятикнижие Моисеево принадлежит евреям; трагедии Эсхила принадлежит грекам, трактат “Дао-де Цзин”, написанный Лао-Цзы — китайцам, то нет никаких сомнений и в том, что шумерское сказание о Гильгамеше три таблички, из которого сохранились в эпосе “Урал-батыр”, был создан и записан древними башкордами — курдами.